

ГЛЕБ ЛЮТАЕВ

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ
ФАРВАТЕР
ОТКЛОНЕНИЕ ОТ КУРСА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Глеб Лютаев
Параллельный фарватер.
Отклонение от курса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56914038

SelfPub; 2025

ISBN 978-5-532-04546-0

Аннотация

Отправляясь на выполнение специальных задач в Аденском заливе, старший сержант Данила Кравцов не предполагал, что именно ждёт его и членов экипажа корабля. Сбившись с заданного курса, они оказались там, где страх перед смертью не шёл ни в какое сравнение с тем, что поджидало их в необычно плотном тумане. И именно там, на пороге человеческого восприятия действительности, проявилась истинная сущность людей, скрываемая до этого не только от посторонних, но и от них самих...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	21
Три пути	21
1	21
2	35
3	56
Глава 2	68
Заданный фарватер	68
1	68
2	79
3	89
4	95
5	97
6	101
7	101
8	105
9	115
Глава 3	117
Странное	117
1	117
2	121
3	123
4	126

5	135
Глава 4	150
Пираты	150
1	150
2	160
3	163
4	180
5	188
6	193
7	199
8	206
Глава 5	219
Оман	219
1	219
Конец ознакомительного фрагмента.	222

Глеб Лютаев

Параллельный фарватер. Отклонение от курса

Пролог

Олег стоял на одной из нижних палуб и медленно выдыхал сигаретный дым. В этот ранний час, когда солнце неохотно поднималось из-за горизонта, можно было не переживать, что кто-то застанет его за этим занятием. Курить на корабле разрешалось только в нескольких специально отведённых для этого местах, а учитывая перевозимый груз и его стоимость, штраф за курение в неподобающем месте был довольно солидный.

Но Олега это не волновало. Капитан и другие члены командного состава в это время обычно спят, да и вряд ли они когда-либо сюда спустятся. Здесь, в самых «недрах» корабля изредка проходили только коллеги Олега, а им до его курения нет никакого дела. Поэтому молодой моряк продолжал потягивать сладковато-горький дым, наслаждаясь каждой затяжкой и размышляя о своей жизни.

А поразмыслить ему действительно было о чём. Двадцать восемь прожитых лет, пятый морской длительный поход, че-

тыре континента изучены со всех сторон света: с востока, запада, севера и юга. С тех пор как Олег начал ходить в международные рейсы на торговых судах, он многое успел увидеть. Он посетил множество жарких стран и испытал на себе суровость холодных берегов Аляски, наблюдал за разнообразием населявших континенты народов с их необычными традициями и причудливой внешностью, а также условиями жизни, так не похожей на его собственную. Он видел невероятное количество построек самого замысловатого дизайнера и самых разных размеров. Да чего только не было в приключенческой жизни русского матроса.

Кроме того, невозможно было забыть сильнейшие шторма, порой так неожиданно встречающиеся на пути кораблей. Олег ходил на меньших судах, а потому вместе с бурями приходили те незабываемые дни и ночи, когда не оставалось ничего другого, как надеяться на милость богов и матери-природы, а также на прочность судна, даруемую морякам конструкторами, проектировщиками и бесчисленным множеством рабочих, трудящихся где-то на верфях в далёких странах.

Олег по-настоящему любил океан. Его бесконечные просторы и красота давали волю чувствам, которые невозможно испытать на берегу. Дуновение ветерка в знойную жару, лазурные закаты и ранние восходы, постоянный солоноватый привкус на губах, стаи дельфинов, так радостно приветствовавших корабли и сопровождавших их весёлыми криками

и громкими всплесками. Редкие заблудшие чайки, которые время от времени появлялись на корабле. Всё это наполняло путешествие чувством какой-то бесконечной, понятной только морякам романтики. Но молодой матрос понимал, что всю жизнь он так прожить совсем не хочет. Мысли его в очередной раз вернулись к далёкой Америке.

Когда Олег впервые подошёл к Нью-Йорку, его восхищению не было предела. Всё то, что он когда-то видел в голливудских фильмах, рекламных роликах и социальных сетях, явилось ему воочию. Все эти небоскрёбы, бесконечные потоки автомобилей и толпы людей, вывески, реклама... Одним словом – ЖИЗНЬ. Всё это предстало перед его широко открытыми глазами. Не то чтобы Олег и раньше не видел больших, оживлённых городов, но именно Нью-Йорк стал для него настоящей мечтой.

С тех пор моряк знал, чего он хочет от жизни. А хочет он поскорее закончить учёбу в родном Санкт-Петербурге, получить образование штурмана и ходить по морям уже не простым матросом, а третьим помощником капитана. Естественно, это только пока. А далее, подзаработав денег, он будет воплощать в жизнь все свои мечты.

Надежда и вера в это были сильнее, чем какие-либо аргументы, подкидываемые ему доброй половиной друзей и родственников. Он им не верил, не хотел верить и даже слушать не хотел. А на весь этот хвалёный патриотизм, воспеваемый далеко не патриотичными политиками, и о котором говори-

ла вторая не менее добрая половина окружающих его близких, плевать он хотел с высокой колокольни. Пусть патриотами будут другие, более достойные, а Олегу всего-то и нужно, что немного тихой и спокойной жизни... Но не в России. И он нисколько не сомневался, что достигнет всего того, что хочет, за пределами своей «необъятной» Родины.

– Эй, бездельник, ты чего это тут куришь?!

Олег быстро затушил бычок, смяв его двумя пальцами за спиной. Этому трюку он научился ещё в школе, когда на переменах его с другими мальчишками ловил злобный физрук.

– Сколько можно повторять? Для курения на этой чёртовой посудине отведены специальные места! Ты хочешь, чтобы однажды мы все здесь подорвались, мать твою?!

У Олега на секунду промелькнула мысль о вероятности подрыва громадного корабля одной сигаретой, но он решил ничего не говорить.

– Лучше иди и посмотри, всё ли в порядке с этими чёртовыми железяками.

Это был дядя Жора, старый ворчун, один из немногих русских членов экипажа. Он проходил матросом на кораблях дальнего плавания всю свою жизнь и благодаря своему литовскому происхождению отличался сильной нелюбовью к бывшим соотечественникам.

Жору на корабле никто не любил. Он постоянно только и делал, что всё обо всём вынюхивал. Его любимым занятием было обходить участки, за которые он не отвечал, а потом до-

кладывать командованию всё, что там видел. Дядя Жора был первым стукачом на корабле, и никто не скрывал от него своё пренебрежительное отношение. Бывалые моряки не трогали его только из уважения к возрасту.

– Да я не курю, дядь Жор! – ответил Олег с натянутой улыбкой. – Просто привычка сигарету в зубах держать, когда курить хочется, а возможности нет.

– Тьфу! – Жора смачно сплюнул, махнул рукой и, бормоча себе под нос что-то невнятное, медленно удалился.

– Старый козёл! – проговорил Олег вслух, когда Жора пропал из виду. – Какое тебе дело до меня? Катись подальше со своими проповедями.

Конечно, если он доложит капитану, что Олег курил в этом месте, наказания ему не избежать. В лучшем случае отделается строгим предупреждением и какой-нибудь дополнительной работой. Но на таком судне за это могли и оштрафовать, такие случаи здесь уже бывали.

Олегу нужно было обойти ещё несколько ярусов, полностью забитых новенькими автомобилями. Моряку надлежало проверить крепление машин к палубам, целостность, состояние элементов судна, которые в случае неисправности могли бы отрицательно повлиять на состояние перевозимого товара. Погрузочно-разгрузочные работы обычно обеспечивали представители завода-изготовителя или дилеры-поставщики, а вот во время передвижения к месту назначения за сохранностью и целостностью машин следовало следить

Олегу и нескольким его сменщикам. Впрочем, именно этим он сейчас и занимался. Отвлёкся матрос только для того, чтобы перекурить.

Корабль следовал из Азии в Европу. Он перевозил несколько тысяч новых автомобилей, в число производителей которых входили такие марки, как «Toyota», «Mazda», «Hyundai», «Kia» и некоторые другие, менее известные. Транспортируемые на запад машины будут выгружены в нескольких ближневосточных и восточноевропейских портах, откуда разойдутся в разные стороны. Олег первый раз попал на такое судно. Конечно, он бывал на огромных контейнеровозах и раньше, но здесь всё было совсем иначе. Перевозятся исключительно автомобили. Семь палуб, расположенных друг над другом, размещали на себе несметное количество новеньких, сияющих дороговизной авто. Надёжные крепления оберегали их от каких-либо перемещений во время штормов и качки. Такая картина, с трёхмерным изображением прекрасных иномарок не оставила бы равнодушным ни одного мужчину, так же как и сам корабль, который их перевозил, поражающий своими огромными размерами.

Судно, на котором сейчас находился Олег, принадлежало одной из крупнейших судовых компаний мира. Оно представляло собой корабль-автоперевозчик, или как такие суда называли сами моряки, «автомобилевоз». Судно это было построено сравнительно недавно и являлось одним из самых больших кораблей подобного класса. Такой корабль был са-

мым выгодным и самым быстрым способом доставки «железного друга» покупателю.

Технические данные судна поражали. Корабль был длиной около двухсот метров, шириной тридцать и осадкой десять метров, а водоизмещение стального гиганта составляло шестьдесят две тысячи восемьдесят тонн. Корабль напоминал Олегу гигантский Ноев ковчег, на котором в случае библейского Всемирного потопа можно было бы спасти несколько тысяч машин. Он знал, что по прибытии в порт автомобили будут выгружены своим ходом через аппарели, расположенные по бортам и в корме судна. После корабль вместе с экипажем отправится на новое задание.

До сих пор погода благоволила быстрому продвижению по заданному фарватеру. Уже несколько дней подряд стоял штиль, и корабль шёл почти с максимальной скоростью в двадцать узлов. Олег очень надеялся, что такая погода будет стоять и в дальнейшем. За годы, проведённые в море, одно он уяснил точно: шторм и неразделимая с ним качка интересны только до первой встречи с ними. Слушая грохот волн и пытаясь поймать незакреплённые вещи, Олег больше не хотел участвовать в подобных аттракционах. Вся романтика, воспеваемая в различных песнях и просматриваемая в кино, вышла из него вместе с обедом, покинувшим желудок после пары часов непрекращающегося болтания из стороны в сторону.

От всех этих мыслей юного моряка оторвало какое-то

странное ощущение. Нельзя сказать, что он почувствовал его внезапно. Оно появилось с постепенным нарастанием, но ощутил матрос его довольно ясно. Сначала Олег решил, что по телу побежали «мурашки», но потом он убедился, что это не так. Да и как такое могло быть в это-то время года, да ещё и в Аденском заливе? Здесь даже по ночам была невыносимая духота, а тем более внутри громадной железной коробки. Нет, ощущение было совсем другим, очень непривычным и совсем неприятным. Оно напоминало лёгкий электрический разряд, пробежавший по всему телу. Волоски на руках приподнялись, а по коже словно топталась армия крошечных, невидимых муравьёв.

И всё бы ничего, наверное, он списал бы это всё на чувство страха при воспоминании о шторме, но нет. Точно нет. Матрос словно испытал лёгкую вибрацию по всему телу, а может, даже по кораблю. Все эти явления было сложно понять. На миг, всего на мгновение Олег решил, что от жары и недосыпания у него начались галлюцинации. Но такого раньше не было, никогда не возникало у Олега подобных проблем. Парень не мог ни на чём сосредоточиться в таком скверном состоянии. Он «поёжился» и просто растерялся от происходящего. Его тело пронизал холод, и от этого становилось не то чтобы страшно, но как-то настораживало. Здесь, практически в тропиках, внутри нагретого горячим воздухом металла такого просто не могло быть.

Олег не понимал, не осознавал, реально ли то, что он чув-

ствуует.

Спустя несколько мгновений парень вдруг обнаружил, что кроме всего прочего вокруг стало слишком тихо, необыкновенно тихо... И вслед за этой поистине космической тишиной Олега наконец стал наступать леденящий душу страх.

В тот самый момент, когда матрос с трудом начал приходить в себя, если это действительно было так, из-за автомобилей вдали что-то показалось. Приглядевшись внимательнее, молодой моряк увидел, что вдоль борта корабля, прямо ему навстречу, вынюхивая каждый свой шаг, пробиралась крыса. Небольшая серая тварь металась из стороны в сторону и продолжала продвигаться вперёд. Затем в глазах Олега что-то замельтешило. Он увидел ещё одну, и ещё, и ещё... Эти были крупнее, размерами с небольших кошек. Их не было много, но в толкотне, создаваемой грызунами, казалось, что животных повывазило не меньше десятка.

Затем Олег увидел, как изо всех щелей начали выскакивать не только крысы, но и тараканы.

Теперь из-за машин, вдоль борта корабля, а где-то прямо из-под металлических конструкций судна, помимо крыс ползли ещё и мелкие противные насекомые. Всё в той же тишине, что царила вокруг, началось настоящее безумие: крысы принялись грызть шины автомобилей, тут же кидались друг на друга, а потом пытались хватать тараканов. Их мелкие коготки жутко скребли по металлу и в ушах, словно эхом

отзывался их писк.

Крысы продолжали метаться из стороны в сторону. В сюрреализме происходящего Олег ясно различал их силуэты, их мерзкие и скользкие, отвратительные хвосты. Всё это действие постепенно приближалось к матросу и... Нелепая картинка из старого фильма ужасов наяву выглядела и впрямь очень жуткой... Страшной...

– Дядь Жор! Дядь Жор! Жора! Эй, кто-нибудь слышит меня?! – крикнул моряк, но не услышал ответа.

Здесь никого, кроме него, не было, он знал это, чувствовал и поэтому – боялся...

Но даже в этой крысиной анархии Олег чувствовал какой-то подвох, и какой именно, он тут же понял. Работу силовой установки огромного судна не было слышно, хотя ещё несколько минут назад гул двигателя закладывал уши. Моряк понял, что вообще ничего не слышит. Несколько секунд назад в ушах отчётливо раздавался писк крыс и шорох их когтей, а теперь не слышит ничего, кроме собственного перепуганного дыхания и в разы учабившегося сердцебиения. Остатки здравого смысла побудили моряка закричать, но и собственный крик ему казался каким-то неестественным.

Олег крикнул сильнее, но эффект был тот же самый, и ему это показалось не странным, а глупым.

Новый прилив страха переполнил сознание Олега. Внезапно он почувствовал, как налитой тяжестью к горлу подступил холодный ком. Всего его пробил холодный озноб, а

сердцебиение вдруг стало таким ощутимым, таким осязаемым. Молодой матрос безысходно ощущал, что дыхание его заметно участилось и стало таким необычайно громким и подозрительным. Казалось, ему не хватает воздуха, и он жадно пытался вдыхать столь желанный кислород.

А затем пришёл гул. Но это не был гул двигателя, это было что-то другое, что-то намного хуже и страшнее. Шумовая вибрация колотила по ушам, телу, сознанию парня, и ему некуда было деться от всего этого. Реальность постепенно начинала уходить от него, но он всё ещё пытался за неё удержаться...

Наконец Олег поддался панике. Он попытался сдвинуться с места, но не смог даже пошевелиться. Моряк собрался бежать изо всех сил наверх, но сил у него не было, а непослушные ноги словно налились свинцом. Вслед за этим пришло чувство чего-то неизбежного.

Раздался невыносимый, готовый в ключья разорвать ушные перепонки скрежет. Звук был такой, будто кто-то или что-то с огромной силой скребёт по корпусу корабля. Олег закрыл уши руками, от резкой боли он упал на колени и зажмурил глаза. Это было ужасно. Если бы он мог чувствовать что-то кроме этой боли, то почувствовал бы, как на ладонях начинает скапливаться чуть липкая жидкость, медленно сочащаяся из ушей. Но в этот раз боль не давала обращать на неё внимание. Ужасный звук словно пронзил Олега прямо до головного мозга тонкой металлической иглой. Моряк был

на грани безумия.

Олег с трудом открыл глаза, потом закрыл и снова открыл. В припадке он принялся мотать головой, и ему в очередной раз показалось, что это всё иллюзия, просто галлюцинация сумасшедшего. Всё внутреннее помещение судна неожиданно наполнилось полупрозрачным дымом или туманом, а может, смесью дыма и тумана. В таком состоянии сложно было полагаться на любые органы чувств. И всё же это был туман, и он... Светился...

Олег не верил, что это происходит, но всё же продолжал это видеть. Он наблюдал, как светится туман, и не мог понять, не обманывает ли его собственное зрение.

По щекам потекли слёзы. Всё, что было важным в его жизни несколько минут назад, теперь казалось таким нелепым, таким глупым и бессмысленным. Сейчас самым большим желанием было просто исчезнуть с этого корабля, оказаться дома и больше никогда здесь не появляться.

Юноша медленно и крайне осторожно убрал руки от ушей. И снова, как и прежде, раздался скрежет, а за ним грохочущий треск, ещё более громкий, чем в первый раз.

На глазах моряка, мокрых и раскрасневшихся от слёз, стала вырисовываться ужаснейшая картина. Словно сюрреалистичное видение, не поддающееся здравому смыслу, он наблюдал, как со стороны носа корабля корпус начал медленно искажаться. Туман, словно по команде, расходился по сторонам и открывал перед Олегом столь ужасное зрелище. Тол-

стые металлические листы, сваренные между собой прочнейшими швами, стали прогибаться, будто картонная коробка в руках ребёнка.

Олег почувствовал на руках влагу, кинув на них взгляд, он увидел свою кровь. Её алый цвет казался нереальным в туманном осознании происходящего.

Раздался страшный треск. Вновь и вновь он оглушал воздух вокруг, и моряку казалось, что его голову вот-вот разорвёт от бесконечного количества громких звуков.

Раздался взрыв! Невероятно, но именно так это прозвучало. Олег наблюдал, как корпуса автомобилей стали изгибаться. Невидимая сила корёжила их, и иномарки начали превращаться в бесполезные куски металла. Стёкла, словно от невидимого удара, разбивались вдребезги, а их осколки, разлетающиеся во все стороны с огромной скоростью, наносили смертельные раны не нашедшим укрытия крысам. Выглядело всё так, будто в салонах машин возникало сильное давление и стёкла просто не выдерживали его.

Складывалось впечатление, что часть осколков летела с медленной скоростью, а часть – с невероятно быстрой. Но ещё более невероятным было то, что во всём этом безумии некоторые осколки, как в прокрученной назад киноленте, будто ненадолго, всего на миг зависали в воздухе, возвращались обратно, а потом снова разлетались.

Так казалось или действительно виделось Олегу. Он не мог понять, где видение, а где реальность. Всё переплелось

воедино в этот страшный миг. На одном из автомобилей лопнул бензобак, и то небольшое количество топлива, что находилось в нём, расплескалось вокруг. Другой автомобиль из-за сгнивших в три секунды креплений покатился вперёд и ударил впередистоящий. Шины на колёсах машин одна за другой, некоторые с громким хлопком, другие, лишь испустив тихое шипение, выпускали воздух прямо у моряка на глазах. И тут же многие из них стали превращаться в золу вперемешку с тонкими металлическими прутьями.

Крысы сошли с ума. Небольшая стая серых бешеных грызунов кружила вокруг, не переставая истерично пищать. Некоторые прыгали на Олега, кусали его, царапали острыми коготками и пытались грызть его ботинки. Но он был не в состоянии бороться с крысами, не мог стряхивать их и даже отгонять от себя. Сейчас противные грызуны казались ему самым меньшим из зол, присутствовавшим здесь.

Олега вырвало, и в рвотной массе он с ужасом разглядел кровавые сгустки. Когда он с трудом поднял голову после опустошения желудка, его пробил дрожь. Перед глазами возникло нечто напоминающее грядущий Апокалипсис. Прямо перед ним все металлические конструкции огромного судна начали медленно и последовательно покрываться коррозией. Молодой моряк наблюдал, как всего в несколько мгновений сталь окрашивалась ржавчиной, словно у него на глазах пролетали десятки лет.

Теперь пришёл черёд парня вслед за крысами сходить с

ума. Он хотел убежать, скрыться, покинуть проклятый корабль, лишь бы прекратить это безумие. Не в состоянии что-либо предпринять, Олег уже не мог самостоятельно подняться с колен. Его брненное тело не подчинялось разуму, если этот самый разум вообще остался.

Парню только лишь хотелось домой. Ничего более, только бы окунуться в сырой и прохладный воздух родного города. В его сознании промелькнула даже мысль о матери. Такая детская и наивная мысль, присущая маленьким детям, напуганным и беззащитным перед огромным внешним миром. Именно таким напуганным и беззащитным чувствовал себя двадцативосьмилетний моряк, оказавшийся лицом к лицу с неминуемой гибелью.

Во всём огромном отсеке корабля, где-то издалека, но очень громко раздался душераздирающий и нечеловеческий вопль. Крик настолько угнетающий, что молодое сердце готово было в любой момент остановиться от ужаса, который он вселял. Этот крик пронзал, казалось, до самых костей, до самого нутра человеческого сознания, и невозможно было определить, кто или что могло породить такие ужасные, полные боли и отчаяния звуки.

Невидимое нечто, изгибающее металлический борт корабля, сдавливающее автомобили в бесформенные, ржавые и бесполезные куски металла и пластика, приближалось к корме. Участь русского моряка была predetermined. Что-то страшное и необъяснимое неуклонно надвигалось на без-

защитного человека. Когда ЭТО преодолело большую часть судна, электрический разряд по телу моряка начал постепенно усиливаться. Он ничего не мог сделать, был уже за гранью здравого смысла, когда неожиданно почувствовал странное ощущение во рту. В нём словно что-то стало мешать, и невыносимо разболелось горло.

Но матрос этого уже не понимал.

Он не осознавал до конца своей участи ровно настолько, насколько и того, что у него порваны голосовые связки. Так же, как не мог понять, что крик безумия, доносящийся откуда-то издалека, исходил от него самого. Последним, что смог прошептать Олег своим осипшим, хриплым голосом в тот миг, когда его обессиленное тело начало погружаться во тьму, было: «Господи, помоги...»

Глава 1

Три пути

1

Утро не задалось.

Лечь спать получилось только в два часа ночи. Не надо было идти в тот ночной клуб, он ведь знал, что добром это не закончится. Кое-как удалось убраться до приезда патрульных. Драку затеяли гражданские, но проблем у военных от этого не убавилось бы. Да и виноватыми выставили бы опять их, несмотря на то, как всё произошло на самом деле.

Вчера был тяжёлый день. ГОВНОДЕНЬ. Вечером пришлось допоздна задержаться в части в связи с подготовкой документации и имущества. Затем последовала укладка, проверка и перепроверка оружия, гранат и боеприпасов.

Естественно, большую часть работы делал не лично, но контроль за исполнением был возложен именно на него. Когда командир батальона назначал людей в группу, он никого не спрашивал. И тем более не интересовался мнением Кравцова по поводу назначения его на должность заместителя командира группы.

Но помимо тяжёлого дня, выдалась не менее тяжёлая ночь. Он отнекивался до последнего, но друзья всё равно уговорили. Неудивительно. Командировка минимум на четыре месяца, и нужно было немного развеяться перед отъездом. Для Данилы всё закончилось благополучно, в отличие от его друзей с «раскрашенными» синяками лицами. Правда, для нескольких спортсменов, решивших доказать, что морпехи ничего не стоят, всё обернулось и того хуже. Что ж, со сломанными носами они теперь будут другого мнения.

Кроме того, мало было ему дневной работы, ночных клубов, драк и прочего, так опять эти кошмары доставали, делая беспокойным и без того короткий сон.

Да дело было даже не в недостатке сна. Бывало, и раньше приходилось спать по два, три часа в сутки, для военных – дело обычное. Просто сегодня утром не удалось выпить кофе. Ни глоточка. Для Кравцова это было схоже с пыткой. Голова раскальвалась от пониженного давления, виски при перетаскивании имущества и ящиков начинали пульсировать тупой болью. С каждой новой минутой Кравцов становился всё раздражительней.

Иногда он даже начинал понимать курильщиков. Сам он не страдал этой вредной привычкой, с алкоголем тоже проблем не было. Но кофе – это его зависимость. Без двух с половиной ложек обычного растворимого порошка, залитого кипятком, любой день шёл насмарку, и Кравцов всячески пытался не допускать этого. Вот только сегодня не вышло.

Утром пришлось пропустить не только завтрак, но и на чашку крепкого кофе времени не хватило.

Сейчас старший сержант был вынужден стоять в строю и стойко переносить все тяготы и лишения военной службы, связанные с недостатком кофеина в организме.

– СТАНОВИСЬ! РАВНЯЙСЬ! Отставить... РАВНЯЙСЬ! СМИРНО! Равнение на СЕРЕДИНУ! – Умаров развернулся лицом к комбату и отчеканил три строевых шага, после чего начал громко докладывать: – Товарищ подполковник, группа антитеррористической деятельности по случаю проведения строевого смотра перед убытием на боевую службу построена. Командир группы – старший лейтенант Умаров.

Умаров на службе был примером офицерской выправки. Стройный, подтянутый, в аккуратно выглаженной форме и тщательно начищенных берцах, он всегда был готов не только к встрече начальства, но и к решению других, не менее важных служебных вопросов. На этот раз профессиональные навыки его не подвели: уверенно скомандовал, уверенно доложил и так же уверенно отошёл в сторону, освободив комбату место для приветствия. Выглядело всё как в бесчисленных советских фильмах о Великой Отечественной войне.

– Вольно! – спокойно скомандовал комбат.

– Вольно! – дублировал Умаров.

– Ну что, Серёга, готовы?

– Так точно, товарищ подполковник. Группа в полном составе, оружие, боеприпасы и экипировка в наличии.

– А личные вещи?

– Часть уложили в ящики под имущество, часть в своих рюкзаках.

– Хорошо.

Комбат, как всегда, был в непринуждённом расположении духа. В обращении с офицерами, как, впрочем, и с сержантами, он редко прибегал к воинским званиям. Гораздо чаще к фамилиям и именам. Конечно, в случае необходимости он мог мгновенно перейти к разговору «по уставу», что неоднократно доказывал на совещаниях командиров. Подчинённые знали его нрав и старались избегать такого внимания.

Подполковник Ткаченко, или как его все называли, «Ткач», был офицером старой закалки. За свою карьеру он успел послужить во многих частях и различных подразделениях на Северном Кавказе. Его нелёгкий путь пролегал от курсанта Новосибирского Высшего военного командного училища до командира отдельного батальона морской пехоты.

Ещё будучи совсем молодым лейтенантом, Ткаченко выдержал суровое испытание второй чеченской кампанией, затем принимал участие в грузино-осетинском конфликте в 2008 году. Наградой за заслуги ему послужили два «скромных» ордена Мужества и назначение на ответственную должность в бригаде морской пехоты.

В части Ткаченко пользовался заслуженным авторитетом. Как офицеры, так и матросы знали его и уважали. Ему не

было нужды лишний раз на кого-то повышать голос или отдавать указания дважды. Он определил Умарову день, время и место проведения строевого смотра. И, конечно, сделано было всё своевременно, несмотря на очень сжатые сроки, установленные внезапно присланной директивой.

Сейчас комбат поверхностно просматривал документацию, имущество и личный состав группы антитеррора. Он не собирался углубляться в детали, вполне доверяя Умарову, ведь, несмотря на некоторые личностные недостатки за пределами части, в деле военной службы старший лейтенант зарекомендовал себя с положительной стороны. Осмотрев всё, Ткаченко подошёл к личному составу. Перед ним стояли пять сержантов и один матрос. Все были военнослужащими по контракту с различными сроками службы. Выбора особо не было, поэтому пришлось назначать тех, кто не был задействован на других задачах. Если бы Ткаченко мог, вместо некоторых он бы назначил других людей, поэтому сейчас он хотел убедиться, что все готовы к длительной командировке.

Когда комбат встал напротив Кравцова, старший сержант не замедлил представиться:

– Товарищ подполковник, заместитель командира группы антитеррора старший сержант Кравцов. Жалоб, заявлений и предложений не имею.

Ткаченко протянул руку, и они обменялись крепкими рукопожатиями.

– Как дела, Кравцов? Готов?

– Так точно.

– А друзья твои? – Он кивнул в сторону, указывая на остальных контрактников.

– Тоже. Думаю, проблем не будет. – Вот только друзьями он их назвать не мог, скорее товарищами по службе. Никого, кроме Поршнева. Комбату об этом говорить, конечно, не следовало.

– Я тоже на это надеюсь. Смотри, Данила, с тебя спрошу не меньше, чем с командира.

– Есть, товарищ подполковник. Я понял. – На лице у Кравцова появилась слегка видимая улыбка, и в глазах комбата он тоже уловил что-то подобное.

Пройдя дальше, Ткаченко поздоровался с каждым членом группы, после чего принялся осматривать имущество.

После развала девяностых, с началом двухтысячных и приходом к власти Путина Военно-морской флот России стал постепенно наращивать свои силы и возвращать утраченное влияние в Мировом океане. Корабли Российского флота выполняли задачи не только в морях, омывающих берега самой большой страны планеты, но и в нейтральных водах Средиземного моря, Индийского, Атлантического и Тихого океанов. Каждое судно, выполняющее подобного рода задачи, охранялось небольшими группами морских пехотинцев. И не имело значения, был ли то боевой корабль или небольшое судно обеспечения.

– Сергей Сергеевич, а куда вам столько гранат? – спросил

Ткаченко у Умарова, осматривая ящики.

– Каких именно, товарищ подполковник? – Умаров удивился вопросу комбата.

– ПГ-7.

– Не могу знать. РАВисты так насчитали и накладные выписали. Обычно два или три ящика давали, а здесь целых восемь. Может, связано с тем, что в опасные воды идём. Нам и других гранат много дали, пять ящиков РГД-5 и три Ф-1.

– Хм... Странно... По-моему, это многовато. Можно половину Африки разнести. – Комбат улыбался, смотря на Умарова.

– Так точно, – смутился офицер. – Ну... Наша задача – всю текучку по возможности отстрелять, а НЗ сохранить и вернуть обратно в целости и сохранности.

– Да, вот именно. Ты там поаккуратнее. – Ткач серьёзно посмотрел Умарову в глаза, что являлось признаком доверия с его стороны. – Лишний раз тоже не стреляйте. Раздаточно-сдаточные ведомости не забыл?

– Нет. Они здесь. – Он быстро перелистал свою папку и нашёл файл с ведомостями. Ткаченко окинул их взглядом и убедился, что на них стоят регистрационные печати.

– Хорошо, – только и сказал он.

Группа морских пехотинцев, назначенных в командировку для выполнения специальных задач, была выстроена перед казармой, на небольшом плацу. Урал, предназначенный для их доставки на причал, уже подъехал и стоял неподалёку

в ожидании загрузки ящиков, имущества и людей.

Смотров готовности группы не было, за исключением того, что проходил сегодня. Командир батальона договорился с командованием бригады, что лично проверит группу, и никто не стал настаивать на дополнительном смотре. После того как убедился в готовности подчинённых, Ткаченко произнёс напутствующую речь. Получилась она в той форме, к какой все и привыкли: лаконичной, но нравоучительной:

– В общем, дисциплина, соблюдение требований безопасности и постоянная боевая готовность – вот что требуется от каждого из вас. Если эти три составляющие будут на должном уровне, то вам не придётся потом краснеть передо мной, а мне перед начальством, – подытожил комбат.

Старший сержант Данила Кравцов стоял с правой стороны строя. Сейчас его бесстрастный взгляд выражал глубокую усталость от всех этих бесконечных построений, докладов и смотров. За годы службы он привык к ним, но от этого не становилось легче. Скорее наоборот, чем дольше стоишь, тем больше осознаёшь, сколько времени теряешь зря. Ко всему прочему всё так же болела голова, и всё так же хотелось выпить кофе.

Пока комбат о чём-то говорил, на Даню нахлынули воспоминания. Четыре года назад он впервые отправился в море в составе группы АТД, и всё было совсем по-другому. В то время он только перевёлся с разведывательно-десантной роты, и последовавшая следом за этим командировка ста-

ла приятным дополнением для сержанта. Всю сознательную жизнь он только и мечтал о путешествиях. С детства его привлекали дальние и неизведанные страны. В разведке он видел горы, и они были прекрасны. Но Кавказ, несмотря на всю его природную красоту, всё же был не так далёк и входил в состав России, в отличие от украинского Крыма. Однако даже Крым его не устраивал, ведь это всего лишь маленький кусочек соседнего государства, а Даниле хотелось большего. Ему хотелось увидеть страны, жизнь которых разительно отличалась бы от постсоветского пространства. Где архитектура и культура не были бы так близки русскому народу. Именно это и подвигло его уйти из близкой сердцу разведки в батальон морской пехоты, постоянно выполняющий задачи за пределами родной гавани. Хотелось окунуться в суровые моря, пройти по чужой земле и много всего, присущего парням его возраста.

Всё было по-другому. Тогда его назначили командиром группы, как сейчас был назначен Умаров. Только был он совсем ещё «зелёным». Не разбирался ни в документации, ни в том, что необходимо с собой брать, ни тем более в действиях, касающихся непосредственной обороны корабля. В подчинение Даниле дали шесть матросов по призыву, большинство из которых были всего на пару лет младше его самого.

В тот раз Кравцов справился с задачей без единого замечания, что перед убытием, что после прибытия обратно. Он вернулся с бесценным опытом, кучей грамот и ходатай-

ством командира корабля о поощрении его и личного состава. Именно тогда командование батальона убедилось, что на этого контрактника можно положиться. До этого они слышали о нём много как положительных, так и отрицательных отзывов, связанных с горячим нравом сержанта. Отзывы эти составил в основном командир разведывательной роты, и были они довольно неопределённые. Впоследствии Данила не раз доказывал, что готов выполнить множество ответственных заданий, что бы кто о нём ни говорил.

На этот раз Кравцов думал о другом. Думал, как его угораздило попасть в командировку с этим высокомерным типом – Умаровым. Да, офицером он был грамотным, много знал сам и многому мог научить. Но известен он был также своим небрежным, если даже не сказать больше, брезгливым отношением к подчинённым. Причём отношение своё к ним Умаров совсем не скрывал, ни от них, ни от командования.

И хотя Кравцов был знаком с ним уже несколько лет, они неплохо общались, а в неформальной обстановке даже переходили на «ты», он всё же насторожился. От Умарова можно было ожидать чего угодно, особенно когда он оставался без контроля со стороны своих командиров. Выполнения должностных обязанностей это почти не касалось, но... Он был одним из тех, кто, мягко сказать, иногда злоупотреблял алкоголем.

Неоднократно Умарова разыскивали его же подчинённые, когда офицер не выходил на службу. Случалось это, как пра-

вило, после выходных или праздников. Всё происходило довольно банально: с утра, на разводе, командир роты докладывал, что командир взвода не прибыл на службу. Ткаченко, округлив глаза, начинал орать, и разозлённому командиру ничего не оставалось, как отправить на поиски старшего лейтенанта кого-то из своих подчинённых. Как правило, это были его контрактники, реже – свободные офицеры.

Каждый раз Умарова все осуждали, говорили, что на этот раз ему не выкрутиться, что в этот раз его точно уволят. Но через какое-то время либо сам, либо в сопровождении командира роты он приходил к комбату, и они с ним долго беседовали в его кабинете, наедине. После этого Умарова хватало ещё на несколько месяцев безупречной службы, а потом всё повторялось заново. Никто не знал наверняка, но поговаривали, будто у Умарова есть старший брат, и работает он не где-то, а в федеральной службе безопасности. Возможно, именно этим и объяснялось необычайное терпение комбата.

Теперь Кравцов был назначен заместителем Умарова на время командировки. В обычное время они служили в разных подразделениях и редко сталкивались по ходу службы. Но сейчас всё изменилось, и ему приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы терпеть его надменный тон.

О том, что его записали в списки группы, Данила узнал, находясь в отпуске в родном городе за пределами полуострова. Естественно, никто не спрашивал его мнения, военные – люди подневольные, и приказы не обсуждаются. Тем более

Кравцов был одним из тех, кто выполнял это правило всегда беспрекословно, даже если это не входило в его планы. На миг размышления Дани перенеслись на несколько тысяч километров от Севастополя, к единственному дорогому ему человеку, которого он не видел уже очень долго. От мыслей этих сердце старшего сержанта наполнилось тяжестью. Увидеть этого человека получится только после возвращения из дальнего похода, да и то не сразу.

И как его угораздило опять попасть в командировку? Он совсем недавно вернулся из Средиземного моря, где пробыл почти полгода. Только и успел сходить в отпуск. А тут его опять отправляют на боевую службу. На этот раз в группе только контрактники, корабль – какой-то небольшой буксир, а командир группы – всеми «любимый» Умаров. По возвращении с отпуска Данила узнал полный состав группы и некоторые подробности о самой командировке. Компанию товарищей он предпочёл бы из другого состава, а вот место, куда они направлялись, было для него в диковинку.

Аденский залив – одно из самых жарких мест в Мировом океане, причём горячее во всех смыслах. Кравцов давно мечтал выйти за пределы «Средиземки», в водах которой он уже вдоволь побывал. К тому же от бывалых моряков Дания слышал, что воды в том районе просто «кишат» так называемыми сомалийскими пиратами, а значит, командировка сулит интересные приключения. Ради этого стоило потерпеть и Умарова, и некоторых контрактников, которые отправля-

лись вместе с ним. Кроме Данилы ещё пять человек: четыре, так же как он сам, сержанты, и лишь один – простой матрос. С ними придётся пару раз повздорить, к этому Кравцов привык. Каждого, кроме, может, матроса, будет раздражать, что Данила будет старшим из них. Но ничего, уже бывали такие случаи. А может, вообще всё обойдётся.

Но что-то помимо этого беспокоило его гораздо сильнее. В своей жизни Кравцов привык доверяться предчувствию, которое его никогда не подводило. И вот сейчас внутренний голос вновь бил тревогу. Лучше бы ему остаться здесь. Грамотных и трудолюбивых сержантов в батальоне и так не хватает, а комбат решил отправить его на неопределённое время. Странно всё это. Командир роты тоже не хотел его отпускать, но, как и Кравцов, всего лишь подчинялся приказам. Чему быть, того не миновать – решил он сам для себя, в конце концов, Умарову тоже может помощь понадобится, ведь управиться с кучкой контрактников будет не так просто.

– Кравцов! – громкий голос командира оторвал Даню от его размышлений.

– Я! – твёрдым, уверенным в себе голосом отозвался Кравцов.

– Ящики и имущество загрузить в машину, пять минут на перекур и по местам.

– Есть, – спокойно ответил Кравцов. – Так, парни, сначала загружаем ящики с боеприпасами, затем с оружием, а потом уже всё остальное. Постараемся своими вещами ящики

закинуть. Хорошо?

Парни улыбались. Практически все не первый год в армии и знали, как всё устроено. Перевозить людей и боеприпасы вместе нельзя. Если их машину остановит ВАИ, то выпишут предписание, а затем выговора, штрафы и тому подобное. Но задачи выполнять нужно, вторую машину всё равно никто не выделит, и ориентироваться приходилось как всегда – по ситуации.

– Есть, товарищ старший сержант, – с нескрываемым сарказмом и ухмылкой ответил на команду Ворон.

«С этим, пожалуй, будут проблемы», – подумал Кравцов. Тем не менее парни дружно принялись загружать ящики и всё остальное. Когда дело было сделано, морпехи направились в курилку. Там они немного пошутили на тему проведённого смотра и напутствия комбата.

Через десять минут все сидели в кузове «урала». Машина тронулась с места и, проехав КПП, начала набирать скорость. До причала было около двадцати километров, и всю дорогу парни шутили и смеялись. Шутки среди военных были порой простые и пошлые, порой специфические и понятные только им самим.

Всем, кроме Кравцова, было весело. Он вставил в уши наушники и попытался послушать музыку. Не выдержав и одной песни, вытащил их и убрал плеер. Кофе до сих пор так и не выпил, а голова всё так же болела. Данила смотрел на своих веселящихся товарищей всю дорогу настороженным

взглядом. Видел, как парни улыбаются из кузова проходим девушкам и машут им рукой. Вот только ему почему-то было не до смеха. Дурное предчувствие, появившееся с утра, так и не покинуло его.

2

Лена быстро встала и вошла в комнату. Она с силой хлопнула дверь и закрыла щеколду. Такого она терпеть не в силах. Слезы горечи и обиды, страха и ненависти стекали по её щекам. Девушка рыдала, уткнувшись лицом в подушку и пытаясь заглушить всхлипы. В этот момент мысли о серости и одиночестве жизни заполнили всю её изнутри.

А ведь всего две недели назад Лена пообещала себе, что больше никто и никогда не увидит её слёз. Две недели назад она была полна решительности сохранить глаза сухими, даже если опять придётся бороться с этим чудовищем. Но обещать проще, чем выполнить, тем более когда обещания твои никто, кроме тебя, не слышит.

Жизнь – не кино, и её хрупкая женская натура в очередной раз оказалась слабее алкогольной зависимости отчима. Отчим, будь он проклят, был главным человеком в её жизни последние годы. Вот только совсем не потому, что заботился о ней и воспитывал. Просто отчим стал для юной девушки единственным человеком, который не просто отравлял её жизнь, а делал её невыносимой настолько, что порой в голо-

ве появлялись самые ужасные мысли, которые могут прийти в голову. Остатков гордости, что осталась у Лены, едва хватало на то, чтобы терпеть грязные и похотливые взгляды старого тирана.

Девушке вновь захотелось убежать из дома. Куда угодно, только как можно дальше отсюда. Родная обитель перестала быть ей домом несколько лет назад, когда не стало матери. Лена очень сильно любила её, и когда она умерла, вместе с ней ушло всё самое лучшее, что было в жизни девушки.

Когда Лена лишилась отца, мама стала для маленькой девочки абсолютно всем: учителем, наставницей, а с возрастом ещё и лучшей подругой. Теперь девушка жила одними лишь воспоминаниями об ушедших в далёкое прошлое совместных прогулках по набережной любимого города, вечерних походах на прекрасные каменистые пляжи, где прохладный морской бриз приносил нежный аромат моря и свежести. Каждый раз ранимое сердце девушки разрывало от ностальгических воспоминаний.

Вновь представилось, как она, будучи ещё совсем ребёнком с длинными чёрными волосами, аккуратно перебиралась на маленьких и худеньких ножках по побережью. Её любопытный взгляд выискивал среди камней самые красивые и необычные. И каждый раз она находила поистине удивительные, особенные только для неё камешки и ракушки. После она, пылая счастьем и гордостью, бежала к маме, прося

разрешения взять их с собой домой. Каждый раз женщина поднимала девочку на руки и пыталась отговорить её, ссылаясь на отсутствие места. Но всё равно неохотно соглашалась, обещая, что это было в последний раз, хотя обе понимали, что так будет и во время следующей прогулки.

А после они медленно шли домой, наслаждаясь прохладным вечером, ужинали и смотрели телевизор. Иногда это были детские мультфильмы Уолта Диснея, которые Лена так сильно любила, а порой какие-то смешные для мамы телепередачи. После этого они ложились спать, и маленькая девочка засыпала, счастливая и беззаботная.

Сейчас, спустя много лет, когда ребёнок вырос и превратился в зрелую девушку, Лена понимала, что это действительно было самое чудесное время в её жизни. Тогда она думала, что дни эти никогда не закончатся, что всё будет и дальше так продолжаться.

Но годы неумолимо гнали время вперёд, и девочка подросла. Однажды вечером, когда Лена делала домашнее задание, мама отвлекла её с просьбой серьёзно поговорить. Девушка не ожидала того, о чём будет этот разговор.

Мама призналась Лене, что у неё появился мужчина. Ей было трудно говорить об этом, но она пересилила себя. Скрывать от единственной дочери она ничего не хотела и, в конце концов, призналась, что хочет расписаться с этим человеком и жить вместе.

Для Лены эта новость стала тяжелейшим ударом. Теперь

она наконец открыла глаза, и ей стали очевидны изменения в поведении матери, которые раньше она как будто и не замечала. Смена старых духов на более дорогие, обновление её гардероба, даже походы в салоны красоты на маникюр теперь стали объяснимы.

Естественно, девочка запротестовала. Её привычный мир рушился у неё на глазах, и она не хотела с этим мириться. Лена не просто была против, она делала всё возможное, чтобы мама передумала. Начались скандалы, крики и истерики, такие несвойственные спокойному нраву девочки. Она плакала, закрывалась в комнате, порой даже не разговаривала с матерью, пытаясь таким образом повлиять на её решение. В ней проснулась не только обида, но и новое, до этого неизвестное чувство – ревность. Чувство это казалось девушке странным и мерзким, бороться с ним было сложно, из головы никак не выходила мысль, что она будет разделять СВОЮ маму с кем-то ещё. Более того, размышления об этом её пугали. Как бы она ни пыталась думать иначе, но мысли всё равно сводились к одному: появление в их доме третьего человека, тем более мужчины, не сулило ничего хорошего. Как выяснилось спустя время, Лена оказалась права.

На смену слезам и истерикам пришли долгие, утомительные уговоры. Девочка умоляла маму не приводить постороннего человека в дом. Доказывала, что у них вдвоём и так всё хорошо, что никто больше им не нужен и принесёт только разлад в их семью.

Конечно, она была уже не маленькой девочкой и понимала, что у них есть проблемы. Маме приходилось работать на двух работах, и тем не менее денег постоянно не хватало. Она видела, как женщина валилась с ног, приходя домой. Понимая это, Лена стала обещать, что тоже пойдёт на заработки во время каникул, если нужно, она может где-нибудь подзарабатывать по вечерам после школы и на выходных. Всё это были детские наивные заявления, но любящая мама дала понять, что ни в коем случае не допустит этого.

В один серый осенний день женщина не выдержала и призналась дочери:

– Послушай, Лена, дочка. Я больше не могу без мужчины. Мне очень тяжело одной, я имею в виду как женщине, понимаешь? Я очень любила твоего отца, но с тех пор как его не стало, прошло очень много лет. Пойми, я не железная...

Когда мама договорила, в её глазах Лена увидела неподдельное отчаяние. Голос чуть дрогнул, но после небольшой паузы женщина собралась с силами и продолжила:

– Ты должна меня понять. Ты уже достаточно взрослая для этого. Скоро ты подрастёшь и будешь вызывать интерес у мальчиков, а потом сама начнёшь ими интересоваться. И что дальше? В конечном итоге у тебя появится своя семья, а я останусь одна. Как бы ты сейчас ни пыталась доказать мне обратное, всю жизнь прожить со стареющей матерью ты не сможешь, да и я хочу для тебя совсем другого...

В конце этих слов женщина разрыдалась. Громко плача и

закрыв лицо руками, она выбежала из комнаты и проследовала в ванную. За всю свою недолгую жизнь Лена ни разу не видела, как плачет её мама. Были случаи, не часто, когда по ночам она слышала тихие всхлипы в соседней комнате. Но не придавала этому значения, потому что каждый раз на её вопросы мама улыбалась и находила различные отговорки, такие убедительные для маленькой девочки. В том возрасте она не могла подумать, что происхождение её слёз вызвано чем-то большим, чем аллергией, зубной или головной болью.

В этот раз всё было по-другому. Слезы, накопленные ей за все эти годы, теперь выплеснулись из глаз в полном объёме, сопровождаемые громким рыданием. Казалось, женщина выплакивает всё горе и страдания, что терпеливо держала в себе до этого дня.

Слыша, как мама плачет, на глазах Лены тоже выступили слёзы. Она не знала, как ей поступить, и, закрывшись в комнате, всю ночь просидела на кровати, так и не сомкнув глаз.

На следующее утро девочка подошла к матери. Судя по её лицу, женщина тоже не спала этой ночью. В это мгновение Лена разглядела в глазах матери бесконечную усталость. Выглядела она лет на десять старше обычного. Смотря матери в глаза, девочка наконец сказала:

– Мама, я хочу, чтобы ты была счастливой. Пусть он... Пусть этот мужчина приходит в наш дом, я не против. Если ты действительно этого хочешь, я не буду вам мешать.

При этих словах в голосе появилась дрожь, но слёзы она

сдержала. Мама молча смотрела на неё раскрасневшимися глазами. Не в силах противостоять этому грустному взгляду, Лена продолжила:

– Главное, чтобы он был хорошим человеком. Если ты уверена, что он сделает тебя счастливой, то и я буду счастлива. За тебя...

Оглядываясь в прошлое, Лена понимает, что именно тогда она повзрослела. Именно в тот день она совершила по-настоящему взрослый поступок. Впервые в жизни девочка поставила интересы матери выше своих собственных. И всё это было сделано только ради одинокой женщины, которую она так любила.

Светлана посмотрела на дочь красными, но сухими глазами. Она села рядом с ней и взяла Лену за руку.

– Лена, послушай. Он хороший человек, он любит меня и заботится обо мне. Ты даже не представляешь, как мне всего этого не хватало.

В отличие от Лены, Светлана держалась хорошо. Видимо, все слёзы она выплакала ночью и к утру немного взяла себя в руки.

– Он сделал мне предложение, и я согласилась. Когда ты подрастёшь, ты поймёшь меня. Мы не станем с тобой дальше друг от друга. Поверь, всё будет почти так, как и прежде. Просто с нами теперь ещё будет Саша, я думаю, он тебе понравится.

Мама робко улыбнулась, надеясь увидеть в ответ улыбку

дочери. Лена, помедлив, ответила ей:

– Мама, главное, чтобы тебе было хорошо с ним и ты не ошиблась в своём выборе.

Позже Лена часто будет думать, как могла бы сложиться её судьба, если бы тогда она обратила внимание на то, о чём подумала. Во время того разговора она не придала значения, что мама слегка отвела взгляд во время слов дочери. Так же как и не обратила внимания на промелькнувшую в её голове мысль, что что-то маму всё равно беспокоит, что-то, чего она не договаривает.

Так или иначе, в тот день они обо всём договорились и разногласий между ними не было. Спустя время любимый матерью мужчина плотно вошёл в их жизнь...

Всё началось после смерти Светланы. Долгое время отчим ходил полностью отрешённый. Его взгляд был пустым и каким-то далёким. Он часто закрывался в своей комнате и подолгу оттуда не выходил. Лене порой казалось, что иногда он там даже плакал, хотя ничего подобного она, конечно, не видела.

Постепенно всё становилось только хуже. Со временем отчим девушки стал всё чаще выпивать. Нельзя сказать, что он и раньше этого не делал, ведь ещё при живой маме они иногда ругались по этому поводу. Но теперь стало намного хуже. Если в прошлом дело ограничивалось одной или двумя бутылками пива в неделю и лишь изредка затянувшимися по-

сиделками с друзьями, то сейчас он принялся «закидывать» по полной.

Почти каждый день отчим приходил домой с резким запахом перегара. Дальше – хуже. Через некоторое время он стал возвращаться с работы не просто подвыпившим, а изрядно пьяным. Лена старалась не обращать на это внимания. Впрочем, её состояние было таким, что ей было не до отчима. У неё и без него хватало проблем, и переживала потерю матери она гораздо тяжелее него.

Лена признавала, что дядя Саша был не плохой человек, по крайней мере в то время, когда жил с мамой. Но, к сожалению, девушка так и не увидела в глазах Светланы той радости, которую ожидала увидеть после их свадьбы, хотя маме всё же стало немного легче с мужчиной.

Когда мама умерла, Лене нужна была поддержка. Она потеряла единственного близкого и любимого человека, который был в её жизни. Но вместо поддержки, которая была ей так необходима, девушке самой пришлось следить за отчимом. Может, это помогло ей пережить потерю, но ненавидеть его меньше она от этого не стала.

Прошли месяцы, и отчим уже не пытался ничего скрыть. Он, не стесняясь, приходил пьяным или напивался прямо дома. Порой, когда он не мог самостоятельно добраться до кровати, Лена встречала его в прихожей, разувала и, поддерживая, сопровождала в его комнату. Там она укладывала мужчину и, сдерживая слёзы, уходила к себе. Какое-то время всё

так и продолжалось, но потом...

Потом мужчина начал переступать ту грань, которую переступать не следовало. Приходя домой пьяным, постоянно жалуясь на свою жизнь, отчим не переставал бормотать себе под нос что-то невнятное. Лена даже не вслушивалась в эти разговоры, но только до того дня, когда уловила в них что-то в свою сторону. В первый раз она убедила себя, что ей это показалось. Может, он был слишком пьян, может, она сильно устала.

Однако спустя время это повторилось. Теперь он часто отбрасывал в её сторону не совсем добрые шутки. В его пьяном бормотании всё чаще проскакивали слова «милая», «симпатяга», «выросла», «формы». Всё это было несвязной, бессмысленной речью, но Лена была неглупой девушкой и прекрасно понимала, о чём он говорит.

Все эти высказывания с каждым разом всё больше беспокоили её. Она росла, она взрослела и видела, как все её подруги в школе начинали одеваться как взрослые девушки, как они красились и с каждым разом выглядели всё старше и красивее. Ей хотелось следовать их примеру, и она это делала, насколько позволяло их общее с отчимом финансовое положение. Мужчина видел её изменения так же, как она видела их в своих сверстницах. К тому времени, как она заканчивала колледж, Лена была далеко не маленькой девочкой, но сама мысль, что человек, некогда любивший её мать, может непристойно повести себя по отношению к ней, Лену не

просто ужасала, скорее отвращала.

И вот однажды это отвратительное всё-таки случилось. Лена старалась не реагировать на фразы, брошенные в её сторону. Она держала это в себе и проявляла эмоции только после того, как уходила из его комнаты к себе. В тот раз, придя домой в стельку пьяным, отчим, едва переступив порог, не удержал равновесие и упал прямо в прихожей, так и не успев снять верхнюю одежду. Лена, услышав шум, убежала из комнаты и увидела на полу распластавшееся тело отчима. Жалость, что она порой питала к нему, тут же рассеялась. Девушка переступила через мужчину и закрыла входную дверь. Нагнувшись, она попыталась его поднять. Отчим не был тяжёлым, в последнее время он сильно исхудал, но девушке это не помогло, силой она никогда не отличалась.

– Дядя Саша, вставай. Пойдём, я отведу тебя в кровать.

В ответ послышалось что-то нечленораздельное:

– Бр-р-мр... м-м... Иди ко мне-е-е...

Лена вновь попыталась закинуть его руку себе за шею, чтобы он, обхватив её, смог подняться. Но неожиданно отчим проделал всё это самостоятельно. Второй рукой он обнял её за талию, после чего протиснул её под футболку и быстрым движением повёл вверх, пытаясь дотянуться до груди.

Девушка стремительно убрала его руку и вырвалась из объятий. Быстро поднявшись она забежала к себе в комнату и закрыла дверь. Сев в углу, Лена поджала под себя ноги и

обхватила колени руками. Её всю трясло. Такого она совершенно не ожидала.

Сидя в темноте, девушка боялась, что отчим сможет подняться и попытается пройти к ней. Она судорожно просчитывала возможные варианты своих действий. Но мужчина даже не встал. Он так и пролежал всю ночь на полу в верхней одежде и обуви. Лена не могла сомкнуть глаз и посреди ночи услышала, как отчима начало рвать. От омерзения ей стало тошно. В ту ночь Лена призналась себе, что ненавидит отчима. Если раньше она пыталась найти ему хоть какие-то оправдания, то теперь всё изменилось. Лёжа в кровати, она мечтала, что он случайно захлебнётся собственной рвотой и избавит её от многих проблем, и самое главное, от страха, который она начала испытывать.

Наутро он ушёл, не сказав ни слова. Квартира пропахла блевотой, которую он не удосужился убрать. После этого случая Лене две недели удавалось избегать его. Она не знала, как поведёт себя, если встретится с ним снова.

И всё же это случилось. Он повёл себя так, словно ничего не произошло. Но с этого момента она замечала всё: пошлые взгляды, бросаемые в её сторону, глупые, похабные шутки, которые он отпускал. Теперь в её жизни были постоянные оскорбления, скандалы и ссоры, не прекращающиеся ни днём, ни ночью. Единственное, что он себе больше не позволял, это прикасаться к ней. До этого вечера.

Сегодня отчим Лены был не просто пьян. Он был АГРЕССИВЕН.

Войдя в квартиру, девушка встретила мужчину, сидящего на табурете напротив входной двери. Его верхняя одежда валялась рядом, прямо на полу. Видимо, он недавно вернулся с работы. В квартире стоял резкий запах перегара, исходящий от мужчины. В правой руке отчим держал открытую бутылку пива. Увидев Лену, он сделал несколько больших глотков, не отрывая от неё взгляда. Оценивающего взгляда.

Посмотрев на бывшего мужа матери, Лена заметила свежий «синяк» у него под глазом. Отчим часто попадал в переделки, особенно в последнее время. Взгляд его отдавал холодом, он сразу не понравился Лене. Она уловила в белках глаз скользящие движения зрачков, движения, внимательно оценивающие девушку с ног до головы.

Лене стало стыдно. Она почувствовала, что выбрала не ту одежду, которую следовало одеть сегодня на встречу с подругами. На ней были её любимые светло-голубые джинсы, которые плотно облевали стройные бёдра и выпуклые ягодицы. Она сама порой замечала, что они ей немного малы, но, несмотря на это, не могла отказать себе в удовольствии носить их.

Вдобавок к джинсам на тело Лена одела лёгкую чёрную кофту. Она была коротенькой и лёгкой и оставляла одно плечо открытым. Девушка была ярко накрашена, и это смущало её ещё больше. Лена не ожидала, что, если придёт домой так

поздно, отчим будет сидеть вот так перед дверью и поджидать её. Только сейчас она подумала, что вид у неё вызывающий, и теперь это сильно беспокоило девушку.

Стараясь вести себя как обычно, Лена начала разуваться. Она не смотрела на отчима, но знала, что он не спускает с неё глаз. Замок на сапогах, как назло, заклинил, и девушка заметила, как дрожат её руки. В этот момент послышался хрипловатый голос мужчины:

– А ты подросла. Ты стала очень похожа на свою мать.

После этих слов он сделал большой глоток пива и смачно рыгнул. Вытерев рот рукой, в которой держал бутылку, отчим продолжил:

– Только ты гораздо моложе её, и грудь немного больше.

К этому времени Лена закончила с обувью и, стоя напротив, посмотрела на мужчину. Он с любопытством наблюдал за ней, ожидая реакции. Но девушка не повелась на провокацию и старалась не подавать вида, как её это задевает.

Раскусив падчерицу, мужчина улыбнулся. Медленно растянув рот и оскалив полусгнившие зубы, отчим вновь начал говорить:

– У неё были такие сладкие соски. Большие такие, розовые. Знаешь, как они твердели, когда я трогал её? Интересно, каковы на вкус твои соски? – Сказав это, он начал неугомонно смеяться и раскашлялся.

После этих слов Лену охватила ярость, ранее ей неведомая. Это мерзкое, ненавистное существо позволило себе го-

ворить грязные слова о её матери. Потеряв над собой контроль, девушка ответила:

– Ты не будешь так говорить о моей матери и обо мне своим вонючим ртом! – она не кричала, но была очень близка к этому. – Не твоё поганое дело, какая у меня грудь!

Лена очень постаралась, чтобы её голос не дрогнул и показался как можно грубее. Она сама удивилась, как осмелилась сказать подобное, но получилось у неё плохо. Хотела ещё что-то сказать, но не нашла подходящих слов.

Отчим пристально посмотрел девушке в глаза. Пьяный, затуманенный и в то же время злобный взгляд встретил отпор. Девушка, не отводя глаз, смотрела с такой сильной ненавистью, о которой и сама не подозревала.

– Тихо, тихо, девочка. Зачем ты кричишь? Если начну кричать я, то не я, а ты закроешь свой ротик, который ты так ярко покрасила. Ты должна воспринимать это как комплимент, а не оскорбление. – Закончив, он опять глотнул пива.

– Мне не нужны твои грязные комплименты.

Лена аккуратно отодвинула обувь в сторону, взяла с подставки сумочку и направилась в свою комнату, пытаясь не обращать внимания на отчима. Не успев сделать и трёх шагов, она увидела, как мужчина подорвался с места. Табуретка опрокинулась, и он преградил ей дорогу, упёршись свободной рукой в стену на уровне шеи девушки.

Лена почувствовала букет зловоний, исходящих от мужчины. От него несло не просто перегаром. Затхлостью, невы-

тостью, и хуже всего: от него исходил запах мочи. «Господи, когда он последний раз мылся и стирал свои вещи?» – подумала Лена. Вслух же она сказала:

– Дайте мне пройти. – Её требование прозвучало твёрдо, но не настолько, насколько ей хотелось. – Я очень устала и хочу отдохнуть.

Лена старалась стойко смотреть отчиму в глаза, но, сама не ведая того, всё равно отводила взгляд.

– Отдохну-у-у-ть? – протяжно и с улыбкой спросил он. – Что ты имеешь в виду?

Мужчина чувствовал, что падчерица боится его, и ему это нравилось. Он начал воспринимать происходящее как своеобразную игру.

– Хочешь сказать, ты сильно устаёшь? С чего бы это? Если хочешь, мы можем расслабиться вместе. На вот, выпей. – Он протянул ей бутылку к самому лицу с недоброй ухмылкой.

Лена, приложив немало усилий, убрала его руку от себя.

– Не твоё дело! – Она не пыталась пройти, просто стояла.

– Ах, не моё дело? И это после всего, что я сделал для тебя и твоей мамы?! – Теперь им овладела настоящая злоба. Мужчина почувствовал прилив ярости и... Возбуждения. Ему вдруг захотелось. Её...

Своей рукой отчим обхватил Лену за талию. Крепко прижав её к себе, он попытался поцеловать её в губы. Девушка с отвращением отвела лицо. Двумя руками она упёрлась отчиму в грудь, и ей кое-как удалось вырваться из его объятий.

– Тьфу! – Лена смачно плюнула мужчине в лицо и попала точно в глаз.

Мужчина, не выражая никаких эмоций, поставил бутылку на пол. Рукавом свитера он вытер слюну.

– Ну теперь ты пожалеешь...

Лена испугалась и отпрянула назад. Отчим подался вперёд и крепко схватил девушку за руку. Без особых усилий он потянул её к себе. Свободной рукой Лена ухватилась за старый настенный светильник и, сорвав его со стены, что есть мочи ударила по голове похотливого ублюдка.

Отчим взвыл от боли. Его левое ухо начало кровоточить. Мелкие осколки стекла торчали из кожи. Он не ожидал, что хрупкая девушка может причинить ему такую боль. Отшатнувшись назад, мужчина споткнулся о табурет и с запутавшимися ногами упал на пол. Воспользовавшись моментом, Лена устремилась вперёд. Наскочив ногой на грудь отчима, девушка попыталась забежать к себе в комнату, но он успел схватить её за голень прежде, чем она с него спрыгнула. Лена упала и сильно ударилась подбородком о порог. Она приглушённо вскрикнула, прикусив язык. Слезы потекли из глаз девушки. Боль, обида, злость и страх – всё соединилось внутри одновременно.

Лена попыталась вырваться из хватки отчима. Она пыталась ползти, но он крепко сжимал её ногу. Она чувствовала, как отчим перевернулся и начал ползти следом за ней.

Мужчиной овладели ярость и возбуждение. Теперь им

управлял не разум, только самые низменные инстинкты. Он уже чувствовал, как будет наказывать эту мелкую шлюху. Её аппетитные формы, обтянутые джинсами, напрочь выкинули из его головы здравый смысл. Теперь он знал, чего хочет. Он собирался показать, что бывает с такими, как она, за неуважение к старшим.

Мужчина продвинулся вперёд и схватился за джинсы девушки сзади. Потянув на себя, он надеялся снять их, но они слишком плотно сидели на ногах. Отчим выругался, теперь он начинал злиться ещё сильнее.

– Не сопротивляйся, дура. Твоя мамаша никогда не сопротивлялась. Она сама раздвигала передо мной ноги.

Лёжа на животе, Лена подогнула под себя свободную ногу и резко выпрямила. Ступня ударилась о голову мужчины, и он вскрикнул от боли. Она, не теряя ни секунды, развернулась на спину и прицельно ударила ему в лицо ещё раз. После этого девушка придвинулась ближе, облокотившись на руки, и со всего размаху принялась колотить ногами, целясь в промежность растерянному отчиму.

Он тут же схватился ниже пояса и скрутился в приступе боли.

– Тварь, сука! Тебе конец! – Мужчина попытался встать, но резкий прилив боли посадил его обратно на пятую точку.

Лена быстро встала и вошла в комнату. Она с силой захлопнула дверь и закрыла щеколду. Такого она терпеть не в силах. Слёзы горечи и обиды, страха и ненависти стекали по

её щекам. Лена рыдала, уткнувшись лицом в подушку и пытаясь заглушить всхлипы. В этот момент мысли о серости и одиночестве жизни заполнили всю её изнутри.

– Что, думаешь, тебе это поможет? – раздался голос за дверью.

Девушка верила, что он не пойдёт дальше того, куда уже зашёл. Она очень надеялась, что её удары отрезвят его и принудят оставить её в покое. Некоторое время за дверью была тишина, и Лена продолжала лежать, не вставая с кровати.

После послышался стук в дверь.

– Открывай по-хорошему или я выбью дверь!

Лена встала с кровати и принялась укладывать оставшиеся вещи в сумку. Большинство необходимого она собрала ещё несколько дней назад и вывезла из дома. «Господи, быстрее бы выбраться отсюда». Лена молила Бога, чтобы отчим больше не лез к ней. Девушка взяла сумку с вещами и в последний раз осмотрела стены. С уходом из жизни матери они перестали быть для неё тем уголком счастья, которым были при ней. Ещё раз подумав о предстоящих судебных тяжбах, которые её ждут после возвращения, девушка решила не ждать утра и уехать сегодня.

Не успела она подумать об этом, как дверь с грохотом и треском распахнулась. Пьяное тело ворвалось в комнату. Отчим сходу ударил Лену по лицу ладонью. От неожиданности она вскрикнула и упала на кровать. Лицо горело от сильной пощёчины.

– Отстань, урод! – сквозь слёзы крикнула девушка, надеясь, что её кто-нибудь услышит.

– Заткнись, сука! Я покажу тебе, что бывает с теми, кто не слушается родителей.

Он залез на девушку сверху и сел ей на живот. Своими руками отчим схватил руки девушки и прижал их кровати так, чтобы она не могла вырваться. Наклонившись к её лицу, когда между ними оставалось всего пара сантиметров, отчим заглянул Лене в глаза.

– Нравится? – шёпотом спросил он.

Лена молча отвернула голову в сторону, пытаясь освободить руки из его хватки. Наблюдая за её безуспешными попытками, мужчина высунул язык и медленно провёл им по щеке девушки. От отвращения она еле сдержала рвотный позыв. Лена замерла, выжидая подходящий момент.

– Лежи смирно, тебе это даже понравится.

Отчим выпрямился, расслабил свои руки и, спустив их вниз, без проблем разорвал кофту на девушке.

– Посмотрим, что тут у нас...

От возбуждения мужчина учащённо дышал. Лена видела, как из-под его штанов что-то выпирает, и поняла, что другого момента у неё может и не быть.

Неимоверным усилием мышц пресса и с несвойственной ей ловкостью девушка поднялась и со всей силы укусила мерзавца за живот. Он изрядно выпил сегодня, прежде чем начинать к ней домогаться, и сейчас это сыграло ей на руку.

Отчим вскрикнул от боли и, отстранившись назад, со всего размаха ударил девушку по лицу так, что она слетела с кровати. Несмотря на дикую боль, она быстро сориентировалась и тут же схватила вазу, стоящую на письменном столе. Затем со всего размаха попыталась разбить её отчиму об голову, но тот успел увернуться, перекатился на кровати и свалился на пол.

– Сука! Долбанная сука! Я убью тебя, тварь малолетняя!

Лена, не теряя ни секунды, подбежала к отчиму. Держа вазу за узкое горлышко, она замахнулась и ударила со всей силой. В последний момент отчим опять увернулся, и Лена попала ему по лопатке. Мужчина не сдержал крик, прогнулся, пытаясь встать, но повторный удар пришёлся ему точно по голове. Ударившись о затылок, толстое стекло разбилось, и в разные стороны разлетелись крупные осколки. После этого подонок перестал шевелиться, и из раны на голове сочилась кровь. В какой-то момент Лена испугалась, что убила его. Но изо рта отчима послышались глухие стоны, и девушка почувствовала облегчение.

Через мгновение Лена взяла себя в руки, схватила сумку и вышла в прихожую. Быстро обувшись, она сняла порванную кофту и, будучи в одном бюстгальтере, надела куртку прямо на голое тело.

Вытирая слёзы, девушка ещё раз осмотрела квартиру. Мысленно она попрощалась с детством и юностью, проведёнными здесь. Лена чувствовала, что больше сюда не при-

дёт. По возвращении она решила менять свою жизнь, и начать нужно будет с полного избавления от отчима и продажи этой старой квартиры.

Лена начнёт новую жизнь. Она знала, что именно так и будет.

3

Виктор сидел в подъезде и курил. «Чёртовы сигареты, скоро половина зарплаты будет на них уходить». Он снова был пропитан злостью на весь окружающий мир и населявших его людей. В то же время он отчаялся. Сегодня Виктор вновь сорвался. Последние четыре месяца он как мог держал себя в руках. Более того, он был практически спокоен всё это время. Ненависть и презрение, которое он испытывал к людям последние три года, на время затихли. В какой-то момент он даже начал верить, что срывов у него больше не будет. Но сегодня это опять случилось.

Сидя на холодной бетонной лестнице зассанного подъезда, мужчина вытягивал одну сигарету за другой. Докуривая, он сминал маленькие бычки и кидал их в кучу мусора, валявшегося на лестничном пролёте. Он думал о выпивке. Сам Господь Бог не в силах познать, как хочется сейчас приложиться к стеклянному горлышку и хлебнуть «огненной воды». И чем крепче и горче была бы жидкость, тем лучше. Горькая, как его никчёмная жизнь. Даже одна рюмка принес-

ла бы ему неслыханное блаженство, и всё бы вновь встало на свои места. Скорее всего после этого исчезла бы проклятая дрожь в руках, а может, и гнев внутри немного бы унялся.

Но Виктор прекрасно понимал, что он обманывает себя. Одной рюмки, конечно, будет недостаточно. Он не пил уже два года. Два тяжёлых, продолжительностью в вечность года.

Поначалу и он, и его семья думали, что в их дом придёт долгожданный мир. Что-то похожее происходило, когда он начал трезвым возвращаться домой с работы. Дети постепенно перестали в испуге прятаться под кровать, а на лице жены больше не появлялось новых синяков. Всё так и было, но только вначале.

Относительно долгое время он и его жена в безмолвии ждали. Ждали, что он опять сорвётся, вновь придёт домой пьяным и всё начнётся по новой. Но он, на удивление себе самому и остальным, держался. Он действительно хотел избавиться от алкогольной зависимости, и у него это кое-как получалось. Вот только если он не пил, то это не значило, что пить ему не хотелось. Жажду алкоголя он безуспешно пытался заглушить сигаретами. Две-три пачки медленно убивали его каждый день. Но жирным плюсом от замены водки сигаретами было то обстоятельство, что, выкурив хоть десять пачек, он бы не стал набрасываться на жену и детей.

В тот период Виктор с ними почти не общался. Он замкнулся в себе, и окружающие видели, как тяжело ему даётся отказ от алкоголя. Тем не менее, отдавали должное. Без

врачей, кодировки и ещё каких-либо дополнительных методов мужчина добровольно отказался от того, без чего жизнь свою представить не мог.

На решение это его подвиг ужасный случай, случившийся в их семейной жизни. Однажды утром он проснулся в состоянии ужасного похмелья. В глазах всё двоилось, в горле пересохло, а голова раскалывалась острой болью, но лежащую на полу жену он узнал сразу. Она была неподвижна, а лицо её было едва узнаваемо из-за множества побоев и спёкшейся крови. Вокруг тела сидели трое плачущих детей. Когда они увидели, что их отец проснулся, они испугались. Виктор видел, как внушает неподдельный страх своим собственным детям, и от этого на душе стало жутко.

«На этот раз ты убил её. Господи, ты убил её», – говорил он себе, не в силах встать с кровати. Он лежал, уверенный, что его жена мертва. Виктор проклинал себя, он даже представить боялся, что будет с ним и с детьми после того, как сюда приедут полицейские. С огромным трудом, преодолевая похмельный синдром, мужчина сел на кровати. Он попытался встать, но к горлу подступила тошнота. Тогда он медленно сполз с кровати и на четвереньках стал пробираться к распластавшейся на полу женщине.

Дети, увидев приближающегося отца, испуганно попятились от тела матери. Дочка начала громко рыдать, закрываясь от родного отца, как от чего-то страшного. Только старший сын Виктора, десятилетний Лёша сидел, пытаясь своим

телом закрыть маму. От страха зажмурив глаза, он сказал отцу:

– Пожалуйста, не делай ещё хуже. Ей и так очень больно. – Он тоже плакал, и эпизод этот отпечатался навсегда в душе Виктора. Он будет продолжать жить с этим очень долго и вряд ли когда-нибудь сможет заглушить в себе боль, причинённую этим зрелищем.

Глядя на сына, мужчина и сам, едва сдерживая слёзы, проговорил:

– Ну что ты, Лёша. Что ты, сынок... Я не причиню ей зла. И вам я никогда не сделаю ничего плохого. Я просто хочу разбудить маму (только бы она была жива).

Подобравшись ближе, он услышал её лёгкое посапывание, увидел, как поднимается и опускается грудь женщины. «Значит, жива». Немного приободрившись, Виктор подобрался к жене и обратился к сыну:

– Лёша, дай я осмотрю маму.

Ему было до безумия стыдно. Он видел, как его старший сын недоверчиво смотрел на него и медленно отодвинулся в сторону. Виктор приблизился к жене и посмотрел на её лицо. Оно было практически неузнаваемо. Огромная гематома полностью закрывала левый глаз, видимо, последствия точного удара правой. Нос сломан и смещён в сторону, под ним размазанная засохшая кровь. Губы женщины были разбиты, с нижней медленно вытекала струйка крови. Волосы Тамары были растрёпаны и частично налипли на лицо. Виктор не

хотел осматривать её худое тело. Он и так догадывался, что там тоже полно побоев.

Изо рта избитой женщины послышался сдавленный хрип. Она приоткрыла правый глаз, и из него потекла слеза. Сказать она так ничего и не смогла, только что-то прохрипела.

«Что я наделал». Виктор заплакал и даже не стыдился своих слёз. Он в отвращении попятился от тела женщины, пока не упёрся спиной в кровать. Дети слышали всхлипы отца и молча смотрели на него. Мужчина сидел, закрыв лицо руками, и тихо плакал, жалея о случившемся и не в силах ничего поменять. Когда закончились слёзы, он продолжал сидеть, опустив голову и не поднимая взгляд.

Через какое-то время дети помогли подняться матери с пола и аккуратно уложили её в постель, бережно накрыв одеялом. Как во сне, Виктор слышал её отчаянные стоны. Каждое движение отдавалось ей болью. Дети не говорили ничего, просто любя помогали маме, не удостоив отца просьбой о помощи. Слов и не требовалось. Вчера Виктор дошёл до крайности, даже они это понимали.

Мужчина не знал, спит его жена или нет. Он нашёл в себе наконец силы и встал. Стараясь двигаться бесшумно, чтобы не пугать детей, лежащих рядом с матерью, он проследовал в кухню и открыл холодильник. Там он достал все свои запасы спиртного и, подойдя к раковине, принялся сливать туда содержимое бутылок. Он ни секунды не жалел о проделанном, он знал – с алкоголем покончено.

Пока он так стоял, в дверном проёме появилась его пятилетняя дочь. Она не плакала, просто молча смотрела на отца. Когда Виктор посмотрел на неё, она проговорила:

– Папочка, а у меня никогда не будет мужа. Я не хочу, чтобы он бил меня так, как ты бьёшь маму.

У мужчины от этих слов подкосились ноги. Опрокинув бутылку в раковину, он сел на пол и, изо всех сил сдерживая слёзы, закрыл лицо руками. Дрожа всем телом, он жестом позвал дочь. Она не подошла, а лишь с жалостью смотрела на него.

Услышав плач, из комнаты прибежал Лёша.

– Лиза, – обратился он к сестрёнке. – Пойдём к маме.

Она последовала за ним, ещё раз взглянув на отца перед уходом. Так продолжалось до самого вечера. Виктор не выходил из кухни, пытаясь унять дрожь и взять себя в руки, а дети не отходили от матери, которая до наступления темноты не вставала с кровати.

Каким-то чудом никто не узнал о произошедшем в их семье. Дети привыкли молчать о том, что происходит у них дома, а потому не проговорились и на этот раз. Сама Тамара, руководствуясь неизвестно чем, ни к кому не обратилась, кроме знакомого доктора, который помог ей вправить нос, не задавая лишних вопросов. От соседей скрыть побои, конечно, не удалось. Но в их доме о таких вещах принято молчать, не одни они такие.

После этого случая Виктор больше не прикасался к спирт-

ному. Ему ужасно этого хотелось, особенно спустя пару месяцев, когда произошедшее стало понемногу забываться. Но как бы организм ни требовал, мужчина твёрдо решил противиться этому. Он курил, много ел и не мог найти себе места, но ни водки, ни любимого им самогона в его жизни больше не было. Позже стало немного легче. Через несколько месяцев с ним вновь заговорила жена. Ещё через какое-то время даже перестала бояться.

На то, чтобы наладить с супругой более-менее нормальные отношения, ушло около полугода. Порой она даже ему улыбалась, хотя прекрасно помнила всё, что он с ней сделал.

Время шло, Виктор даже начинал верить, что теперь в их жизни начнётся новый этап. Жажда выпить никуда не делась, но он научился её сдерживать ради своих детей. Вот только ничто не проходит бесследно, и спустя полтора года мирной жизни у него начались «срывы».

Они происходили, когда Виктор был совершенно трезв. В этом и была вся проблема. Он всё чаще приходил домой раздражительным, озлобленным и нервным. Ему всё тяжелее становилось держать себя в руках. Каждая мелочь в действиях окружающих могла в ту же секунду вывести его из себя. Иногда он просто не мог держать себя под контролем, становился агрессивным буквально в считанные мгновения. И, как это обычно бывает, больше всего агрессии было направлено в сторону жены, чаще всего находящейся рядом с ним.

Первый раз он взъелся на неё из-за элементарного вопроса о выданной зарплате, когда она просто спросила, сколько ему заплатили в этом месяце. Виктор ответил ей так резко и грубо, что жена, быстро отойдя в сторону, испугалась, не пьян ли он. Но он был абсолютно трезв в тот и последующие дни. Просто сам не заметил, как в нём стали происходить изменения, как он постепенно становился другим, совсем не таким, как прежде. Спиртное, будь то пиво, водка или коньяк, он больше не употреблял, но что-то внутри него стало из-за этого меняться. Вот только далеко не в лучшую сторону.

В итоге изменения эти сказывались на окружающих, в первую очередь на супруге. Начались ссоры, скандалы, постоянные крики в их доме. Дети вновь начали плакать из-за беспокойных родителей. Виктор не бил жену, но подозревал, что постепенно может сорваться на ней. Он стал таким раздражительным, что еле сдерживал себя. На подсознательном уровне мужчина чувствовал, что сорвётся. И больше всего боялся, что сделает это трезвым. Ведь с алкоголем он мог покончить, но если ударит жену трезвым, то остановиться будет гораздо сложнее.

Так или иначе весь последний год совместной жизни они прожили, постоянно скандаля и ругаясь. Тамара тоже старалась не усугублять ситуацию, она прекрасно помнила, как он чуть не убил её в прошлый раз. Но неосознанно всё-таки умудрилась ухудшить их и без того натянутые взаимоотно-

шения.

Она углубилась в религию. Шло время, и с каждой неделей она становилась всё набожнее. Её нарастающий интерес к церкви начинал казаться нездоровым не только Виктору, но и окружающим её людям. Большую часть свободного времени она проводила в храмах, возвращаясь с иконами, свечками и прочей церковной утварью. Мужа вид этих икон приводил в бешенство. Каждый месяц он находил в углу новую икону какой-нибудь Божьей Матери и задавал ей наводящие вопросы, порождающие очередные ссоры.

Всё это, вместе взятое, привело их двоих к тому, что сегодня он её наконец ударил. Снова, спустя несколько лет. Он не хотел этого, но ему пришлось. Она никак не могла заткнуться по поводу будущего их детей. Как он ни настаивал, она гнула своё. Вот и получила. Он не был пьян, но был взбешён и всё-таки сорвался. Схватив жену за волосы, он дал её сильную пощёчину. Щека женщины покраснелась, а из зажмуренных глаз потекли слёзы.

Когда Тамара в ужасе закрылась от него руками, он понял, что она ждёт продолжения. Тело жены содрогалось от страха, и это заставило Виктора вовремя остановиться. Он отпустил её и, схватив пачку сигарет, выбежал в подъезд.

Вдыхая горький дым, мужчина погрузился в размышления. Он услышал, как сверху кто-то спускается по лестнице. Подняв голову, Виктор увидел соседку сверху – пожилую женщину. Она отвела взгляд, всем видом показывая, как он

ей противен, и молча пошла своей дорогой. Все в подъезде хорошо его знали. Они понимали, что лучше его не трогать, иначе беды не миновать. И это его тоже разозлило. Плевать он на всех хотел.

Затушив очередную сигарету и выкинув бычок, Виктор поднялся, отряхнул штаны и зашёл обратно в квартиру. Скинув тапочки, он прошёл к себе в комнату. К счастью, дети были в школе, а ему дали выходной перед отъездом. Не самый лучший в его жизни. Тамара сидела в кресле. Слез в глазах он не увидел, но по её виду было понятно, что она плакала всё это время. Взгляд, наполненный пустотой и отдалённостью, был устремлён в пол.

– Я не хочу тебя больше видеть, – сказала она тихим и хриплым голосом, после чего губы её начали дрожать. – Я больше этого не вынесу.

Виктор посмотрел на неё печальным взглядом. Где-то в глубине души, в самой потаённой части сознания, там, куда он не мог добраться уже много лет, он хотел извиниться. Мужчина хотел подобрать нужные слова, как-то загладить свою вину. Может, он хотел всё исправить, повернуть вспять и начать всё сначала. Но было уже слишком поздно. Проблемы в их отношениях зашли слишком далеко, и, вернувшись из командировки, он скорее всего не увидит ни её, ни детей. От этих мыслей сжималось сердце, совсем немного, но в то же время опять начинала охватывать злость.

Раздражённый, он прошёл в кухню, налил себе в стакан

воды из-под крана. Выпив половину, он вылил остальное в раковину и вернулся в комнату. Подойдя к жене, он проговорил:

– Я постараюсь всё исправить. Мне очень тяжело, но я держусь. Когда я вернусь, всё будет по-другому.

Женщина не смотрела на него, её глаза словно остекленели. А в самых уголках вновь начали скапливаться слёзы – капли отчаяния, сопровождавшие её много мучительных лет замужней жизни. Сейчас ей ничего не хотелось, кроме того, как остаться одной. Она считала недели, затем дни, а теперь и вовсе часы, когда он исчезнет из её жизни хотя бы на несколько месяцев. Женщина воспринимала это как награду за долгие годы унижений, что причинил ей супруг. А там... Что будет дальше, как быть ей и что будет с детьми? Неважно, по крайней мере не сегодня.

Она взглянула в зеркало, висевшее на стене. В нём она увидела худую, преждевременно постаревшую женщину. От этого стало ещё больнее. Слёзы с новой силой покатались по её щекам.

Виктор смотрел на неё и испытывал противоречивые чувства: злобу, немного жалости и отчаяние. Так они и просидели, пока он наконец не встал и не собрал остатки своих вещей. Он не хотел уезжать сейчас. Дети были в школе, и он хотел с ними попрощаться, но, смотря на жену, понял, что не может больше находиться дома. Стены будто давили на него со всех сторон, а молчание, повисшее в воздухе, начи-

нало нервировать. Вновь почувствовав злость, Виктор сухо попрощался с женой. Она на него даже не взглянула.

По дороге он постоянно размышлял, может, стоило бы зайти к детям в школу. Но так и не решился. Не так они сильно его любят, чтобы искренне обрадоваться отцу. От этого стало горько, и он опять разозлился на жену. Несомненно, именно она настраивала их против него.

Позже он неоднократно жалел, что так и не попрощался с детьми...

Глава 2

Заданный фарватер

1

– И вот на этой ржавой колымаге мы в океан должны плыть?

– Идти, Ворон, – поправил Антона Денис. – Плавает...

– Говно, – с недовольством в голосе закончил за Поршнева Ворон. – Говно плавает, а корабли ходят. Без тебя знаю, умник. Устаревшее замечание.

Морпехи прибыли на причал после полудня. Урал подъехал к трапу корабля максимально близко, развернувшись к нему кормовой частью кузова. После того как Умаров отдал команду подчинённым, парни спрыгнули с машины и разминали ноги. Курящие подоставали сигареты и принялись всю дымить, остальные с любопытством оглядывались по сторонам и изучали корабль.

– Кравцов, – позвал своего заместителя офицер. – Подойди ко мне.

Даня закатил глаза, стоя к нему спиной, а к товарищам лицом. Парни заулыбались и сопроводили его наигранно со-

чувствующими взглядами.

– Я иду к капитану, вы пока ничего не разгружайте и не расходитесь.

– Есть, – спокойно ответил Данила.

Дождавшись, пока командир перешёл по трапу на корабль, Кравцов принялся разглядывать небольшое судно.

«МБ-205» – гласила надпись на плакате, вывешенном вдоль всей длины небольшого трапа, обеспечивающего проход с причала на ют. Ту же самую надпись, расположенную возле якорей, он разглядел и на корпусе корабля.

Само судно представляло собой поистине крошечный буксир. Длиной около пятидесяти метров, шириной около десяти. Высота корабля вместе с надстройкой тоже была небольшой, даже с учётом двух мачт и антенн. Кормовая часть судна была очень низкой. Она была даже ниже уровня причала, на котором сейчас стоял Кравцов. Данила прикинул, что с юта до уровня воды примерно два с половиной метра и не составляло никакого труда забраться на палубу даже с небольшой лодки. В носовой части дело обстояло, конечно, лучше, но доверия это всё равно не внушало.

Весь борт корабля, как и одна из двух мачт, был выкрашен в чёрный цвет, невысокая надстройка окрашена белым. На ней, прямо от сигнального мостика, возвышалась вторая мачта, выкрашенная в жёлтый цвет. С обеих сторон были закреплены две ярко-оранжевые спасательные шлюпки.

До этой командировки Данила ходил на кораблях, рази-

тельно отличающихся от «МБ-205», казавшегося ему просто неприлично маленьким. Военные корабли, на которых он бывал ранее, представляли собой более крупные суда и внушали больше доверия, чем маленький буксир.

– А что значит «МБ-205»? – послышался позади голос Дениса.

– Я думаю, малый буксир, – ответил ему Ворон.

– Вообще-то это значит «морской буксир», а не малый. 205 – просто бортовой номер.

Морпехи дружно обернулись на голос. Возле трапа стоял дед, одетый в старый военный бушлат. Глаза его были скрыты за тёмными стёклами квадратных очков. Своей седой бородой и волосами пожилой мужчина напоминал капитана дальнего плавания с картинок из детских книжек. Но, судя по одежде, таковым не являлся.

Военные переглянулись, и Ворон спросил у старика:

– Точно морской? А то он как-то больше похож на речной, судя по размерам.

Кто-то из парней глупо хихикнул, словно это была достойная шутка. Старик повернул голову в сторону Антона. За тёмными стёклами глаз его не было видно, но смотрел он точно на него.

– Не обращайтесь внимания на размер. «МБ-205» – настоящий морской буксир, это вам не «плоскодонка» какая-нибудь. Благодаря устройству днища этот кораблик может довольно сильные шторма пережить. Мотать будет во все сто-

роны, как неваляшку, но ко дну просто так не пойдёт, вы уж мне поверьте. Я всю жизнь на кораблях работаю.

После этих слов дед спокойно достал из кармана пачку сигарет, вытянув одну, он дунул ей в фильтр и закурил.

– Я смотрю, у вас тут все сверхсрочники? – не унимался любопытный старик.

– Контрактники, – поправил его Денис. – В наше время это называется «военнослужащие по контракту», ну контрактники, короче.

– Понятно, – спокойно ответил бородач, словно в чём-то разочаровавшись.

Их разговор прервал приближающийся командир группы. Не сходя со шлюпочной палубы, опираясь на леера, он криком отдал команду Кравцову, чтобы разгружали имущество из машины.

– Пока ставьте на причал, чтобы «урал» не задерживать, а уже после занесёте внутрь.

Денис с Костей, будучи самыми низкими по росту, без дополнительных распоряжений запрыгнули в кузов и принялись передвигать ящики к краю. Снизу парни попарно спускали их на причал поближе к трапу. Затем морпехи выгрузили рюкзаки, бронежилеты со шлемами и закрыли борт. Попрощавшись со старшиной, который их привёз, они сопроводили уезжающую машину весёлыми взглядами.

Умаров в это время спустился на ют и взмахом руки подзвал к себе Кравцова. Остальные просто молча наблюдали

за ними.

– Пойдём, покажу вашу каюту и оружейную комнату, куда ящики тащить.

Они прошли через ют к металлической двери, ведущей внутрь. Открыв её, они повернули и сразу упёрлись во вторую. Пройдя через неё, морпехи оказались в узком коридоре, расположенном вдоль правого борта судна. Кравцов следовал за Умаровым, размышляя о том, что каждый раз, оказываясь на незнакомом корабле, приходится бороться с дезориентацией. Даже на таком маленьком, как этот буксир, пока не пройдёшь по всем коридорам пару раз, довольно сложно быстро сориентироваться. Ну а на некоторых действительно больших судах, чтобы запомнить все ходы и выходы, нужно намеренно изучать корабль.

В конце коридора они повернули налево, а затем сразу направо. Умаров начал спускаться на нижнюю палубу по очень крутому трапу, и Данила последовал за ним, придерживаясь за перила. Если не соблюдать осторожность, здесь легко можно было подвернуть ногу или вовсе упасть. Кроме того, над головой был низкий потолок, расположенный параллельно трапу. Об него тоже можно было здорово бабахнуться, особенно тем, у кого рост хотя бы метр восемьдесят, как у Дани. Он сразу прикинул, что будет непросто подниматься здесь, выбегая по тревоге в полной экипировке. Размышляя над этим, Кравцов задал командиру вопрос:

– Слышишь, Сергеич, а тебе капитан говорил время, за

которое мы должны выбежать?

– Две минуты.

– Две минуты? Ну ничего себе! Я представляю себе беготню по этим трапам, – Данила сказал это больше себе, чем офицеру.

Пока рядом не было остальных, он позволял себе иногда обращаться к Умарову на «ты». В большинстве случаев тот реагировал на это нормально, учитывая их давнее знакомство. Но Умаров был человеком настроения, и порой в голове у него будто что-то переключалось, и он мог завести долгий монолог на повышенных тонах, повествующий о субординации и уставных взаимоотношениях между командирами и подчинёнными.

Кравцову было всегда любопытно слушать эти речи, учитывая, что они неоднократно бывали вместе за пределами воинской части в различных увеселительных заведениях. И за всё это время Данила ни разу не показал на службе, что позволяет себе не подчиняться ему или общаться как с другом. Тем не менее, Умаров мог с презрением обращаться к нему или отчитывать за то, за что по-хорошему не должен был бы. В связи с этим, кроме совместных походов по барам, бывали у них стычки. Но больше всего Кравцова раздражал тот факт, что Умаров не видит разницы (или как минимум не показывает это) между ним и какими-нибудь молодыми бестолковыми контрактниками вроде Ворона, которых в батальоне было предостаточно.

Как бы то ни было, Кравцов, как и Умаров, понимал, что с контрактниками офицеру, командовавшему в части по большей части срочниками, будет сложно в этой командировке. Некоторые из них были слишком молоды, некоторые просто не отличались высокой дисциплинированностью. Поэтому отношения с Данилой ему лучше всё-таки не портить, его помощь в этом вопросе может пригодиться, даже если Умаров это не признаёт.

В этот раз из-за недостатка личного состава на боевую службу, за исключением одного, пришлось отправить только командиров отделений, в званиях от младшего до старшего сержантов, кроме того, все из разных подразделений батальона. И это тоже могло иметь определённые последствия. Уж больно привыкли они у себя в подразделениях иметь дело с призывниками и командовать ими. Тут им командовать некем, нужно только подчиняться.

Спустившись вниз, они оказались ещё в одном узком коридоре, расходящемся в разные стороны от трапа. В отличие от предыдущего, он был расположен не вдоль корабля от кормы до носа, а поперёк и в длину был не более шести метров.

Умаров повернул направо и, сделав несколько шагов, оказался между двумя дверьми. Он указал на деревянную, что была слева, и сказал, что Кравцов вместе с четырьмя другими сержантами будет жить здесь, а Козлова поселят на верхней палубе, рядом с каютой самого Умарова. Данила этому

не обрадовался, он бы и сам предпочёл жить отдельно от остальных, но спорить с Умаровым было бесполезно. Конечно, он хочет, чтобы тот приглядывал за товарищами в его отсутствие.

Каюта представляла собой крохотное помещение с двумя двухъярусными кроватями по бокам, шкафом, столом посередине и небольшим нештатным диваном, предназначенным для пятого человека.

– Не густо, – только и сказал Кравцов Умарову.

Старлей с улыбкой посмотрел на него и, указав на открытую дверь напротив, сказал:

– С каютой позже разберётесь. В прошлый раз наши тоже тут жили, поэтому уместитесь без проблем. Сейчас надо с оружейкой разобраться.

Данила взглянул на раскрытую металлическую дверь с табличкой «АРСЕНАЛ», прикреплённой на уровне лица. За ней, как и во многих других служебных помещениях, была ещё одна металлическая дверь, только закрытая. Устройство рычагов на них позволяло герметизировать корабль в случае пробоины. С левой и правой стороны таких дверей были ручки, подниманием и опусканием которых срабатывал рычажный механизм, плотно и надёжно запирающий вход в помещение. Невозможно было открыть дверь, используя только одну рукоять. Их следовало сдвигать одновременно, чтобы войти или выйти.

Когда Умаров наконец справился с рычагами, они с Дани-

лой заглянули внутрь, и Кравцов не поверил своим глазам. Перед ним было помещение ещё меньше их каюты. Предназначено оно было явно не для хранения оружия и боеприпасов. Через него проходили различные трубы, прямо к стенам были прикреплены несколько металлических шкафов. Кроме того, по углам хранились мешки с непонятным содержанием.

– Как мы здесь всё уместим? – спросил Кравцов, обращаясь к своему командиру.

– Надо уместить. Кроме этой конуры нам ничего больше не дадут. На корабле оружейная комната вообще не предусмотрена, поэтому придётся довольствоваться этим подобием. В прошлый раз они здесь даже сигнализацию установили, правда, к дежурному по судну она всё равно не выходит, но гудит так, что уши закладывает. – Умаров осматривал помещение, прекрасно понимая, насколько оно маленькое и как неудобно им будет действовать по тревоге. – Тащите, наверное, ящик с оружием, разместим его, а потом всё остальное расставим исходя из этого.

– Может, лучше наоборот, сначала занесём боеприпасы? НЗ вниз поставим, на них текучку. А на самом входе оружие положим и металлический ящик с магазинами, чтобы к ним свободный доступ был.

Умаров резко повернул голову. Он ненавидел, когда ему перечат или советуют, тем более младшие по званию и положению. Он пристально посмотрел Кравцову в глаза. Тот

ответил ему взглядом, в котором не было ничего, кроме вопроса. Видимо, обдумав предложение подчинённого и осознав его правоту, Умаров сказал:

– Хорошо. Пусть будет по-твоему. На этот раз я пойду на встречу.

Кравцов ничего ему не сказал, но, как всегда, отметил про себя странное поведение Умарова. Ясно же, что он не перечит ему, не хочет авторитет его подорвать своим простым советом. Это просто логично, выложить ящик с оружием на входе, чтобы его получить. Агрессия Умарова на подобные советы иногда казалась такой странной.

С этими мыслями Данила поднялся наверх. Седобородый дед уже ушёл, и парни стояли одни, о чём-то бурно переговариваясь и громко смеясь. Кравцов дал команду остальным и с ними вместе принялся носить ящики. В самый низ они уложили три ящика с гранатами Ф-1, кидать в море которые было запрещено в связи с их сильной разрывной способностью. Поверх оборонительных они разместили пять ящиков наступательных РГД-5. В стороне от них морпехи кое-как уместили восемь ящиков с выстрелами для гранатомёта, а потом, изощряясь как могли, буквально впихнули оставшиеся ящики с патронами для автоматов, пулемёта и СВД. Небольшой ящик с пистолетами они поставили на один из металлических шкафов.

После того как все боеприпасы были размещены, в помещении невозможно было свободно развернуться. Тем не ме-

нее парни смогли поставить ещё два ящика. Один с оружием, а второй – с пустыми магазинами, которые они снарядят, когда выйдут в море.

Закончив с самым главным, морпехи начали располагаться в каюте. Несколько ящиков с имуществом, которое включало в себя комплекты постельного белья, запасы гуталина, мыла и документацию, они разместили в коридоре рядом с каютой так, чтобы не мешали действовать по тревоге. Спортивный инвентарь, который взяли с собой из части, парни сразу отнесли на внешнюю палубу, где располагалась перекладка и брусья.

В каюте царил полный хаос. Пока морпехи размещались, к ним пришёл боцман – щуплый еврей лет пятидесяти с густой чёрной шевелюрой. Он принёс постельное бельё, попросив не использовать то, что они привезли с собой, дабы не возникло путаницы. Кроме того, вручил морпехам шерстяные одеяла, а чуть позже выдал каждому под роспись спасательные жилеты. Кравцов знал, что их перед выходом в море закрепляют за каждым членом экипажа и за всеми прикомандированными.

Наконец вещи контрактников были уложены, и каждый занял свою кровать. Не успели они расслабиться, как Умаров объявил построение на юте. Вслед за этим последовала масса стандартных процедур. Сначала пришёл старший помощник капитана с журналом инструктажа по требованиям безопасности. После того как морпехи расписались, он долго и

нудно рассказывал о правилах поведения на корабле и действиях в случае возникновения нештатных ситуаций. Затем пришёл капитан. После сухого приветствия он кратко изложил свои требования и ушёл.

Когда военные остались одни, Умаров, обобщая всё вышесказанное, определил им место курения, занятия спортом, а также места, запрещённые для посещения, куда входили главный командный пункт, верхняя палуба, где проживал капитан, и его отдельный туалет, а самое главное, женский душ. После дружных пересмешек на эту тему командир провёл каждого подчинённого по позициям, которые они занимали согласно боевому расчёту. Рабочий день на корабле близился к концу, поэтому тренировок действий при нападении на судно не было.

2

На следующий день военные отработали по полной. После утреннего подъёма и завтрака было общее построение на поднятие флага. Там собрались все члены экипажа и прикомандированный личный состав. Знакомств никто ещё ни с кем не завёл, поэтому морпехи внимательно осматривали окружающих.

– Ух ты, а это кто у нас? Смотри, парни. – Денис указал на невысокую брюнетку, неприметно стоявшую позади корабельной команды.

Все как один тут же устремили туда свои взгляды.

– Так, если это тоже член команды, то в море будет весело, – с детской радостью на лице добавил младший сержант.

– Да нет, не может такого быть. Ты когда-нибудь видел, чтобы на кораблях нормальные девки были, тем более молодые. Максимум: толстые старые тётки – страшные и вонючие, – Ворон проговорил это, сделав деловитый вид большого знатока.

После услышанного морпехи еле сдерживались, пытаясь не засмеяться.

– Отставить смех! – рявкнул Умаров. – Рты свои позакрывайте и стойте молча.

Парни замолчали, и улыбки с лиц у них тоже пропали, но каждый искоса продолжал поглядывать на девушку.

И Кравцов тоже.

Действительно, её присутствие было очень необычным. Если она и вправду работает на судне, то ей придётся несладко. Любая женщина на корабле – объект «голодных» взглядов моряков и «грязных» слухов между ними. По опыту Данилы, слухи эти, в большинстве случаев, были небеспочвенны. Такой уж труд в море. Много мужчин, много времени, проведённого ими вдали от цивилизации, и мало женщин либо вообще их отсутствие.

В основном на таких кораблях, как этот, две-три женщины обычно работали поварихами. Некоторые были замужними и ходили в море вместе с супругами, некоторые оставля-

ли мужей на берегу либо они ходили на других кораблях. Бывали также и незамужние, но в основном разведённые. В любом случае что те, что другие особой устойчивостью перед сильным полом не обладали и спустя месяц в море пускались, как говорится, «во все тяжкие».

Бывали, конечно, и исключения. В прошлой командировке Данила познакомился с женщиной, тоже камбузной работницей. Несмотря на то, что две её подруги были весьма распущены, она держалась достойно. Будучи замужем, она даже намёка никому не давала на какую-либо связь, а вот поговорить на любые темы могла. Именно к таким женщинам невольно проникаешься уважением.

Кравцов стоял и продолжал разглядывать миниатюрную брюнетку. Не верил он, что она работает на судне. Не укладывалось в голове, как оказалась здесь такая красивая (на его вкус) и молодая девушка. Данила вдруг подумал о том, что такое бывает только в кино. Бывает, смотришь какой-нибудь голливудский фильм, а там в каком-нибудь захолустье откуда ни возьмись появляется сногшибательная красотка. Или как в том фильме, с Николасом Кейджем. Заходит он в автомастерскую, а там из-под машины стройные ножки торчат. И вот как ни в чём не бывало оттуда выкатывается вся измазанная, но никто иная, как Анжелина Джоли, с её пухлыми губками.

В кино к этому все привыкли, но в жизни так не бывает. А потому эта девочка скорее всего пришлая, может, дочь чья

или родственница. Просто стоит и наблюдает за происходящим из любопытства.

Из-за этой брюнетки Кравцов прослушал длинную речь капитана о предстоящих на день мероприятиях. Первым из них стала тревога, объявленная Умаровым. Он давал команду, когда они находились в каюте, и после двух тренировок парни начали понимать, где и что их тормозит, как при получении оружия и экипировки, так и при непосредственном занятии позиций. Лучший результат по времени был две минуты четырнадцать секунд.

– Более или менее, но меня не устраивает, – заявил Умаров при небольшом разборе. – Это вы все одетые и обутые, ждёте команды. А если будете спать, да ещё раздетые? Поверьте мне, я сверху прибегу и дверь открою быстро, вы не успеете даже с кроватью подняться. Что мне делать после этого? Вас ждать?

Стоя в одношереножном строю перед Умаровым, парни молчали, обдумывая слова командира. Неожиданно для всех раздался голос:

– Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться из строя, матрос Козлов.

По строю прокатился сдержанный смешок. Парни были в предвкушении, что на этот раз учудит Козлов.

– Да, – без улыбки ответил Умаров.

– А там, в море, получается, один человек будет постоянно стоять на вахте с оружием. Следовательно, получить ору-

жие надо только остальным шести, включая Вас, ведь автомат вахтенного будет с ним. Выходит, – он говорил это не то чтобы с умным видом, скорее так, словно сделал одно из величайших открытий в истории судоходства, – эти лишние секунды и уберутся.

После его слов в воздухе повисло гробовое молчание. Командир уставился на подчинённого. Затем раздался дикий хохот морпехов, отчего несколько членов экипажа, стоявших неподалёку, тут же настороженно уставились на них. Даже на лице Умарова проглядывалась едва заметная улыбка.

Дело в том, что матрос Владимир Козлов, или как его все называли, Володя, был крайне неопытен в делах не только военной службы, но и вообще по жизни. На вид он был толст и неуклюж, а его пухлое лицо с красными щеками и большими глазами выглядело немного глуповатым. Видя его в первый раз, многие вообще не верили, что он в морской пехоте служит. Но тем не менее он служил, причём уже больше года. Козлов был совсем молод, когда его призвали на службу. Не прошло и полгода, как он контракт подписал. И только одному Господу Богу известно, зачем он это сделал. Этот «горе-морпех» был объектом постоянных насмешек для всех категорий военнослужащих.

Офицеры смеялись над Козловым, потому что выполнял он всегда глупые и смехотворные задания, придуманные в большинстве случаев специально для него. Причём глаза его горели так, словно он исполнял действительно серьёзные

приказы. Ну а командование тем временем тихо и беззлобно посмеивалось над молодым и неуклюжим контрактником.

Другие военнослужащие по контракту тоже не упускали возможности над ним подшутить. Его тучная фигура была причиной постоянных насмешек и упрёков. Кроме того, некоторые товарищи по службе его вместо себя в наряд ставили, для чего просто переписывали фамилии в журнале подбора суточного наряда. Иногда просили поменяться, обещая в следующий раз за него отстоять. Пользуясь его молодостью и неопытностью, они, конечно, этого потом не делали.

Даже «срочники», видя такое положение дел, откровенно ржали над ним. Но, к счастью, Володя относился к тому типу людей, которые при всём этом вовсе не унывают, а не обращают на это никакого внимания либо делают вид, что им всё равно. Скорее всего так оно и было.

Самый известный случай, произошедший с Володей, случился около полугода назад. Ротой, в которой он служит, командовал тогда старый «прожжённый» капитан, любитель на славу и с размахом погулять. В придачу был у него не менее весёлый старшина, который и по сей день служит там же. Вдвоём они много чего натворили, вот и к истории Володи имели самое прямое отношение.

Молодой контрактник жил тогда в расположении, поэтому всегда был на виду у офицеров. Как-то вечером командир роты со старшиной заперлись у последнего в кладовой и вы-

пивали, не удосужившись даже личный состав отбить. Из-за двери громко доносились песни «Чёрных беретов», которым «лютые» командиры порой подпевали.

В роте, за исключением нескольких человек, служили «срочники», давно привыкшие к такому ходу событий, и когда капитан позвал к себе дневального, никто ничему не удивился.

– Козлова ко мне, – отдал он команду дневальному, пытаюсь придать лицу трезвый вид.

Подчинённый быстро проследовал в канцелярию командиров взводов, где Володя боролся с мировым терроризмом. Выслушав дневального, матрос оторвался от Counter Strike (единственные стрельбы, где он был отмечен в лучшую сторону) и прибыл к командиру.

Капитан со старшиной поскребли по карманам и выложили на стол несколько десятков гривен. Вручив деньги Козлову, они велели принести им коньяка и чего-нибудь на закуску.

– Только через КПП не ходи, а то увидит ещё кто. Иди через забор, так быстрее будет, – с благими намерениями наставлял старшина молодого матроса.

– Есть! – гордо ответил Володя.

На заборе, рядом с казармой, в нескольких местах была разорвана колючая проволока. Знали об этом абсолютно все и пользовались, чтобы быстрее выходить за территорию части. Перескочив забор, военные попадали на кры-

ши гаражей, расположенных за ним. Спрыгнув с них, оказывались на территории городка, расположенного рядом с частью. Офицеры и контрактники пользовались этим выходом, чтобы быстрее попасть домой, «срочники» уходили через него в самоход.

Этим местом и воспользовался Козлов, выполняя «важное» поручение командования. Он не боялся, что его кто-нибудь увидит. За самоход его не задержат, он ведь к тому времени был уже контрактником, а за то, что не через КПП пошёл, максимум нравоучительно отчитают. В общем покинул территорию части он без проблем, а вот о его возвращении в бригаде ходит много историй, правдивая из которых только одна.

Сидят капитан со старшиной и смотрят на часы. Козлов, по их расчётам, слишком долго не возвращался. Неожиданно дверь в кладовую открылась, и глаза у командиров буквально «на лоб полезли». К ним вошёл не кто иной, как Володя Козлов, вот только узнать его было очень трудно. Глаз опух, всё лицо в крови, одной рукой держится за голову, да прихрамывает к тому же. Куртка на матросе изорвана так, что весь утеплитель пуховой наружу вываливался.

От удивления ни командир, ни старшина и слова вымолвить не смогли, только рты разинули, да наблюдают молча. А Володя как ни в чём не бывало подходит к их столу, ставит бутылку коньяка и говорит:

– Задание выполнено.

После этих слов матрос развернулся и, прихрамывая, пошёл к выходу. Эти двое просто оторопели, ничего не понимая, так и смотрели Козлову вслед, а у него из головы кровь литься продолжала.

Командир роты, пребывая в пьяном угаре, роту по тревоге поднял. Отобрал подчинённых, тех, что покрепче, и за собой повёл в сторону забора. Хотел обидчиков Козлова разыскать да наказать за содеянное. Только волей случая дежурный по части обход совершал и остановил их попытку самосуда.

В ходе разбирательства выяснилось, что, возвращаясь из военного городка, перед тем, как с гаража спрыгнуть обратно на территорию части, Володя столкнулся с тремя военнослужащими. В темноте лица он их не различил, но одеты они были, несмотря на холодную погоду, в одни тельники. Козлова это совсем не насторожило, он предположил, что они просто ждут кого-то. Прежде чем спрыгнуть, Володя сказал им:

– Парни, всё нормально, я контрактник с БМП. – И, не дождавшись ответа, спрыгнул вниз.

Едва коснувшись земли, Козлов почувствовал, как ему в лицо ударили кулаком. Затем последовали удары ногами и палками. Володя, однако, не растерялся и принялся отбиваться от обидчиков. Одного он даже умудрился ударить так, что тот упал. Весу в Козлове было килограмм девяносто пять, так что удар у него был что надо. У остальных обидчиков от увиденного рвения поубавилось, но всё равно они не

собирались его так просто отпускать. Вдвоём парни одновременно накинулись на матроса и принялись колотить что есть мочи. Володя сначала упал, не выдержав напора, но, сориентировавшись, встал и убежал.

Каково же было удивление командования, когда они поняли, что всё это время бутылка с коньяком у Володи в руках была. И ведь не выпустил её, не разбил. «Умри, но сделай», – начали над ним подшучивать, правда, с некоторой долей уважения.

Тогда ночью комбат приехал. Чтобы от командования случай этот скрыть, в гражданский травмпункт отвезли, снимок головы сделали и швы наложили. Серьёзных последствий для здоровья не было, а кто на него напал и из-за чего, так и не выяснили. Был слушок, что патруль от разведывательной роты его с кем-то перепутал, но те, естественно, своих не выдали.

После этой истории к Козлову было пристальное внимание со стороны командования и в магазин его старались больше не отправлять. Для них он стал «зоной риска», неизвестно чем могла закончиться очередная такая вылазка.

Вот и сейчас, стоя на юте, его товарищи со всех сторон смеялись над ним, а он как будто этого вовсе и не замечал. И ведь смешного он ничего не сказал, просто парни знали, что Козлов не сможет промолчать и что-то обязательно ляпнет.

– Да, Козлов, – Умаров пытался сдержать смех, отчего говорил это с кривоватой улыбкой. – На вахте будут стоять

один или два человека, я пока ещё не решил. Но всё равно надо стремиться делать всё быстрее, не на прогулку едем. Тебе всё понятно?

– Так точно, – спокойно ответил матрос.

После Умаров распустил группу, но велел не расслабляться, так как предстояли учения, которые будет проводить капитан корабля. Как и ожидалось, он провёл две тренировки и был удовлетворён результатом. Больше в этот день их никто не беспокоил.

3

Прошла неделя с тех пор, как они сели на корабль. Ничего необычного для тех, у кого был опыт боевой службы, не происходило. Изю дня в день морпехи вместе с экипажем отрабатывали предшествующие выходу в море корабельные учения: борьба за живучесть корабля, в которую включались тушение пожара и герметизация; покидание судна, а также различные вводные для подразделения антитеррора.

Парни неплохо со всем справлялись, поэтому особо не привлекали внимания командного состава судна. Кроме морпехов, на корабль прибыли ещё несколько прикомандированных групп.

Одна из них ПДСС – подразделение противодиверсионных сил спецназа. Четыре водолаза, включая старшего, предназначенных для осмотра корпуса корабля на якорных сто-

янках и при заходах в порты. Их задачей было осматривать подводную часть судна на предмет отсутствия повреждения, а самое главное, специальных подводных мин, которые могут крепиться к корпусу. Вооружены они были, кроме стандартных 5,45-мм автоматов Калашникова, ещё и 5,66-мм автоматами АПС и 4,55-мм пистолетами СПП-1, предназначенными для стрельбы под водой. Старшим у них был мичман, на вид взрослый и крепкий мужик.

По ходу службы морпехи и водолазы зачастую ходили вместе на кораблях ВМФ, поэтому двух из них Данила уже знал, командира же он видел впервые. Больше удивило то, что на корабль посадили ещё и гражданских специалистов. Единственное их отличие от военных водолазов было в том, что все они были старше по возрасту и оружия у них не было. Причина посадки ещё одной, дополнительной группы так и осталась для всех загадкой.

Данила стоял на сигнальном мостике и размышлял обо всём этом, любуясь закатом. Его вновь что-то тревожило. Он не мог это объяснить, так же как и понять. Но предчувствие опять подсказывало ему, что что-то не так. И вроде бы всё как обычно, те же люди, те же учения, то же оружие, но ведь всё равно он неспокоен. Данила знал по собственному опыту, если его что-то беспокоит, что он не может объяснить, стоит ждать беды. Пытаясь выкинуть из головы эти мысли, он нашёл объяснение в том, что корабль их идёт в Аденский залив, славившийся наличием пиратов и постоянными за-

хвататами ими гражданских судов.

На свежем воздухе было прохладно, и морской воздух освежал мысли. Опираясь на леера, Данила, не торопясь,пил крепкий кофе, наблюдая за смиренной водной гладью Севастопольской бухты. Солнце клонилось к горизонту, переливаясь тёплыми красками. В такие моменты посещают грустные и ностальгические воспоминания.

Данила мысленно погрузился именно в них. Он стоял, вспоминая детство, яркими вспышками в голове мелькали самые запоминающиеся моменты. Кравцов думал о той беспечности, которая во взрослой жизни уже не встречается. Только в детстве человек может по-настоящему быть счастливым, не обременённым посторонними мыслями и заботами.

В отличие от взрослых, дети способны воспринимать радость как нечто само собой разумеющееся. Ребёнок вовсе не думает о том, что переживаемый им момент является счастливым. Он просто весело смеётся, улыбается и радуется всему происходящему. В его сознании отсутствует само понимание кратковременности таких порывов. С возрастом человек, будь он суровым солдатом, известным комиком, циничным бизнесменом или просто беспечным мечтателем, утрачивает детскую способность к неосознанному счастью. Повзрослев, люди даже в самые счастливые моменты, мгновения дружного смеха или личного успеха на подсознательном уровне помнят, что этот момент – лишь короткое мгновение.

Кратчайший отрезок беззаботности в длинной линии жизни, наполненной хлопотами, суетой и работой. Сидя в компании друзей или родственников, взрослый человек понимает, что через пару часов всё изменится. Раздастся телефонный звонок, извещающий о проблемах на работе или в семье, заставляющий думать о чём-то другом, отвлекающий от происходящего.

Или после возвращения домой с новой силой настигает чувство одиночества, хотя всего несколько часов или минут назад жизнь была наполнена окружающими людьми. Бывает, человек приходит в место, где его встречает некто любимый и близкий, но даже с ним он чувствует своё одиночество. И так до конца жизни, какой бы длинной или короткой она ни была. Поэтому именно детские воспоминания самые счастливые, и надо радоваться уже тому, что они есть.

От мыслей Кравцова оторвал его друг:

– Даня, Даня, ты не поверишь, что я только узнал. Это капец, ты будешь просто ошарашен!

Стуча толстой подошвой ботинок по трапу, Денис поднялся к Кравцову. Повернувшись к незваному гостю лицом, Даня спросил:

– Неужели?

– Та тёлка, ну помнишь, брюнетка миниатюрная...

Кравцов её, конечно, помнил. Она сторонилась военных и не выходила лишней раз из каюты или камбуза, но на общих построениях присутствовала постоянно.

– Помню. Что дальше?

– Так вот, я узнал, что она в море с нами идёт, представляешь? Будет кому засадить теперь.

Кравцова иногда выворачивало от таких озабоченных, как Денис, даже не несмотря на то, что он был одним из его лучших друзей. Они были разные, но тем не менее тем для разговоров было у них предостаточно. Кроме того, они и за пределами части много времени проводили вместе. Глядя на него, Данила не мог понять, неужели прожить без девушек четыре месяца так тяжело.

Денис, не дождавшись ответной реакции, продолжил:

– В общем, там вопрос рассматривался насчёт неё. Она на корабле совсем недавно, и без опыта брать с собой её в море капитан не хотел. Предлагал пересадить на другой корабль, чтобы попрактиковалась на берегу. Но-о-о... – Он сделал наигранную протяжность в голосе. – Так как других вариантов не было, то...

После этих слов Денис несколько раз повторил непристойный жест, ударяя ладонью правой руки о кулак левой, при этом ехидно улыбаясь.

– Мне кажется, бред это всё. Она здесь либо с мужем, либо дочь чья-то из экипажа. Какая нормальная девушка будет тут работать, тем более такая молодая?

Данила с сомнением отнёсся к заявлению товарища и ждал, пока тот ещё что-нибудь скажет. Благо Денис не заставил себя долго ждать и продолжил:

– Да я проверил всё. Короче, ничья она не дочь и тем более не замужем. Просто повариха, молодая и неопытная. Совсем недавно какую-то «шарагу» закончила. Говорят, сирота, но дядя или тётя, я так и не понял, сидит где-то в штабе флота или ещё где. Но это опять же по слухам. Поэтому-то с нами и уходит в море.

– А что, в нормальное место дядя или тётя не могли устроить?

– Да какая разница?! Главное – на время будет с кем покувыркаться, а там пусть устраивается куда хочет потом. Я с ней по-любому «замучу».

Данила осуждающе, но с улыбкой смотрел на Дениса.

– Да тебе волю дай, ты и с динозавром замутишь.

– Ага, главное, чтобы титьки были.

Они посмотрели друг другу в глаза с серьёзным видом и весело рассмеялись. Успокоившись, Даня сказал:

– Наверное, шлюха какая-нибудь. Нормальная баба сюда бы работать не пошла.

На это Денис задумчиво ответил:

– Не знаю, говорят, чудаковатая какая-то, замкнутая, что ли. Особо ни с кем не разговаривает. А парней местных, ну корабелов, уже всех отшила. Вот так и говорят. Зовут её Леной, кстати.

– Чушь какая-то, – заключил Кравцов.

– Я тоже так думаю. От Денчика Поршнева ещё никто не уходил.

Они вновь рассмеялись и отправились в каюту.

4

Оркестр заиграл «Прощание Славянки». Для тех, кто впервые оказался на церемонии отправки корабля в дальнее плавание, всё выглядело словно в советском кино. Но на самом деле для военно-морского флота такое прощание с военными кораблями является священным и нерушимым ритуалом на протяжении многих лет, даже на территории постсоветского пространства. Перед убытием в дальний поход на судно всегда прибывают высокопоставленные офицеры со штаба флота, а на причале, оглушая провожающих, играет музыку военный оркестр.

Каждый занимался своим делом. Задача представителей флота – отправить экипаж в дальнюю дорогу. В обязательном порядке сказать напутствующие слова и сделать фотографии для военной газеты. Военному оркестру под командованием офицера-дирижёра в это время следовало играть весёлые прощальные мотивы. Капитану же с командой оставалось только улыбаться высокопоставленным гостям.

Группа морпехов, водолазов и весь экипаж собрались на юте по случаю открытия торжественного мероприятия. Военные были в повседневной полевой форме одежды, а экипаж в парадной морской форме. Она хоть и была отдалённо похожей, но военной всё-таки не являлась. Весь экипаж,

включая капитана, полностью состоял из гражданских лиц.

После развала Советского Союза структура Военно-морского флота, как и Вооружённых сил в целом, претерпела многие изменения. Не стал исключением и ставший теперь украинским Севастополь. Российской Федерации пришлось арендовать территории для размещения своих кораблей и воинских частей на территории Крыма, и договор об аренде был заключён до 2017 года.

После предполагалось передислоцировать флот на строящуюся под Новороссийском базу, а такие большие части, как бригада морской пехоты, вывезти на территорию России, предположительно в Темрюк, что находился на территории соседнего Краснодарского края.

Может, так оно и было бы. Но Новороссийск не Севастополь. Какие бы волнорезы и другие защитные приспособления там ни строили, вблизи города постоянно бушуют шторма, сопровождаемые сильными ветрами. Кроме того, подход кораблей к причалам часто затрудняют непроглядные туманы по всей протяжённости береговой линии. У правительства России не было иного выбора, как продолжать вести переговоры с целью оставления себе права пользования стратегически более выгодным портом.

В течение всего этого времени значительные изменения произошли в штате персонала на самих кораблях. Для начала сократили количество судов, затем штат людей на них, ну а уж в конце решили, что на таких, как «МБ-205», и прочих

кораблях обеспечения военные и вовсе не нужны. Поэтому их заменили гражданскими. Кроме того, все они были гражданами Украины. В связи с тем, что судно постоянно дислоцировалось в Севастополе, набрать граждан России для работы на «МБ-205» не представлялось возможным.

Поэтому теперь напротив русских военных, убывающих в служебную командировку, стояло около 30 членов экипажа – граждан Украины, поддерживающих работу одного из судов обеспечения Черноморского флота. Корабль уходил в Аденский залив с целью увеличения влияния Военно-морского флота России в Мировом океане.

5

После напутствующих речей людей в военной форме экипаж распустили для прощания с родственниками, приехавшими их проводить в дальнюю дорогу.

Лена смотрела на толпу счастливых и в то же время печальных лиц. Душу холодила леденящая тоска. Глазам предстала пара десятков любящих друг друга людей. Любящих и родных. Понятия, от которых у Лены остались только воспоминания.

Она смотрела, как маленькая пухлая девочка бежит навстречу своему отцу. Военный. Один из семи морпехов, которые отправляются вместе с экипажем в далёкое путешествие (так для себя Лена начала называть командировку по-

сле того, как посмотрела по карте, насколько далеко они уходят от родных берегов). Парень подхватил плачущую дочку на руки. Наверное, дочку. Иначе и быть не могло. Взаимная любовь просто светилась в их глазах, их движениях, взаимном тепле друг к другу.

Солдат чем-то опечален. Грусть так же, как и любовь к ребёнку, просматривалась в его глазах, так же, как выпирающий живот девушки, стоящей рядом и наблюдающей за ними. Очевидно, что она его жена и её мама. Любяще смотрела за двумя своими самыми близкими людьми. После она обняла парня и с серьёзным видом начала ему что-то рассказывать. Скорее всего, девушка читала нотации о поведении в море, соблюдении осторожности ради них. Интересно, родит ли она ребёнка до возвращения мужа или всё-таки повезёт и муж будет рядом с ней в этот ответственный момент?

Лена видела, как капитан общается с представительными военными в красивой чёрной форме. Судя по его улыбке, люди эти занимали высокие посты. Любопытно было наблюдать за ними свысока, стоя на шлюпочной палубе. Раньше Лене не приходилось видеть таких торжественных и официальных мероприятий, сопровождаемых к тому же игрой оркестра.

Капитан продолжал что-то рассказывать начальству, постоянно жестикулируя руками. Рядом стояла немолодая женщина, красиво одетая и стройная. Она держала капитана под руку и мило улыбалась. Супруга, кто ещё это может быть?

Ей тоже надо улыбаться начальству своего мужа, это её обязанность как любящей жены. Так ведь для всех будет лучше.

Повсюду были слышны щелчки фотоаппаратов, у некоторых срабатывали вспышки. Друзья и родственники, взрослые и дети – все хотели оставить воспоминания об этом дне не только в памяти, но и на глянцевой бумаге. Лена почувствовала белую зависть к этим счастливым людям. К ним пришли те, кто может их проводить, к ним же они придут, чтобы встретиться по возвращении. Всех этих людей кто-то ждёт, кто-то любит, и кого-то любят они сами. Все они расставались, чтобы потом встретиться вновь и с новой силой почувствовать свою взаимную привязанность.

Боже. А к кому вернётся она? Единственный дорогой человек покинул её, а больше никого и не осталось. Почему это произошло именно с ней? Если Бог действительно есть, то по какому принципу он решает, кому жить, а кому умереть? Почему её мать мертва, а отчим – это грязное и мерзкое животное, жив, да к тому же ещё и здоров? Как же сейчас не хватало мамы, только она могла бы искренне радоваться за дочь и давать советы. А к кому Лене возвращаться теперь? Теперь, сколько бы времени ни прошло, боль и печаль будут постоянно оставлять пустоту в её душе.

Раздумывая об этом, девушка перевела взгляд ещё на одного члена экипажа. Суровое лицо, неопрятный вид и покрасневшие глаза – до боли знакомый вид. Взгляд хищника, полный ненависти к жертве. Мужчина оглядывает толпу и

словно презирает их всех. Что за вздор? От этих мыслей Лене стало не по себе. И с чего это вдруг? Она поняла, просто этот мужчина напомнил ей отчима. Она увела глаза в сторону, чтобы не видеть его и наткнулась на другой взгляд. Совершенно иной, одинокий и задумчивый. Может, вспоминающий кого-то, но явно никого не разглядывающий в толпе. Один из этих морпехов, может, даже симпатичный. Стоит в стороне от своих и о чём-то думает. Он широкоплеч, крепко сложен и серьёзен на вид. Надетый на голову чёрный берет придавал ему вид настоящего военного, если Лена вообще что-то в этом понимала. В отличие от своих товарищей, он ни разу не попытался с ней заговорить. Интересно, почему? Конечно, ей до него, как и до остальных, нет никакого дела, но всё же? Наверное, у него кто-то есть, но почему тогда он совсем один?

Лена отвела взгляд от него и вновь задумалась о маме. О ней и о предстоящем путешествии. Грусть в сочетании с чем-то тревожным, чем-то неизвестным – ожидающим её за далёким горизонтом. Неизвестностью. Эта командировка, в которую Лена так рвалась, – что это? Желание познать неизведанный окружающий мир или убежать от уже известного?

Девушка посмотрела на морпеха, которого разглядывала минуту назад. Ей показалось, что он что-то ей сказал. Парень стоял внизу, и их взгляды встретились. Он смотрел на неё, но молчал. Лена хотела уже переспросить, но поняла, что морпех стоит слишком далеко, чтобы она могла его услышать.

Значит, показалось. Лена отвернулась от него, чувствуя, что лицо наливается краской. Решив, что вдоволь насмотрелась на происходящее, она спустилась вниз и проследовала к себе в каюту.

6

После того как экипаж судна откинул швартовые концы, корабль медленно отошёл от причала. Оставшиеся на берегу люди продолжали стоять, постепенно превращаясь в маленькие точки. Большинство людей на корабле не спешили заходить внутрь, а весело любовались видом отдаляющегося берега.

С левого борта красовался символ Севастополя – «Памятник затопленным кораблям». Люди рядом с ним тоже наблюдали за уходящим судном. После последовали Боновые ворота и, наконец, открытое море. Корабль следовал вдоль береговой линии, и с него было прекрасно видно весь город с его знаменитыми достопримечательностями. Весеннее солнце согревало, несмотря на прохладный морской ветер.

Через несколько минут дали отбой судовой тревоги, и люди на борту постепенно начали расходиться по каютам.

7

– Судовая тревога! Судовая тревога! Корабль к прохож-

дению узкости приготовить!

Голос вахтенного помощника в судовых громкоговорителях раздался после семи продолжительных гудков. Корабль подходил к Босфору – одному из красивейших проливов в мире. Начало прохода было намечено ещё утром, но по каким-то неясным причинам турки разрешили проход только в восемнадцать часов вечера. Экипаж к этому времени поужинал, и ничто не отвлекало от исполнения своих обязанностей при прохождении пролива.

Во время преодоления «узкостей», пользуясь морской терминологией, у каждого члена экипажа есть строго определённое место на палубе либо внутри корабля и обязанности согласно расчёту по судовой тревоге. Как правило, время начала прохода проливов или заходов в порт известно заранее, поэтому тревога ни для кого не неожиданность. Все сидят, заранее готовятся и ждут звонков, одевшись в чистую одежду, подобающую уважающим себя морякам. После, накинув спасательные жилеты и имитируя спешку, они выбегают на свои позиции, и по судовой проводной связи старшие на местах докладывают о готовности к прохождению пролива. Покидать свои позиции без разрешения старшего строго запрещено.

После непродолжительной паузы в громкоговорителях вновь прорезался голос:

– Группе АТД боевая готовность номер один!

Морпехи тщательно прислушивались к командам. После

этой они переглянулись, и Кравцов сказал:

– Ну всё, парни, погнали! Только без суеты.

Все без улыбок посмотрели на Данилу, и по заранее договорённой очерёдности получили закреплённое за ними оружие, необходимые боеприпасы, и выбежали каждый на свою позицию. Даня получил автомат крайним, после чего Умаров схватил свой, закрыл дверь в арсенал и выбежал наверх. На командирском мостике, где согласно боевому расчёту была его позиция, он доложил капитану:

– Товарищ капитан, группа АТД по боевой готовности номер один выставлена. Командир группы – старший лейтенант Умаров.

Капитан вяло посмотрел на свой секундомер. Цифры показывали одну минуту тридцать две секунды.

– Хорошо. Проверьте связь с подчинёнными и следите, чтобы они не покидали свои позиции.

Умаров ничего не ответил. Молча посмотрел на капитана, после чего поднялся на сигнальный мостик, находящийся над ГКП. Там согласно боевому расчёту была позиция Ворона. Пулемёт, расположенный в верхней части судна почти с круговым сектором стрельбы, являлся одним из основных огневых средств группы. И корректировать его огонь Умарову было проще, находясь в непосредственной близости.

С мостика хорошо просматривались все позиции. На баке, в носовой части корабля стоял гранатомётчик – Поршнев. Слева и справа на шлюпочной палубе стояли стрелки

Ефимцев и Козлов соответственно. На мачте, расположенной в непосредственной близости от сигнального мостика, сидел снайпер – Вася Иванов. Его Умаров также мог корректировать голосом в случае необходимости. К тому же снайпер – неплохое прикрытие для пулемётчика. В кормовой части судна, на юте находился Кравцов – заместитель командира группы. Хотя Умаров никогда бы в этом не признался, но он доверял ему. Офицер знал, что на старшего сержанта можно положиться, доверить серьёзные задачи и ответственные посты. Палуба юта была ниже всех остальных. От поверхности воды её отделяло всего два с половиной метра, и позиция эта была наиболее уязвимой. В случае нападения Кравцов мог не только сам открывать огонь по неприятелю, но и руководить голосом двумя стрелками, находящимися неподалёку. Со шлюпочной палубы по правому и левому бортам корабля они его хорошо видели и слышали, если возникала такая необходимость. Связь юта с ГКП была проводной, корабельной, так что Кравцов мог без проблем докладывать обо всём, что видел на горизонте. Кроме того, у каждого морпеха были свои штатные радиостанции, через которые они выходили на командира группы.

– «Айсберг двадцать два», я – «Вымпел ноль один», приём, – услышал Данила голос командира в наушнике.

– «Вымпел ноль один», я – «Айсберг двадцать два», приём.

Умаров молодец, не нарушает радиодисциплину даже

здесь, когда никто не станет проверять, с цифрами он назвал позывной или нет. Каждый доложил ему о готовности ещё до того, как сам командир доложил капитану. Но в суете Умаров этого не слушал. В этом плане он доверял подчинённым и знал, что позиции они займут вовремя. Однако связь с каждым абонентом радиосети является очень важным элементом, поэтому убедиться в её наличии он был обязан. У каждого в группе был позывной. Умаров пользовался своим стандартным, тем же, что и в ППД. Остальные придумали себе сами и с разрешения командира группы пользовались исключительно в этой командировке. Позывной Кравцова был хоть и придуман им лично, но пользовался он им постоянно.

Радиостанции не подвели. Они надёжно обеспечивали связь на небольшом судне на заданной частоте и удобно цеплялись за разгрузочные жилеты, кроме того, были снабжены запасными аккумуляторными батареями. Умаров проверил визуальную и радиосвязь со всеми подчинёнными, и только после полной готовности парни начали любоваться замечательными видами вечернего Босфора.

8

Стамбул прекрасен в любое время года. В любую погоду и любое время суток он поражает своими живописными пейзажами, простирающимися по обе стороны водного перехода из Чёрного моря в Мраморное.

Дане доводилось проходить его знойным летом, когда, стоя на посту и щурясь от яркого солнца, он лицезрел множество красивейших строений всех времён, начиная от Античности и заканчивая современными стеклянными небоскребами. Летом можно было наблюдать сотни туристических яхт, рыбацких лодок, а также различных контейнеровозов и танкеров, направляющихся в разные стороны. Но самое большое впечатление на Данилу тогда произвели огромные туристические лайнеры, пришвартованные к берегу. Они поразили его не только размерами, но и неопишуемой роскошью и красотой, порождением гениальности дизайнерской мысли.

Счастливицы, находящиеся на борту всех этих лайнеров и туристических яхт, в свою очередь, с интересом разглядывали и фотографировали военные суда, привлекавшие их своей неброской серой окраской. Махая и улыбаясь, они, сами того не подозревая, заставляли завидовать им белой завистью добрую сотню военных моряков, обременённых своими обязанностями и заботами. Но в то же время эти же «зеваки» поднимали этим самым морякам настроение.

Кравцов также проходил пролив и суровой зимой. Как-то под Новый год, возвращаясь из дальнего похода, он застал в Стамбуле снегопад. Но Босфор не стал от этого хуже, скорее наоборот. Белоснежный покров в Турции – зрелище само по себе необычное, и редкий пейзаж зимнего Стамбула приобрёл от выпавших осадков своеобразную изюминку.

Как только судно вошло в пролив и морпехи начали бегать по тревоге, с обеих сторон начали проглядывать невысокие горы. Чем глубже они заходили в пролив, тем больше строений появлялось по берегам. Начиналось всё с небольших особняков и продолжалось появлением больших гостиниц, мечетей и многих других строений. На многих из них простирались ярко-красные флаги с изображением белого полумесяца и звезды.

Проходить пролив в сумерках Дане пришлось впервые. И бывшая турецкая столица опять удивила его и заставила не остаться равнодушным. Не тысячи, а скорее даже десятки тысяч разноцветных огоньков украшали берега по обе стороны: Европы справа, Азии слева. Десятки освещённых катеров проезжали мимо русского судна с разных сторон и под разными углами. На многих из них слышался усиленный мегафоном голос, рассказывающий пассажирам о местных достопримечательностях на английском языке.

Чем глубже в пролив заходил корабль, тем ярче краски становились вокруг. Звуки намаза разносились так громко, что сила мусульманской религии чувствовалась даже на судах, проходящих в километрах от них. Вдали, ближе к горизонту светлыми тонами освещались местные небоскрёбы. Их было немного, но красота была незабываема...

– Извини, ты не сфотографируешь меня?

Даня резко обернулся на голос и даже сначала не понял, кто и к кому обратился. Он так увлёкся просмотром мест-

ных достопримечательностей, что, разглядывая небольшую фигуру, не мог понять, кто стоит перед ним и к нему ли этот тихий голос обращается.

– Извини, тебе, наверное, нельзя отвлекаться. Я просто не хочу никого просить, потому что они увлечены собственным фотографированием, а ты вроде как нет.

Теперь Данила наконец пришёл в себя и понял, что девушка обращается именно к нему. Это была та самая брюнетка, на которую он неоднократно тайком посматривал. Денис говорил, её зовут Леной. Он помнил это прекрасно, но не хотел подавать виду.

– А... Э... Ой, извини, я просто задумался о своём, а в темноте и не понял, к кому ты обращаешься. Конечно, я тебя сфоткаю. Без проблем. Давай своё фоторужье.

Лена слегка улыбнулась и протянула ему большой цифровой фотоаппарат с не меньшим объективом.

– Ого! Крутой фотик! «СОНИ»! Такой тысяча пять гривен стоит, да ещё и объектив охре... – Он чуть не выругался, но вовремя остановился. – Ой, извини, я не хотел ругаться и постараюсь покультурнее общаться.

Лена посмотрела на него без особого интереса. По крайней мере ему так показалось.

– Так, ладно, – продолжил Данила. – Покажи: где здесь и что нажимать?

На самом деле Кравцов прекрасно знал, что нужно нажимать, но надо было как-то завязать разговор и разрядить об-

становку. Общение с ней его немного смущило, и он понимал, что выглядит глупо со всеми этими его фразами.

– Вот эту кнопку сверху. Крутя объектив, можно приблизить или отдалить. Сфоткай хоть как-нибудь, в любом случае это будет лучше, чем ничего.

– Я тебя сфотографирую не как-нибудь, а нормально. В этом будь уверена.

Дане его собственный голос показался неуверенным, хотя он очень не хотел показать себя так перед ней. Но то ли было холодно, то ли причина была в чём-то ещё, но что-то заставило его голос пару раз дрогнуть. Мысленно Данила даже обрадовался, что уже стемнело, иначе на лице его девушка могла увидеть признаки покраснения.

Лена опустила взгляд и как бы себе под ноги сказала:

– Я там уже всё настроила. Режим стоит «Пейзажи», чтобы задний фон был так же виден, как и передний.

– Не уверен, что при таком освещении это сработает должным образом, но я попробую. – Даня взял фотоаппарат, посмотрел через видоискатель и, подкрутив объектив, сфотографировал девушку.

– Ты вовремя подошла, ещё бы немного, и мы вышли бы из Босфора. А на обратном пути, если будем проходить днём, такого уже не увидишь. Так что пока есть возможность, могу тебя побольше пофоткать. Я сам любитель запечатлеть на память такую красоту, но у меня фоток уже полно. А у тебя, похоже, всё только начинается.

Будучи внешне спокойным, Данила очень волновался. Сам того не осознавая, он на удивление много сказал совершенно незнакомой девушке, что было ему совсем не свойственно. Ему даже показалось, что сердце у него бьётся немного быстрее, чем обычно.

– У меня работа была на камбузе. Посуду помыть и всё такое. – Проговаривая эти слова, она как будто стеснялась. – Ладно, спасибо, я думаю, достаточно. Давай фотоаппарат, и я пойду.

Девушка протянула руку, и Данила автоматически отдал ей фотоаппарат. Она уже собиралась уходить, когда Данила неожиданно для себя подался вперёд и, аккуратно схватив её за руку, остановил.

– Эй, подожди... – тихо позвал он.

Девушка остановилась и на мгновение ему показалось, что она чуть дёрнулась от испуга. Кравцов надеялся, что ему это только показалось.

– Давай, мне действительно не тяжело. – При этих словах он забрал фотоаппарат обратно. – Я тебя нормально пофотографирую. Приедешь, покажешь своим родным. Смотри, я сейчас режим поставлю, где задний фон будет размытым, а ты чёткая. Ну... В смысле твоё изображение чёткое, а не ты чёткая... То есть в смысле и ты чёткая, ну... Ты, короче, поняла.

Лена улыбнулась. Улыбка была искренней и весёлой. Или ему так показалось. Даня сгорел бы от стыда, если бы это

происходило днём. Он чувствовал, как его лицо обдало жаром.

– Блин, извини. Я просто человек военный и иногда не могу нормально выражаться.

Лена с едва уловимыми остатками улыбки взглянула на Данилу и проговорила:

– Ничего, я не обижаюсь. Мне ещё никто не говорил, что я чёткая.

При этих словах они оба заулыбались.

– А ты что, уже разобрался, как поставить режим? Просто пару минут назад ты не знал, куда нажимать.

Подловила, но Кравцов быстро сориентировался.

– Да нет, всё нормально. У моего знакомого «Сонька» такая же, только без такого большого объектива. Клёвая.

– Я его по скидке взяла. Так бы точно не потянула.

Даня говорил с ней, внимательно смотря на дисплей фотоаппарата. Когда он настроил нужный режим, поднял его и приготовился к фотографированию.

– Я готов, вставай туда, а я сейчас буду фоткать.

– Хорошо, – коротко ответила Лена и начала неловко позировать.

Пока девушка позировала, Данила пробовал различные режимы фотосъёмки. Закончив, девушка сказала, что ей надо идти, и уже собралась уходить, как Данила, запинаясь, сказал ей:

– Подожди, может, останешься?

Она с удивлением, а может, даже с подозрением посмотрела на него. Кравцов не обратил на это внимания, а просто поднял свободную левую руку с оттопыренным указательным пальцем в направлении носа корабля. Девушка медленно повернулась в том направлении и ахнула.

Впереди яркими голубыми огнями, соединёнными в многочисленные вертикальные линии, сиял горизонт. По краям, ближе к берегам они поднимались вверх на десятки метров, а к середине пролива плавно укорачивались. Снизу вертикальные линии соединяла одна яркая линия, состоящая из множества оранжевых огоньков, а сверху, такого же цвета проходила аккуратная дуга, полукругом направленная вниз – к морю. Вся эта красота шла от огромных столбов с правой и левой сторон пролива, подсвечиваемых голубыми огнями. Но это ещё не всё. Мгновение спустя голубые тона плавно стали переходить в розовые, а потом так же плавно сменились на красный цвет.

Лена, широко раскрыв глаза, зачарованно смотрела вперёд. Незаметно для себя самой она приоткрыла рот и не могла оторвать взгляд от этого зрелища. Девушка, затаив дыхание, наблюдала за разноцветными огнями не в состоянии понять, происходит ли это на самом деле или ей это просто снится.

Данила не смотрел на огни, мерцающие вдалеке, ни секунды. Его взгляд был прикован к девушке, что стояла рядом с ним. Он видел, как блестят в темноте её огромные глаза. От-

ражая свет далёких фонарей, они казались переполненными необычайной живительной силой, обладающей каким-то гипнотическим воздействием. По крайней мере на него. Лицо девушки в сумерках казалось таким нежным и... как бы сказать... правильным... идеальным...

– Что это? – охрипшим, еле слышным голосом спросила Лена. – Это что, мост?

– Он самый. – Даня не мог скрыть улыбку. Он понимал её, как никто другой. Когда видишь эту красоту впервые, она способна очаровать не на одну минуту. – Это один из двух навесных мостов, соединяющих две части света: Европу и Азию.

– Так красиво...

– Да. Тебе надо начинать позировать, а то я не успею тебя запечатлеть на фоне этого чуда.

– Да, давай.

Лена повернулась спиной к огням и приняла позирующую позу.

– Слушай, Лена, давай я тебя попрошу, точнее, дам совет. Расплети свои волосы. Я, конечно, понимаю, что ты заплела их при готовке, но с распущенными волосами тебе будет гораздо красивее... – Он помялся, понял, что только что сделал ей комплимент. Испугавшись реакции девушки и не дав ей ничего сказать, он добавил. – Будет... наверное.

Лена смутилась. Даня увидел это сразу, но было поздно. Он не знал, как исправить ситуацию, и решил пустить всё на

самотёк. Кравцов не знал, что Лену смутил не его комплимент, а то, что он назвал её по имени, которого она ему не называла. Но тогда она ничего ему не сказала по этому поводу.

– Ты думаешь? Я не знаю. Боюсь, что если расплету их, то они будут как солома.

– Да нет же, будет очень красиво. Я бы сказал чётко. – После этих слов он улыбнулся, и она ответила ему тем же.

– Ну хорошо, только сделай, чтобы я была красивой.

– В этом мне не придётся стараться. Природа всё сделала за меня.

После они молча сделали ещё несколько фотографий, а потом немного постояли, наблюдая за переливанием огней на втором мосту.

– Ладно, спасибо большое. Посмотрю фотки в каюте. Пожалуй, отберу лучшие и скину себе на флешку.

Даня посмотрел на девушку и улыбнулся.

– Фотки чёткие, поверь.

– Не сомневаюсь. Ещё раз спасибо. Извини, если озадачила тебя.

– Да нет, мне нетрудно было. Если что, обращайся. Я тут недалеко живу, на корабле.

Она улыбнулась. Ему показалось, что с грустью.

– Хорошо. Буду иметь в виду.

Они молча смотрели друг на друга несколько мгновений, после чего Даня решил и сказал:

– Меня Данила зовут. Я тут как бы один из охранников, так сказать, военных. А тебя?

Девушка не сдержала смех. Он был таким искренним, что Даня даже засмутился. Кравцов уже подумал, что что-то сделал не так или, может, выглядит как-то нелепо. Лена перестала смеяться и ответила:

– Лена. Лена меня зовут.

Он протянул ей руку. Она недоумённо посмотрела на неё и протянула в ответ свою. Данила аккуратно сжал её ладонь на несколько секунд и проговорил:

– Очень приятно.

– Взаимно. Ещё раз спасибо. Я пойду.

Она резко отдернула руку, развернулась и, не оборачиваясь, покинула ют.

Даня посмотрел ей вслед, а затем принялся оглядываться вокруг. После отмены судовой тревоги все, кроме вахты, отправились отдыхать. Настроение у Кравцова было необычайно приподнятым в тот вечер.

9

На следующее утро «МБ-205» прошёл второй пролив на пути из Чёрного моря в Средиземное. Дарданеллы были шире и протяжённее Босфора, но совсем не такие живописные.

Команда и прикомандированный личный состав отыграли судовую тревогу без происшествий. Естественно, такого же

разговора, как был вчера, у Кравцова с Леной уже не состоялось. Он видел её только с утра, в столовой, но не отважился даже поздороваться. К тому же вокруг было много людей, что могло породить ненужные слухи. Она, как ему показалось, вообще проявила к нему безразличие. И как будто специально пыталась его избежать.

Теперь он неустанно думал о ней, и это было очень странно. Ни одной девушке до этого не удавалось ничего подобного. Чувство, которое Данила испытывал, было очень непривычным. Вроде бы она самая обычная, он даже не мог сказать, что именно его привлекало в девушке. Неуместная на этом корабле, среди бывалых моряков и толстых поварих, но тем не менее... Не мог он понять.

Даня поразмышлял на эту тему ещё немного, а потом решил, что всё дело только в том, что она одна-единственная молодая девушка в этом обществе. Именно поэтому она и притягивает его. После Данилу кто-то отвлек на палубе, и некоторое время в походе он больше не разговаривал с Леной и не думал о ней. Старался не думать.

Глава 3

Странное

1

Глубокой ночью Данилу разбудило странное ощущение. Ему вдруг показалось, что за ним кто-то наблюдает. Открыв глаза, он огляделся вокруг, но никого не увидел. У себя на кроватях, на нижних и верхних ярусах спали его товарищи. Все, кроме Дениса и Васи, которые, похоже, менялись на вахте. Сам он лежал на своём диване, и, на первый взгляд, ничего необычного вокруг не было.

Даня повнимательнее оглядел крохотную каюту и вновь положил голову на подушку. Через мгновение, буквально через секунду или две он почувствовал рядом присутствие кого-то постороннего. Он не услышал его, тем более не увидел, именно почувствовал. Дверь в каюту не открывалась, иначе он бы точно услышал, а спрятаться здесь было негде.

Несмотря на полусонное состояние, Кравцов ощущал, что кто-то стоит совсем рядом и смотрит на него.

Леденящий, секундный страх пронзил его всего изнутри. Мгновенный, неосознанный ужас, дающий человеку всего

на мгновение испугаться и тут же понять, что страх этот напрасный и бояться нечего. Вот он сейчас откроет глаза, а там никого вовсе и нет, просто, может, кто-то из товарищей проснулся сходить в галюн.

Данила раскрыл глаза и обомлел. Шокирующий ужас сковал его тело. Взгляд старшего сержанта был наполнен страхом и паникой. НЕЧТО предстало перед ним в темноте, стоя рядом в чёрном одеянии. Кто-то или что-то возвышалось над Данилой и наблюдало за ним. Он не мог видеть глаз этого существа, человека, кем бы он ни был... Данила видел, что он (оно) смотрит на него холодным взглядом, взглядом, от которого в жилах застывала кровь.

Не в силах вымолвить ни слова, Кравцов закрыл глаза, надеясь, что мрачный образ исчезнет, но, открыв их, увидел его вновь. Человек или существо был (было) одет в чёрное одеяние. Только чёрный – это неверное слово. Скорее – мрачное одеяние. Чёрный – это всего лишь цвет и ничего более, а существо было не просто в чёрном, оно было в МРАЧНОМ балахоне, безжизненном. Может быть, это и был сам МРАК, каким-то невероятным образом принявший человеческие очертания. Балахон был накинут на фигуру, напоминающую человеческую, но человеком он быть не мог. Капюшон сверху прикрывал что-то похожее на голову. Но и в том, голова ли это была, Данила тоже сомневался. Ни её очертаний, ни лица не было видно. Там, из-под капюшона на Кравцова смотрела сама ТЕМНОТА. Неизвестно, каким об-

разом, но Данила буквально ощущал на себе этот безликий взгляд.

Старший сержант попытался закричать, но было уже слишком поздно. Тёмное существо молниеносно подняло руки. Сморщенные, костлявые пальцы сжались мёртвой хваткой на горле Данилы. Он видел и с ужасом осознавал, как кровь или что-то другое, более мерзкое и отвратительное пульсирует в венах, просматриваемых через тонкую, полупрозрачную кожу на дряблых и в то же время очень сильных руках «этого». Тёмное существо душило Кравцова, но лица он по-прежнему разглядеть не мог. Сдавленный крик прорезался из его горла. Данила не пытался ничего сказать, он просто хотел закричать. Вот только вместо этого получался глухой, хриплый звук.

Теперь Кравцов наконец осознал, что это сон – ночное видение, в котором ему каждый раз являлся один и тот же образ. Но, несмотря на это понимание, страх всё равно не покидал его. Ощущение удушения было настолько реально, что Данила боялся умереть от него, даже находясь во сне. Неизвестно откуда, но он знал, что если не сможет собраться, то никто ему не поможет. Он должен собрать волю в кулак и проснуться, но как? Даня сосредоточился на мысли, что всё это лишь сон. Он напрягся изо всех сил, насколько это можно было сделать в таком состоянии. Дыхания не хватало, но он предпринимал всё новые попытки.

И вот наконец его глаза открылись. Следом за этим после-

довало невероятное облегчение. Блаженное чувство, когда понимаешь, что весь этот неопиcуемый кошмар остался далеко позади, в далёкой-предалекой стране, именуемой снами. Данила, не поднимая головы с подушки, осмотрел каюту и вновь закрыл глаза.

Резким сжатием, которое Кравцов почувствовал у себя на шее, доступ воздуха вновь прекратился. В ужасе раскрыв глаза, он вновь увидел ночного гостя. В том же самом чёрном балахоне с капюшоном, под которым по-прежнему не было лица. Только непроглядная темнота сверлила его ненавистным взглядом. К нему пришло понимание, что это был сон во сне, и он проснулся в нём. Только теперь зло вышло из более глубокого, второго сна вместе с самим Даней и продолжило свою пытку. Кравцов вновь попытался закричать, но на этот раз проснуться самостоятельно будет гораздо сложнее, если вообще возможно.

Словно через закрытую дверь, сквозь сон он почувствовал ещё чьё-то присутствие. Данила осознал, что теперь он одновременно видит и чувствует как происходящее во сне, так и наяву. Во сне НЕЧТО в чёрном сильно сжимало его шею, пытаясь удушить. В реальности же он наблюдал чей-то силуэт. Он был размыт в глазах старшего сержанта, словно находился по ту сторону запотевшего стекла. Как Данила ни пытался, он так и не смог разглядеть, кто это был. Но это был кто-то из своих, и сейчас Даниле как никогда необходима была его помощь. Вот только этот кто-то не видел сна

Данилы, не видел, как его душат во сне. Реальность происходящего была настолько правдоподобной, что Кравцов уже был не просто напуган, его охватила безумная паника.

– Разбудите меня! – что есть мочи прокричал он во сне.

Никакой реакции со стороны. Тогда он вновь приложил усилия и попытался закричать опять:

– Разбудите меня!

Крик давался ему очень тяжело, как всегда и бывает во снах. Даже сейчас он думал о том, что крик этот схож с бегом во сне, когда пытаешься убежать «со всех ног», но ничего не получается и ты бежишь, словно в замедленной киносъёмке, с трудом перебирая ногами. Так же было теперь и с криком. Как он ни пытался, на выходе получалось что-то нечленораздельное.

Но расплывчатый силуэт всё-таки что-то услышал или увидел. На секунду он будто замер и повернулся в сторону Кравцова.

– Разбудите меня! – ещё раз попытался прокричать Даня.

В реальности это слышалось неразборчивым мычанием:

– Обуите мяааа!!! Ууити мяааа!

2

Дениса на вахте сменил Вася. Его электронные часы «Casio» показывали три часа пятьдесят восемь минут утра.

– Вася, хоть бы раз на пять минут раньше пришёл. Мы все

так меняемся.

Вася молча посмотрел на него и с завидной умиротворённостью в голосе сказал:

– Радуйся, что я вообще тебя поменял. Если бы захотел, мог бы спать ещё четыре часа, а ты бы за меня постоял. Так что ничего страшного, наоборот, скажи спасибо. – Он чиркнул зажигалкой и закурил сигарету.

– Ну да, конечно. Если б не проснулся, пришлось бы тебя ведром с водой будить. – После этих слов Денис рассмеялся.

Вася молча посмотрел на него, выдыхая дым через нос. Взгляд, отлично различимый при чистом небе и ярком лунном свете, указывал на сонливость.

– Пошёл вон! – Одновременно с этими словами он попытался отвесить Денису пендель под заднее место, но тот с весёлым смехом увернулся. После они оба заулыбались. Такая манера общения и поведения была нормой в молодом мужском коллективе.

– Давай, Вася. Спокойной вахты.

После этих слов Поршнев развернулся и начал спускаться по трапу, следующему с сигнального мостика. Он слышал, как Иванов отсоединил магазин и проверил отсутствие патрона в патроннике отведением затворной рамы в заднее положение. Затем Вася вновь присоединил магазин к автомату и еле слышно проговорил:

– Давай. Смотри, чтобы Ворон не проспал.

– Не проспит, с чего бы это.

Спускаясь вниз, Поршневу посмотрел на звёздное небо. На миг он задумался о его красоте и прислушался к шелесту волн, мягко бьющихся о борт корабля. Спать особо не хотелось, несмотря на время. Он спустился до юта и завернул в узкий коридор, проходящий вдоль левого борта судна. Прежде чем отправиться в каюту, Денис решил зайти в галюн.

Перед дверью Поршневу остановился. На ней висела очень весёленькая инструкция, приклеенная каким-то большим шутником. Похоже, её наклеили только этой ночью, потому что до этого он её не видел. Улыбнувшись, сержант зашёл внутрь и посетил одну из двух кабинок. После того как сделал дело, Денис отправился вниз.

Открыв дверь внутрь, Поршневу включил прикроватную лампу и сразу почувствовал, что что-то не так. Нет, всё и все, конечно, были на своих местах, но что-то всё равно настораживало. Может быть, не точно, но он это почувствовал скорее обонянием, а не ещё чем-то. Какой-то смрадный, затхлый запах. Разумеется, это могло только показаться. Стояла невыносимая жара. Четыре взрослых мужика в маленькой железной каюте, оббитой пластиком. Удивляться было нечему. Он не придавал этому никакого значения.

Тогда.

Повернувшись к своей кровати, Денис снял пропотевшую футболку и резко дёрнулся от испуга. Позади него неожиданно раздался какой-то звук. Быстро развернувшись, Поршневу посмотрел на диван, где спал Кравцов.

– Обуите мяааа!!! Ууити мяааа!

Похоже, ему снился кошмар. Денис ещё мгновение постоял, а потом решил разбудить друга. Он, не торопясь, подошёл к нему и начал трясти его за плечи двумя руками.

– Даня, Даня, проснись! Слышишь меня, проснись.

Глаза Кравцова резко открылись. От неожиданности Денис открыл рот, но не издал ни звука. В глазах Данилы не было зрачков, лишь белки. Казалось, они закатились куда-то вверх, заполнив глазные яблоки сплошной жуткой белизной. Невидящим взглядом Кравцов проговорил словно куда-то в пустоту:

– Надо повернуть... Тьма... В лучах заката... Жизнь там...

Кожа Поршнева от этих слов покрылась мурашками. «Что за чёрт? – подумал он, – Это ведь совсем не его голос, это не он говорил. Он не мог говорить таким голосом».

Сразу после этих слов, тянувшихся для Дениса вечно, взгляд старшего сержанта прояснился, он проморгал несколько раз и уставился на Поршнева.

– У-у-мммм. Капец, какой страшный сон снился. Ты что так долго не будил меня, не слышал, как я ору?

– Я... Я... Я просто не понял сначала, ты что-то там мычал

такое, совсем непонятное...

– Я кричал, кричал, чтоб меня разбудили. Я видел тебя сквозь сон, как ты...

– В смысле видел? – Удивился Денис.

– Ну, мне одновременно снился сон, и в то же время я тебя видел, как ты раздеваешься. Потом расскажу в общем.

Видимо, Данила не хотел углубляться в подробности в таком состоянии. Потом, он сказал:

– Пойду умоюсь, а то бывает, что если сразу засну, то потом тот же кошмар продолжается. Который час, Ден?

Денис насторожённо посмотрел на него. Он только отошёл от странности увиденного и услышанного.

– Начало пятого, я только с вахты сменился.

– Ого-о, ещё есть время поспать. Если после такого усну, конечно.

– Слышишь, Дань, а что тебе снилось? – Поршневу после того, что он увидел, было очень любопытно.

– Давай лучше не сейчас. Я тебе завтра расскажу.

– Ну ладно. Пойдёшь умываться, прочитай инструкцию на двери в гальюн. Там кто-то прикольную тему повесил.

– Что за тема? – вопросительно посмотрев на Дениса, спросил Кравцов.

– Сам увидишь. Ты только сначала умойся, а потом внимательно прочитай. Может, настроение поднимется.

– Хорошо.

Поднявшись по крутому трапу на палубу командного состава, где находился галльон, Данила решил поступить, как и советовал ему Поршневу. Дверь в уборную была открыта и застопорена. Стопоры присутствовали на всех дверях корабля, что позволяло их держать открытыми во время качки, если на то была необходимость. Войдя внутрь, Кравцов прошёл мимо закрытой кабинки и повернул в следующую. Закончив справлять свои естественные надобности, Данила повернул ручку слива и спустил воду. Выйдя из кабинки, он подошёл к одному из расположенных рядом умывальников, открыл кран и начал умывать лицо. Вода была тёплой, учитывая температуру снаружи. При такой температуре воздуха и моря за бортом остудить запасы пресной воды на судне не представлялось возможным.

Выплеснув на лицо очередную порцию воды, Даня посмотрел на своё отражение в зеркале. После сна ему всегда казалось, что те немногие морщины, которые были у него на лбу, как-то слегка разглаживались. Как мужчина он по этому поводу не беспокоился, просто наблюдение, и всё.

А вот что заставило его всерьёз забеспокоиться, так это фантомное видение своей шеи в зеркале. Ему вдруг показалось, будто она покраснела. Совсем немного, едва видимый и расплывчатый след, напоминающий... Что напоминающий?

«Ты сходишь с ума, товарищ старший сержант. Нет здесь никакого Фредди Крюгера, это был всего лишь кошмарный сон. Очень реалистичный и страшный сон. Реалистичный... Сон...» И всё же Данила не спускал глаз со своей шеи. Он не мог понять, что напоминал этот след.

«Ты знаешь что».

В это не хотелось верить, не могли это быть следы от пальцев рук. Никакого следа вообще не может быть, это просто самовнушение. Так он и продолжал стоять, погруженный в свои мысли. Вода из крана медленно стекала в раковину.

От размышлений его оторвало отражение в зеркале. Дверь соседней кабинки открылась, и оттуда появилось лицо вампира. Встряхнув головой, Данила мысленно посмеялся над собой. Это был просто человек.

Но человек этот настораживал. Быстрым и неуклюжим движением из-за двери вышел мужчина. На вид ему было около сорока лет. Кравцов и раньше обращал на него внимание, типом он был довольно странным, по крайней мере со стороны.

Мужчина встал около соседнего умывальника. Покачиваясь из стороны в сторону, левым плечом он ударился о правую руку Данилы. Кравцов взглянул на него. Мужчина, как будто и не заметил, что толкнул рядом стоящего. Быстрым и неуклюжим движением он открыл кран на полную, и вода сильным напором начала стекать в раковину. Прочистив горло, он смачно сплюнул, высморкался и, не поднимая взгляда,

принялся умывать своё лицо. Попахивало от него скверно. Ощущение было такое, что мужик не мылся целую неделю, а то и больше.

Закрыв кран, мужчина начал поворачиваться в сторону выхода, и на миг его взгляд и взгляд Кравцова пересеклись в зеркале. Дане тут же пришло в голову, что лучше бы он этого не видел. Он сразу забыл, о чём думал. Глаза «вонючего» были жуткими на вид. Они были раскрасневшимися, по белкам расплылось множество тонких красных капилляров.

«Взгляд мертвеца, – подумал Даня. – Неудивительно, что ему показалось, будто это вампир».

Все эти мысли пронесли у него в голове за то короткое время, пока «вонючка», неуклюже покачиваясь, отходил от умывальника. После этого он повернул налево и спустился вниз. Каюты младшего состава находились на одном уровне с каютами прикомандированных, только в другом отсеке.

Даня ещё раз посмотрел на своё отражение в зеркале. Внимательно оглядел шею и не увидел никаких следов. Естественно. Иначе быть и не могло. Он закрыл кран и переступил порог на пути в коридор. Схватившись правой рукой за ручку двери, Даня захлопнул её за собой.

Не успел он отпустить дверь, как его чуть не сшибло какое-то тело. Кто-то уткнулся ему в плечо и тут же отшатнулся, встретившись с крупной и твёрдо стоящей преградой. Это была Лена, только другая. Совсем не та милая девушка, с которой он общался неделю назад. То есть это была, ко-

нечно, она, вот только узнать её было сейчас трудно. И дело не в том, что раннее утро. Просто у неё был очень странный внешний вид, если не сказать больше – пугающий. Волосы девушки были растрёпаны после сна, а саму её всю трясло. Глаза у Лены не казались заспанными, они были покрасневшими от слёз. Даня заметил, как из носа вытекают сопли, и она даже не собиралась их вытереть. Зато Лена суетливо пыталась избавиться от слёз и заглушить всхлипы. Вот только получалось у неё это не очень.

Надеты на девушке были майка и лёгкие штаны, похожие на пижамные. Видимо, это была её ночная одежда. Данила почувствовал что-то неприятное. Его не покидало нарастающее беспокойство.

Лена с нескрываемой злостью в глазах посмотрела на морпеха. Она обхватила себя за плечи двумя руками и, опустив голову, пошла напролом, даже не пытаясь обойти Кравцова. Даня поднял руки и попытался остановить её. Он старался сделать это максимально аккуратно, чтобы не причинить девушке вреда.

– Отстаньте от меня все! – закричала она и с силой отпихнула его руки. Он не стал больше препятствовать, а просто посмотрел вслед, пропустив её вперёд. Девушка прошла пару шагов и, достав трясущимися руками ключи из кармана, открыла дверь в женский душ. Войдя в него, она закрылась изнутри. Чувство беспокойства усилилось. Не зря говорили, что она со странностями, подумал Данила.

Обескураженный, он решил подождать, пока девушка выйдет из душа. Стоя в коридоре и оглядываясь по сторонам, Кравцов ещё несколько минут прислушивался к шуму за дверью. Подождав немного, Даня вспомнил про инструкцию на двери в галльюн, о которой совсем забыл в суматохе этой безумной ночи. Обернувшись, он начал читать. Инструкция была напечатана на двух листах формата А4, приклеенных рядом друг с другом, и выглядела следующим образом.

ВНИМАНИЕ!!!

Инструкция

по пользованию помещением с ограниченным доступом типа «СОРТИР 2К»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. Настоящая инструкция разработана с целью урегулирования общественных, социальных, бытовых, трудовых, производственных, экономических и юридических отношений между посетителями данного заведения и персоналом, обслуживающим его.

1.2. Данной инструкцией регламентируются правила пользования и поведения в помещении с ограниченным доступом типа «СОРТИР 2К».

1.3. Допуск в данное помещение разрешён лицам не моложе 18 лет, прошедшим специальное обучение по програм-

мам: «Правила поведения в общественных туалетах»; «Правила пользования общественными туалетами», а также по программе обучения среднеобразовательной школы, колледжей, ПТУ, ВУЗов.

1.4. Допуск лиц, воспитывавшихся в аule более пяти лет, **КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩЁН!**

1.5. Выполнение данной инструкции обязательно для всех лиц, находящихся на судне «МБ-205».

2. ТРЕБОВАНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ВО ВРЕМЯ НАХОЖДЕНИЯ В ПОМЕЩЕНИИ С ОГРАНИЧЕННЫМ ДОСТУПОМ ТИПА «СОРТИР 2К»

- 2.1. В данном помещении категорически запрещается:
- курить;
 - употреблять спиртные напитки;
 - использовать туалетную бумагу плотностью выше 60 г/м²;
 - использовать картон, ткань, наждачное полотно, фольгу;
 - выбрасывать в сбросные отверстия мусор, обёртки от конфет, еду, средства личной гигиены;
 - срать при положении жопы не параллельном сбросному отверстию. При этом будьте внимательны!!! Прежде чем присесть, необходимо отцентровать положение жопы относительно чаши «Генуя»;
 - срать на пол, стены, потолки и двери **категорически**

запрещено!

– размазывать по стенам частицы экскрементов в случае случайного загрязнения ими (экскрементами) рук (пальцев);

– ссать мимо чаши «Генуя», а именно на стены, потолки, палубу, двери также **категорически запрещено!**

3. ТРЕБОВАНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПО ОКОНЧАНИИ ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЯ В ПОМЕЩЕНИИ

«СОРТИР 2К»

3.1. По окончании выполнения индивидуальной миссии в вышеуказанном помещении необходимо оперативно его покинуть. При этом покидать сие помещение нужно с максимальной выкладкой, упорством и самоотдачей. Приложить все усилия, направленные на поддержание чистоты и порядка после себя в кабинках единения с собой, дабы вновь вошедший после тебя ощутил всю силу чистоты, оставленную тобой, и, проникнувшись атмосферой, приступил к выполнению своей собственной миссии.

4. ОСТОРОЖНО!!!

4.1. Во время качки, шторма, плохого самочувствия или элементарной близорукости обратить внимание на специ-

альные ручки, предназначенные для удержания слабо стоящего на ногах тела в вертикальном (сидячем) положении, во избежание падения или осквернения данного помещения продуктами жизнедеятельности.

Несмотря на тяжёлую ночь, кошмары и переживания за Лену, Кравцов смог улыбнуться. Его очень позабавила данная инструкция. Видимо, кто-то нашёл её в интернете и не смог устоять перед соблазном пошутить. Интересно, сколько времени она провисит, прежде чем кто-нибудь из командирского состава её снимет?

Данила посмотрел в сторону двери, ведущей в женский душ. Чувство тревоги вернулось. Уж не удумала ли девица что недоброе с собой сделать? Он слышал, как включалась и выключалась вода. Решив постоять ещё ровно пять минут, Даня задумался о чём-то своём.

Он не понял, сколько прошло времени, но за дверью слышался скрежет щеколды, и она медленно открылась. Из душа неторопливо вышла Лена. Она аккуратно взяла металлический замок, предварительно захлопнув дверь, повесила его на место и, защёлкнув, направилась в сторону Дани.

Он не мог поверить своим глазам. Девушка была насквозь мокрая, поникшая, плечи и голова безвольно опущены вниз. Слез на её глазах не было, и Лена передвигалась, просто перебирая ногами по палубе. При этом её мокрые сланцы громко хлюпали. Сырая одежда облегалась её худое тело, майка воз-

буждающе (другого слова Даня подобрать не смог) обтягивала выпирающие формы. Данилу захватили противоречивые чувства. С одной стороны, он питал жалость к этой маленькой и беззащитной девочке, с другой... Желание. Но не только в привычном смысле. Скорее его одолело неудержимое стремление пожалеть её, обнять, согреть своим теплом и кем бы ни был её обидчик, наказать его самым суровым способом.

Когда девушка подошла чуть ближе, он с трудом смог к ней обратиться, видя её состояние:

– Лена... – Никакой реакции. – Лена, тебе помочь? Что случилось? Если тебя кто-то обидел, скажи мне, я помогу тебе...

– Всё нормально, – она ответила тихим, безжизненным голосом, совершенно убитым и так непохожим на тот полный жизни голосок, который он слышал от неё при проходе Босфора. – Мне не нужна ничья помощь... О себе лучше позаботьтесь...

С этими словами она медленно прошла мимо. Сопроводив её взглядом, Даня убедился, что она зашла к себе в каюту и закрыла дверь. Теперь в нём поселилось ещё одно чувство. Какой-то обиды, что ли. Он хотел, он был готов помочь, но она так грубо ему ответила. Что это за ночь такая, что вообще происходит на этом корабле?

С этими мыслями он спустился к себе в каюту и попытался уснуть. Только уснуть у него в ту ночь не получилось.

Слишком много мыслей и переживаний не давали ему покоя.

5

Следующие несколько дней прошли тихо и без происшествий. Корабль следовал по заданному фарватеру, экипаж и прикомандированные военнослужащие выполняли каждый свои функциональные обязанности. Ничего не предвещало беды.

За эти несколько дней произошёл лишь один разговор, который некоторым образом повлиял на ход событий в дальнейшем. Состоялся он в группе антитеррора.

Как-то вечером морпехи решили отпраздновать день рождения жены Кости Ефимцева. Собственно, никто ничего отмечать не собирался. Костя сам ни с того ни с сего предложил в столовой не ужинать, а принести еду в каюту. На вопросительные взгляды товарищей он пояснил, что у его жены сегодня день рождения и он хочет его отметить. Чисто символически.

Специально на этот случай у него была припасена бутылка «Ай-Петри». О коньяке он благоразумно умалчивал до этого вечера. Парни такой перспективе в целом обрадовались, и почти все решили выпить. Исключение составили только Кравцов и Козлов. Им обоим в ближайшее время предстояло заступать на вахту. Даня даже решил, что пойдёт туда по-

раньше, чтобы поменять Поршнева, который наверняка будет рад хоть как-то украсить вечер. Но чтобы не обидеть Костю, и Козлов, и Кравцов не стали отделяться от остальных. Они тоже забрали ужин в каюту и составили им компанию.

Полулитровая бутылка коньяка закончилась довольно быстро. Три взрослых парня не спеша её опустошили минут за тридцать. И, как это обычно бывает у русских людей – нашлась вторая. И опять у Кости. Её он хотел сберечь до дня рождения дочери, но, поддавшись уговорам товарищей и вняв их совету, решил, что приобретёт что-нибудь для этого в ближайшем порту, в который они зайдут. Теперь, следуя зову сердца, Костя вместе с Вороном и Васей распивали вторую бутылку за его любимую жену.

Наблюдая за происходящим, Данила ещё раз убедился, что не зря отказался пить. Его товарищам было уже довольно весело, в ход пошли колкие шутки и откровенные пьяные разговоры. Но в целом пока всё проходило нормально.

После того как все дружно вышли на перекур, в том числе некурящие Кравцов и Козлов, морпехи ещё больше развеселились, и в пылу хорошего настроения Ворон с улыбкой спросил:

– Даня, я всё забываю спросить, а что там было тогда, ночью? Когда ты кричал во сне.

Кравцов посмотрел на Ворона и на остальных, не успев ничего ответить. Костя тут же добавил:

– Да-да. Что это было? Я думал, мне показалось или при-

снилось.

Кравцов удивлённо посмотрел на них.

– То есть вы всё слышали и никто меня не разбудил? Вообще-то именно об этом я и кричал во сне. Кошмар мне снился, жуткий.

– Я так и думал, – как бы подтверждая свою теорию, проговорил Ворон. – Просто как-то всё сквозь сон было, расплывчато. Да и лень было вставать, если честно. Я думал, ты сам замолчишь. Потом так в принципе и случилось. А может, я просто уснул. Не помню уже.

– Тоже мне товарищи... – с улыбкой проговорил Кравцов. – Я там в этом сне чуть в штаны не наделал.

– Что, вообще сон страшный был? – спросил Володя.

– Нет, только наполовину, – ответил Даня, не сдержав смешка. Остальные рассмеялись и проследовали обратно в каюту. Когда смех наконец стих, Костя спросил:

– А что тебе снилось, Даня?

Кравцов был не из тех людей, кто любит делиться такими снами или откровенными мыслями с кем бы то ни было, но вкратце всё-таки изложил суть истории и ощущение реалистичности происходящего. О последующих после пробуждения событиях он умолчал. После его истории Вася молча налил коньяка в кружки, и Ворон, не дожидаясь другого тоста, громко сказал:

– Ну... За то, чтобы нам снились только сладкие сны.

– Да, – невозмутимо добавил Вася. – Голые тёлки и с боль-

шими титьками.

Пребывая в хорошем настроении, Данила его поправил:

– Да нет, парни, титьки как-то без разницы. Вот попы...

Они важнее на самом деле, – он проговорил это, улыбаясь и символически подняв свою кружку с кофе.

Морпехи переглянулись и дружно выпили залпом свои порции горячительного напитка. Кто закусив, кто запив коньяк компотом, они вновь вернулись к теме разговора:

– В смысле попы? – поинтересовался Ворон.

– Ну в смысле мне у девушек грудь как-то не так важна. Мне нравятся у них попы. Если она, как бы это так сказать, симпатичная, то грудь в принципе дело второстепенное. А вот аккуратные, упругие ягодички – это то, что надо.

– Да нет. Без нормальных титек пофиг на ту жопу, – отмахнулся Ворон. – Я люблю, чтобы было что потрогать.

– У каждого свой вкус, – скромно проговорил Володя Козлов.

– Володя, а ну расскажи, тебе что нравится? – наблюдая исподлобья, поинтересовался Ворон. Лицо было серьёзным, но вопрос он задал с подвохом.

– Откуда ему знать? – как всегда невозмутимо, сказал Вася. – Лет через пять целомудрия лишится, тогда и расскажет.

Вася проговорил это таким будничным тоном, словно излагал простую человеческую истину, вроде: небо голубое и тому подобное.

Все в каюте дружно рассмеялись. Хохот был искренним и

весёлым. Сквозь весь этот шум Володя пытался что-то сказать в своё оправдание, но от его попыток парни только ещё громче начинали хохотать.

Наконец, когда все успокоились, Костя предложил выпить за всех женщин, и, опустошив кружки, они ненадолго замолчали. Посмотрев в лица своих товарищей, Кравцов немного занервничал. Налицо были предпосылки для поиска третьей бутылки, так как вторая уже подходила к концу. Тут неожиданно для всех разговор опять начал Костя. Судя по его виду, он был уже достаточно пьян.

– А меня тоже постоянно один и тот же кошмар преследует. Уже много лет снится. – Он замолчал, и товарищи безмолвно на него посмотрели. Никто не проговорил ни слова.

– Не то чтобы часто, но тем не менее бывает. Мне снится мой старший брат. Он погиб, когда мне было пять лет, а ему семь. – Он вновь замолчал, но никто так и не стал ничего спрашивать. Затем, видимо, полностью погрузившись в воспоминания, Костя принялся рассказывать свою историю:

– В том возрасте мы, как и любые другие дети, любили по лазить по разным интересным местам. Одним из таких мест у нас было заброшенное четырёхэтажное здание. Район, в котором мы тогда жили, находился на окраине города, и ни школы, ни детского сада, ни поликлиники там не было. Приходилось ездить в соседний. Потом школу и детский сад построили, и спустя время началось строительство поликлиники. Но стройка остановилась, когда построили каркас зда-

ния. Строители не успели даже окна вставить. Через некоторое время это место стало любимым для местных бомжей и наркоманов. Постоянно они там не жили, только на время поселялись. Поэтому мы с братом любили в том месте поиграть в догонялки или поискать в мусоре чего интересного. Сами помните то время. Тогда у нас было нормальное детство, не было ни телефонов, ни компьютеров, ни этих крутых приставок, которые сейчас почти в каждом доме. Поэтому детство было весёлое и проходило в основном на свежем воздухе.

– Да, это точно. Сейчас школоту на улицу не выгонишь, а нас раньше было домой не загнать. – Вася опять был невозмутим, вставляя своё мнение. Но в этот раз говорил серьёзно. – У нас любимым местом огромная свалка была, там всегда можно было что-нибудь интересное найти.

Ефимцев посмотрел на Иванова, и в лице его читалась благодарность. Скорее всего Вася придал ему уверенности для своего рассказа. Кроме того, Костя взял кружку и налил в неё. Не предложив остальным, он сказал:

– Извините, пацаны. Я выпью сам. Мне это нужно, чтобы продолжить.

Выпив коньяк, он занюхал его кусочком хлеба, но закусывать не стал. Никто так ничего и не сказал.

– Так вот, однажды летом мы с братом и другими детьми гуляли во дворе наших домов. Все жили в общем-то рядом и быстро собирались в кучу, увидев из окна квартиры, как

только кто-то один появлялся на качелях. Мои родители в то время уже начали доверять старшему брату следить за мной. Не то чтобы очень, но на пару часов отпускали. Его звали Ваней.

В тот день, собравшись во дворе, мы дружно решили пойти в недостройку. Так мы её тогда называли. Придя туда, мы сыграли в считалку, по которой был выбран водящий, и начали играть. Обычно мы ограничивали беготню одним или двумя этажами, но в этот раз решили использовать все четыре. Мой брат тогда не очень хотел бегать по верхним этажам. Он ссылался на то, что я ещё маленький и могу упасть. Я, конечно, запротестовал. Это ведь так свойственно детям. Но вовсе не мой протест стал для него окончательным доводом. Ребята сказали, что если он боится за меня, то и нечего тогда таскать за собой вместе со взрослыми, как они себя называли.

Немного помявшись и поддавшись на мои уговоры, Ваня всё-таки согласился, но сказал, чтобы я от него далеко не убегал. Мы начали игру и очень быстро перебрались на самый интересный четвёртый этаж. Как и обещал, я не убегал далеко от старшего брата. Когда его сделали водящим, я находился ближе всего к нему. Я увидел его радостный взгляд. Он кричал, что сделает теперь водящим именно меня. Я, довольный, побежал от него между комнатами с детскими визгливыми криками, как обычно кричат все дети в пятилетнем возрасте. Я бежал, то и дело оглядываясь. Он, как я это по-

нимаю теперь, спустя годы, нарочно не догонял меня. Брат всего лишь делал вид, что бежит изо всех сил, но на самом деле это было не так. Оглядываясь в прошлое, я до сих пор не могу понять, почему то, что случилось, случилось с ним, а не со мной.

В пятилетнем возрасте я без страха бежал по бетонному полу, не боясь ни высоты, ни незнакомых поворотов и дыр в полу. Я так же, как и остальные, совсем не задумывался о торчащих из стен арматурах. Я вижу сейчас это так же отчётливо, как и тогда. Я бегу, постоянно оборачиваюсь назад. Вижу, как Ваня смеётся и бежит за мной, пытаюсь до меня дотянуться. Он вот-вот меня достанет, и я пытаюсь бежать ещё быстрее. Обернувшись и устремив взгляд вперёд, я увидел впереди яму, вернее, дыру в бетонном полу. Я, не задумываясь, оббежал её и двинулся в проход, который вывел меня на лестничный пролёт. Я проследовал вниз по лестнице, куда спускались остальные мальчишки. Только когда я спустился до третьего этажа, я обнаружил, что Ваня не бежит за мной следом. Остановившись, я думал, что он сейчас резко выскочит из-за угла и дотронется до меня. Но этого не произошло. Я тогда совсем ничего не заподозрил. Я просто стал медленно подниматься наверх, опасаясь, что Ваня вот-вот выскочит с криками и кинется на меня.

Вернувшись обратно на четвёртый этаж, я начал медленно идти по маршруту, которым убегал от брата пару минут назад. И вот я дошёл до той самой дыры в полу. Пока я ак-

куратно обходил её, внутри меня как будто похолодело. Меня посетила страшная мысль: а что если он провалился туда? Но в тот же миг я попытался себя переубедить в этом. Мне вдруг захотелось, чтобы он специально туда спустился. Я решил, что он каким-то образом спрыгнул на третий этаж и подкарауливает меня там. И хотя высота между этажами была довольно приличная, я верил, что мой старший брат найдёт способ это сделать.

Я аккуратно подошёл к краю дырки... То, что я увидел тогда, я и сейчас очень хорошо помню, словно это было только вчера. Эти отверстия в полу имели чёткие края. Уж не знаю, для чего они были предназначены. Может, для проводки труб в дальнейшем или ещё чего-нибудь. Но дыры эти были одинаково вырезаны, что в полу на четвёртом этаже, что на третьем и втором. И вот, глядя через них, я увидел внизу распластавшееся тело брата. Я не уверен, видел ли тогда кровь, но помню, что его поза мне показалась очень странной. И всё равно, хоть я безумно испугался и бежал вниз, рыдая во весь голос и выкрикивая его имя, я продолжал верить, что он просто пытается меня разыграть. Я бежал и надеялся, что когда спущусь вниз, то увижу, как он смеётся надо мной, и буду его безудержно колотить за глупую шутку до тех пор, пока в руках больше не останется сил.

На мой крик уже начали сбегаться другие мальчишки. Всё, что я увидел тогда внизу, я вспомнил только несколько недель спустя. Видимо, всё это время я был в шоке. По край-

ней мере так объяснили врачи моим родителям, хотя, честно говоря, не знаю, кому из нас их помощь тогда была нужнее. Я вспомнил это сразу и очень чётко. Сейчас я ни капли не сомневаюсь в том, как это было и что видел. К тому же это подтвердили некоторые из мальчишек, которые были в тот день свидетелями всех этих событий.

Спустившись на первый этаж, я вошёл в помещение, где должен был находиться Ваня. По всему первому этажу было раскидано много разных бетонных плит. Мы поэтому там иногда в «выше ножки» играли, если вы помните такую игру. Так вот, на одной из таких плит лежало неподвижное, без сомнения мёртвое тело моего старшего брата. На этот раз я был твёрдо убеждён, что он мёртв, хотя был совсем маленьким. И было очень много крови. Я не знаю, от чего именно, но мне тогда показалось, что ею просто всё залито вокруг. Тело моего брата лежало на спине, как это ни странно. Ноги под неестественными углами были вывернуты в разные стороны от плиты. Она была немногим шире худого тельца Вани, и он легко на неё поместился. Но самое страшное было совсем не в этом. Я думаю, что временно потерял память об этих событиях именно тогда, когда увидел то, что торчало из его головы. Точнее, прямо из его глаза.

Парни зачарованно смотрели на Ефимцева. Его рассказ не оставил равнодушным никого из них. Глядя на Костю, ни от кого не укрылось состояние, в котором он пребывал, рассказывая всё это. При воспоминаниях о гибели брата их това-

рищ готов был расплакаться. Тем не менее никто не решался даже дышать громче положенного. А Костя тем временем, собравшись с духом, решил закончить свою историю.

– Из этой плиты торчало множество металлических арматур. Ну, может, вы знаете каких, если когда-то на стройках бывали. Так вот, ни одна арматурина не попала в его тело, понимаете? Ни одна! Он упал чисто случайно, бог знает, как перекрутился при этом, пролетел несколько этажей и оказался лежащим на спине. А воткнулся в него только самый длинный металлический прут. Арматура вошла ему в затылок и вылезла прямо через левый глаз. По ржавой железке медленно стекала густая кровь с примесью, как мне показалось, ещё чего-то серого и густого. Возможно, это были мозги Ваньки. Представляете...

Его голос заметно дрожал. Даня с Козловым, будучи единственными трезвыми в компании, видели это лучше остальных. Кравцов с минуты на минуту ожидал, что Костя заплачет.

– А на кончике арматуры... Прямо на самом её конце... – Костя еле сдерживал слёзы, и голос его не переставал дрожать. – Был его глаз... Маленький, окровавленный шарик был насажен на грёбаную арматуру, на единственную из множества в плите. Представляете?! Как такое возможно? Вы можете в это поверить... – Теперь слеза наконец медленно скатилась по его щеке, и он аккуратно смахнул её рукой. Ему было очень тяжело, но он продолжил: – Я видел его детский,

ни в чём не повинный зелёный глазик, и это было ужасно. Мне показалось, будто он смотрит прямо на меня и обвиняет в том, что произошло. Но не с ненавистью, совсем без злости. Этот взгляд как бы с обидой говорит, что это я виноват во всём. Представляете, что значит в пять лет такое увидеть?..

На этом моменте Костя замолчал. Его влажные глаза глядели перед собой куда-то в пустоту. Парни переглянулись между собой. Каждый был ошеломлён этой историей. Спустя пару минут тишины Костя заговорил вновь:

– Дальше я ничего не помню. Помню только, как проснулся в больнице, а рядом никого не было. Помню, что когда увидел мать, подумал, что она тоже умерла, такой у неё был вид. В итоге ближайшее время смотрел за мной в основном отец. Всё было как во сне тогда. Через некоторое время, уже после похорон, я немного отошёл от шока. Ещё через пару месяцев вспомнил всё, что увидел тогда. Это произошло просто в один из мрачных дней, которые сменялись один за другим после смерти Вани. Случилось это совершенно неожиданно и в мельчайших подробностях, как я вам и рассказал. Не мог я вспомнить только одного, как кричал в тот ужасный день, когда подошёл к Ване. Об этом мне рассказывали его друзья, которые тогда были с нами. Мне пришлось постараться, чтоб вытянуть из них это. И знаете, что самое странное? Все парни, мои родители, в общем все, кто тогда увидел тело моего мёртвого брата, утверждали, что никакого глаза на арматуре не было. Они вралли мне, даже спустя

время. Но я помню это очень хорошо и по сей день. Однажды я слышал от врачей, которые говорили между собой в больнице, что скорее всего он умер ещё в полёте, так как по краям дыры в бетоне на втором этаже нашли остатки крови. Предположительно, ещё пролетая между этажами, он смертельно ударился головой...

В каюте царила необычайная тишина. Чуть погодя Костя закончил:

– Вот с тех пор не очень часто, но я вижу во сне своего мёртвого брата. Он является ко мне, но никогда со мной не разговаривает. Просто смотрит на меня, а я не в силах ничего сделать. И из глаза его всегда торчит ржавая арматура. А иногда, гораздо реже, но всё же бывает, на конце этой арматуры насажен тот самый зелёный глазик, который по утверждению всех, кто это видел, якобы отсутствовал.

Вновь затянулась пауза...

– Охренеть, что за история. Я в просто в шоке, – на полном серьёзе проговорил Ворон, совершенно не склонный к сантиментам.

– Да, – только и смог сказать Вася.

Данила взял бутылку, разлил остатки во все кружки, достал при этом свою и протянул ещё одну Володе. Косте в кружку он налил почти половину, и, не смотря на него, Кравцов проговорил вслух:

– Как только твои родители пережили такое?

– Хм... – Костя хмыкнул с грустной улыбкой на лице. –

Они и не пережили. – Все разом опять посмотрели на него. Не верилось, что у этой жуткой истории было ещё и продолжение.

– Через четыре месяца моя мать приняла лихую порцию каких-то таблеток, которые ей прописали врачи, а может быть, и ещё чего добавила. Я был слишком маленький, чтобы этим интересоваться и тем более понимать. Она так и не смогла смириться с утратой. Не помогло даже то, что у неё остался ещё один маленький сын, которого надо было воспитывать. Так или иначе, когда её тело обнаружил отец и поднял шум, я тоже зашёл в их комнату. И хотя он пытался сделать так, чтобы я её не увидел, от меня всё-таки не скрылось её лицо. Всё, что я помню, как вокруг её рта собралась пена...

После похорон мамы и отец окончательно сломался. Он начал очень много пить и где-то через год погиб в автокатастрофе. Вылетел с дороги на скорости в 120 километров в час и врезался в дерево. Мне до сих пор неизвестно, специально он это сделал или нет. Анализ крови показал, что он был ужасно пьян.

После многочисленных обследований и бесед с психотерапевтами меня забрала к себе бабушка по материнской линии. Именно она меня воспитала, за что я ей очень благодарен. Теперь я вам скажу только одно. Я, если честно, никому не рассказывал эту историю, даже жене своей. Не знаю, почему поведал её вам, наверное, воинское братство действи-

тельно существует и объединяет людей. Я точно знаю одно: если, не дай бог, с моей дочкой что-то случится, то я этого точно не переживу...

Настала затянувшаяся пауза. Парни дружески похлопали Костю по плечу и сочувственно признали, что он правильно сделал, выговорившись. Даня поднял кружку и жестом призвал всех сделать то же самое:

– Давайте, парни, выпьем за тех, кого с нами нет.

Не чокаясь, они осушили кружки, и никто не стал закусывать. После Костя уснул. Даня сменил Дениса на вахте, а парни вновь отправились на перекур. Никому из них алкоголя в тот вечер больше не хотелось.

Стоя на сигнальном мостике, все четыре часа Данила думал о рассказанной Костей истории. Он остался сиротой с малых лет. Как ему это было знакомо. «Надо бы внимательнее присматривать за ним», – пометил себе в голове заместитель командира группы.

Глава 4

Пираты

1

В Красное море они вошли через Суэцкий канал. Такой красоты, как в Босфоре, конечно, не было, но тем не менее внимание экипажа он привлёк необычными песчаными видами, довольно узким участком для прохода кораблей и, несомненно, памятником автомату Калашникова, отчётливо видневшемуся с верхней палубы.

Далее судно проследовало на юг через вытянутое Красное море, и ничего необычного за этот период не произошло. Ближе к выходу из него, около девяти часов вечера Умаров зашёл в каюту к своим подчинённым.

Взаимоотношения в военных коллективах выглядят несколько иначе, чем в некоторых российских и зарубежных фильмах. И уж тем более далеки от пропаганды советского кино, где крайне идеализировано общение между командирами и подчинёнными. Увидев офицера, никто не подскакивает с места и не вытягивается в вертикальном положении как струна. По крайней мере, так происходит в коллективах,

где подчинённым личным составом являются военнослужащие по контракту. С призывниками попроще. Они молоды, неопытны и прибывают в армию всего на один год. Поэтому грош цена тому командиру, который не может поставить перед ними себя неоспоримым авторитетом и добиться выполнения уставных взаимоотношений.

Морпехи молча посмотрели на старшего лейтенанта и продолжили заниматься своими делами. Однако всё-таки в небольшом напряжении. Каждый понимал, что просто так он бы не зашёл.

Умаров осмотрел каюту и подчинённых. Справа от него в одних шортах сидел Костя Ефимцев. Облокотившись спиной на переборку и положив на колени ноутбук, он развлекал себя компьютерной игрой. Судя по напряжённому виду, резкому кляцанью пальцами по клавиатуре и быстрому перемещению мышкой, он как минимум спасал мир в виртуальной реальности. На лице отражались блики от взрывов, а из динамиков компьютера едва слышались выстрелы и чьи-то несчастные, то и дело повторяющиеся голоса.

Сверху в наушниках лежал Поршнев. Умаров знал, что между собой остальные называют его Денчиком. и про себя всегда смеялся над этим. Он вообще старался никому не показывать смех, ведь для всех он – суровый командир. Исключение составляли лишь моменты его жизни, когда он уходил в запой. Умаров никогда не употреблял водку просто так. Он мог ею только злоупотребить. Вот в такие моменты старлей

становился другим человеком. Офицер мог легко сесть пить с подчинёнными в любом звании: хоть с сержантом, хоть с рядовым и до определённого момента делался очень весёлым и разговорчивым. Подпив же ещё немного, Умаров всегда нарывался на неприятности и умудрялся найти проблемы. Он совсем переставал следить за языком, вёл себя надменно и напроць терял контроль над своим поведением.

Если Сергей Сергеевич каким-то образом выпивал со своими, они знали, когда уходить или как его спровадить. Но если Умаров посещал какие-нибудь общественные места, то всегда уходил оттуда с синяками.

Умаров присмотрелся к Денчику. Тот одет был так же, как и Ефимцев, в одни шорты. В каюте было довольно жарко, несмотря на работающий кондиционер, поэтому удивляться их форме одежды не приходилось. На животе у Поршнева стоял ноутбук, а на уши натянуты огромные наушники. Он смотрел в экран и улыбался. Каждые несколько секунд он закатывался громким и глупым смехом.

– Ты заколебал ржать! – Ворон развернулся от переборки, к которой был повернут лицом. На нём были яркие красные трусы, а по волосатой спине и ещё более волосатой груди медленно стекал пот. Взгляд был устремлён вверх, на Дениса, и периодически метался в сторону Умарова. – Будь тише и дай мне поспать.

Только после этих слов, которые Антон проговорил достаточно громко, Денис увидел, что Ворон смотрит на него и

что-то говорит. Он убрал от ушей наушники и вопросительно посмотрел на Ворона.

– Я говорю, тише будь, не один здесь.

– А... Так сразу бы и сказал.

Ворон тут же отвернулся обратно к стенке, словно присутствие командира его совершенно не смущало. Умаров глянул на него, а потом переключился на Поршнева.

– Что смотришь? – спросил он.

– Реальных пацанов. – Он вновь заулыбался. – Тут Колян такое мочит. – И опять сдержанно засмеялся.

Умаров заглянул в экран ноутбука и ничего не сказал. После этого он перевёл взгляд на Иванова, тоже лежащего на верхнем ярусе, только на другой кровати, прямо над Вороном. Вася лежал в той же позиции, что и Поршнев, а на экране своего компьютера раскладывал «Косынку».

– Так, господа, – начал в своей привычной манере Умаров. – Завтра мы проходим какой-то пролив, он из Красного моря нас в Аденский залив выведет.

Денчик тут же отвлёкся от своих дел и перебил Умарова:

– Что за пролив?

Умаров резко повернул к нему голову и испепеляющим взглядом уставился на него. Денчик сразу затих.

– Может, я договорю, можно?

– Да-да. Конечно. Я молчу.

– Спасибо, Поршнев. Я тогда продолжу, с Вашего позволения.

Одно из его любимых обращений к ним было именно «господа». К каждому в отдельности он обращался исключительно по фамилии. В большинстве из этих случаев на «вы». «Вы, товарищ сержант, занимаете позицию там-то. Вы, товарищ матрос, бежите туда-то». Кого-то это нервировало, кого-то забавляло, но большинство уже не обращало никакого внимания. Просто привыкли.

– Не помню, как он там называется. То ли Бао-Бабский, то ли Баб-Эльфийский, что-то вроде этого в общем.

– Баб-эль-Мандебский пролив, – промямлил снизу Костя.

– Да, что-то такое. Он выведет нас в Аденский залив. Там широко, группу просто на проход узкости не поднимают. Но именно там, как говорят, как раз полным-полно всяких непонятных лодок. Поэтому если подорвут, то, значит, на горизонте кто-то появился. Будьте к этому готовы.

– А во сколько мы начинаем его проходить, товарищ старший лейтенант? – Ворон уже развернулся и слушал разговор. Он был единственным контрактником из группы, кто служил с Умаровым в одной роте. Остальным повезло больше, и они проходили службу в других подразделениях батальона. Именно поэтому он привык к нему больше других и всегда обращался к нему по уставу, зачастую делая акцент на произношении трёх заветных слов в начале обращения.

– Точно не знаю, но утром. Скорее всего после восьми часов, может, часов в девять. Я не говорю экипироваться и сидеть ждать тревоги. Вахта у нас всё равно стоит, но вы долж-

ны быстро подорваться, получить всё необходимое и выбежать побыстрее.

– Ого!!! – Денчик радостно улыбался. – А что, нам, может, и пострелять придётся? А куда, прямо в лодки стрелять? Что-то я очкую...

– Да не очкуй, Славик, я сто раз так делал. – Прочитывая известных персонажей из «Нашей Раши» Ворон тоже засмеялся вместе с Поршневым.

Умаров посмотрел на них взглядом, выразившим что-то вроде «тупые кретины, кто выпустил вас из детсада?» и проговорил:

– Нет, я думаю, до стрельбы не дойдёт. Но если надо будет, огонь открывать только по моей команде. Мы это уже обсуждали. Козлову я уже всё довёл, а вы Кравцову передайте.

Парни лежали и внимательно слушали командира. Внешне они старались не показывать своё беспокойство, но стрелять по живым целям никому из них не приходилось. Поэтому наедине с мыслями каждый по-своему переживал такие мероприятия.

– Тот, кто в это время на вахте будет, будьте особенно внимательны. О любой лодке, которая появится на горизонте, сразу докладывать на ГКП.

Костя отложил в сторону ноутбук, вытащил голову из-под верхнего яруса и, глядя снизу вверх на Умарова, спросил неуверенным, так свойственным ему голосом:

– Товарищ старший лейтенант, а если, например, кто-то

из нас будет стоять на вахте и лодки подойдут уже близко. Остальные по тревоге ещё не выбегут, а капитан вдруг скажет стрелять. Что делать тогда?

Умаров пристально посмотрел на Костю. По инструкции капитан должен давать команду на огонь только Умарову, а он, в свою очередь, подчинённым, которые не имеют права стрелять по команде другого лица, даже капитана. Морпехи могут открыть огонь самостоятельно, но только в случае явного нападения на охраняемый корабль. Умаров не раз и сам задумывался о подобных ситуациях и для себя решил в итоге, что будет действовать по обстановке.

– Действовать будем по обстановке. Если видите, что катер или лодка целенаправленно идёт на нас, то да, пожалуй, всё-таки придётся стрелять. Или если, не дай бог, оттуда начнут по нам палить. Вот тогда однозначно открывайте огонь. Но лучше постарайтесь дотянуть до момента, когда я выбегу. Место моё знаете, на ГКП, и голосом могу легко докричаться до любого. Мне для этого радиостанция не нужна. Кстати, Поршневу, радейки заряжены?

– Да, только вчера проверял.

– Понятно, – не отвлекаясь от «косынки», сказал Вася, который вообще до этого в разговор не вступал. Создавалось ощущение, что он говорит это Денису, а не подытоживает указания командира. – Ну воевать, так воевать. Главное, чтобы кто-то себя не подстрелил или друг друга.

Умаров посмотрел на подчинённого.

Вася Иванов в жизни любил только три вещи – пить-курить (для него было едино), морскую пехоту и играть в футбол. Поэтому сейчас его худое лицо с большим носом, худощавым телом и тонкими жилистыми руками резко контрастировало с широкими мускулистыми бёдрами и объёмными икрами, до самых лодыжек покрытыми венами. Вася в жизни любил только три вещи, но все они меркли, когда дело касалось его винтовки. Её он любил больше самой жизни и нисколько не скрывал этого.

Символично названная древнеславянским именем Радимира, СВД-С Иванова постоянно была с ним. Он ухаживал за ней лучше, чем за девушкой. Средств в неё вкладывал гораздо больше, чем был способен сделать это для противоположного пола. Свою винтовку он постоянно перекрашивал в зависимости от времени года и окраски окружающей растительности. Когда расцветка, по его разумению, становилась неуместной, он смешивал специальные растворы, очищал её и перекрашивал заново. Иванов постоянно обматывал винтовку различными маскировочными тканями, экспериментировал с прицелами. Заказывал их в интернете и военторгах, покупал, перепродавал, копил на новые и снова пробовал.

Служа командиром отделения снайперов в роте морской пехоты, он сам просился заступить в наряд, когда в его голове, полной бурных фантазий, рождалась новая идея, что

и как модернизировать в своём оружии. Ночью он залазил в оружейку и принимался за дело. Однажды он облепил винтовку кусками пенопласта, вырезанного под камни, раскрасил и во время огневой подготовки на полигоне просто положил на открытую землю, лишь слегка подложив рядом камней. Целый день она пролежал там, но никто так и не обратил внимания на ствол, находясь в непосредственной близости от него. Вася ещё месяц ходил довольный, наполненный чувством невероятного удовлетворения.

Иванов был лучшим снайпером в бригаде. Постоянно принимал участие в окружных и флотских соревнованиях по стрельбе и всегда занимал там призовые места. Ему не раз пытались доказать, что СВД – это плохая снайперская винтовка. Но все доводы оппонентов он разбивал в пух и прах. Любимым способом для этого у него была, конечно, стрельба. Он попадал в десятирублёвую монету с первого раза на ста метрах, с первого раза на двухстах метрах и максимум со второго раза на трёхстах. Прodelывал это за очень короткий промежуток времени, пользуясь штатным прицелом ПСО-1, который в отличие от СВД, по его мнению, был как раз таки плохим. После снайпер в своей манере невозмутимо просил проверить результат. Многие пытались спорить. Офицеры, незнакомые с ним, лично ходили ставить эти монеты, а потом лично убеждались в его профессионализме. Едва увидев монеты, в которые не просто попадал Иванов, а делал отверстие чуть ли не посередине, споры прекращались, и на смену

им приходило уважение.

К врождённому таланту Вася обладал ещё и сумасшедшей любовью к снайперскому делу. Стрелял при этом хорошо не только с СВД, но и с других видов оружия. Ему неоднократно приходилось лежать в кустах на полигоне и стрелять по мишеням с Винтореза, когда в часть приезжали важные проверяющие и инспектирующие представители Министерства обороны. Когда проверку по боевой подготовке сдавало подразделение, по мнению командования бригады, к ней не готовое, Васю просили лечь в поле и бесшумно поражать мишени, в то время как военнослужащие выполняли упражнение. Он ни разу не подвёл.

Его дважды звали в силы специальных операций, и он дважды отказывался. Он находился на личном контроле представителей ФСБ и, зная об этом, совершенно не переживал. Он мечтал воевать, но войны не искал, ждал, когда война сама найдёт его. Он не хотел менять чёрный берет ни на что другое и продолжал служить. Ему прощали редкие нарушения дисциплины и часто дававшие о себе знать вредные привычки. Таким вот был сержант Вася Иванов.

Сейчас он, конечно, шутил, но говорил это с таким спокойным видом, что все в каюте невольно улыбнулись, даже Умаров.

– Да, не забываем про требования безопасности. А то мало ли, ещё покалечитесь вдруг. В общем, по завтрашнему

дню всё понятно?

– Так точно, – громко ответил Ворон.

Умаров оглядел каждого из группы. Их лица «тупых креатинов, кем-то выпущенных из детсада» сменились вполне понимающими взрослыми взглядами. Это вполне удовлетворило командира группы, и он молча покинул каюту.

2

– Слышите, вы представляете, завтра что-то будет... – Денис проговорил это, постепенно повышая тональность голоса и делая его писклявым. Он перелёг головой на другую сторону кровати, развернулся и улёгся на живот. Подложив руку под подушку, посмотрел на Ворона и Васю и обращался к ним.

Ворон, поняв, что поспать ему всё равно пока не дадут, уселся на кровати и, глядя вверх на Поршнева, ответил:

– А мне кажется, что ничего не будет. Фигня это всё. Какие там могут быть пираты? Так, пугают просто, для профилактики.

Денис задумчиво смотрел на него.

– Ну не знаю. Помнишь, в самом начале боевой корабелья говорили, что в прошлый раз морпехи стреляли? Они же просто так рассказывать это не будут.

– Ну так-то да, – ответил Ворон с сомнением. – Но мне просто кажется, что с нами интересного ничего не произой-

дёт. Так и будем тухнуть здесь все эти месяцы в этой грёбаной жаре.

– Да, жара капец, не зря я свою девочку в серый цвет перекрасил. А то бы она мне дала прикурить при такой жаре. – Вася был, как всегда, спокоен и этим заставил всех рассмеяться. – Главное, и это, поверьте, действительно главное, чтобы на вахте завтра в это время не Володя стоял. А то беда, нас от «Чёрной жемчужины» уже ничто не спасёт.

– О! – Ворон посмотрел на окружающих. – А кто завтра стоять будет?

– Я стою, – без эмоций ответил Денис.

– Ну всё... – теперь Вася говорил с наигранным огорчением. – С этим вахтёром Джек Воробей нас и без «Жемчужины» сделает. Думаю, если Денчик будет на вахте, то пираты справятся даже на той лодке, что у Воробья в первой части фильма была, когда он к берегу подошёл, а она потонула.

Все вновь засмеялись, в том числе и Денчик. Над ним много подшучивали, но совсем не так, как над Володей. Просто любили посмеяться. Он был молодой и относился к людям, которые любят погулять по ночным клубам, поснимать девочек, веселиться и развлекаться круглосуточно. Человек он был общительный и находил общий язык практически со всеми. Особенно это удавалось ему с противоположным полом. В общем, необидчивый был парень.

– Да не-е-е... Нормально всё будет. Поверьте мне, от младшего сержанта Поршнева ещё никто не уходил. – Дого-

ворив, сам он засмеялся и ожидал той же реакции от остальных. Но кроме него, никто даже не улыбнулся, а наоборот, посмотрели на него суровым взглядом.

После пятисекундной тишины в каюте раздался дружный хохот. Все переглядывались друг с другом и дико ржали, показывая на него пальцем. Денчик с недоумением смотрел на товарищей и, казалось, ничего не понимал.

– Смейтесь, смейтесь... Только жопы ваши завтра я буду прикрывать. А вам меньше двух минут, чтобы выбежать. И не забудьте мой гранатомёт прихватить.

– Насчёт гранатомёта, кстати, ты сходи к Володе и напомни ему. А то он затупит и не вынесет его.

Денчик посмотрел на Васю, давшего дельный совет.

– О-о-о... – ехидно протянул он. – Неужели хоть какая-то умная мысль была произнесена твоим вонючим ртом...

Ворон с Костей после этих слов переглянулись и засмеялись. Вася посмотрел на Денчика, убрал с живота ноутбук и отложил его в сторону.

– Что ты сказал? Ну всё, тебе конец!

Денчик взял подушку и прижал её к животу. Повернувшись спиной к стенке, он как можно ближе прижался к ней.

– Да ладно, Вася! Ты же знаешь, что я пошутил.

Вася спрыгнул с верхнего яруса и подошёл вплотную к Поршневу. Левой рукой он не давал ему защищаться, а правой пытался прицелиться и ударить в плечо. Денчик, Ворон и Костя смеялись.

– У кого, ты там сказал, вонючий рот? – Он ударил Дениса в плечо, но удар прошёл вскользь.

– Да это я про Козлова говорил, не про тебя! – оправдывался Поршнев.

Неожиданно по двери в каюту кто-то дважды сильно ударил, и она открылась. Все морпехи замерли и уставились на человека, распахнувшего дверь. Это был седовласый старик, один из прикомандированных водолазов.

– Мужики, можно быть тише? Время уже позднее, тут людям отдохнуть хочется, имейте совесть.

Денчик вынырнул лицом из-за угла кровати и проговорил виноватым тоном:

– Хорошо, извините. Мы что-то просто забылись.

Старик захлопнул дверь и вышел. Вася отпустил Поршнева, посмотрел на Антона и проговорил:

– Ворон, пойдём покурим.

– Пойдём, – ответил тот и накинул футболку с шортами.

После того как они вышли, Денис пару минут поразмышлял, лёжа на кровати, а затем, накинув тельняшку, тоже вышел из каюты.

3

Выйдя на ют, Поршнев немного постоял около стола, за которым сидели Ворон с Васей, а также курили пара моряков. Перекинувшись с ними несколькими словами, он отпра-

вился наверх. Поднимаясь по трапам, он обратил внимание, что судно почти не качает. Погода стояла тихая, и море было спокойное. Такая погода Дениса вполне устраивала.

Достигнув сигнального мостика, он увидел Кравцова. На нём были штаны, военные кроссовки и не было тельняшки. В темноте, под освещением звёзд и блестя от пота, Данила стоял перед «рыбиной» возле лафетного ствола и, не обращая внимания на Дениса, бешено разбирал автомат, лежащий на расстеленном каремате. Характерные металлические щелчки и его учащённое дыхание были отчётливо слышны на мостике. С лееров рядом свисал бронежилет с закреплённым на нём кевларовым шлемом. Как только Кравцов закончил, он схватил что-то в темноте и раздался едва слышный звук. Секундомер.

– Сколько? – поинтересовался Поршневу.

Данила только теперь увидел неожиданного гостя и посмотрел в его сторону.

– Десять секунд.

– Отлично, даже для дня.

– Да, но я никак не могу улучшить. Десять, и точка.

– А сборка?

– Ещё хуже. Всего пятнадцать.

– Тебя это не устраивает? Для темноты отличный результат.

– Хочется быстрее.

– Никак не угомонишься? Надо бы как-нибудь нам посо-

ревноваться. Возможно, конкуренция поможет? – с улыбкой спросил Денис.

– Может. Вот только ты мне не конкурент.

Они рассмеялись.

– Ты, как всегда, в своём репертуаре...

Стоя на вахте, не было необходимости всё обмундирование одевать на себя. К счастью военных, в море они были предоставлены сами себе и не приходилось опасаться, что придёт нудный проверяющий и объявит выговор за такой внешний вид на посту. Умаров не был против, что подчинённые снимали обмундирование, неся службу, потому что прекрасно понимал: стоять на горячем железе в сорокаградусную жару в полной экипировке практически самоубийственно. К тому же на сигнальном мостике не было места, где была бы хоть какая-нибудь тень. Днём морпехам приходилось находиться на палящем солнце по четыре часа.

Несмотря на всё это, и днём, и ночью к несению службы все подходили ответственно. В случае необходимости быстро накидывали средства бронезащиты, брали автомат и готовы были отражать нападение. На посту никто не спал. К этому делу подходили серьёзно, и на то было целых три причины.

Во-первых, личная сознательность каждого военнослужащего. Истории о захваченных сомалийскими пиратами кораблях слышали все без исключений, и едва ли кому-то из морских пехотинцев хотелось опозориться на весь мир или

на всю страну, не говоря уже о своей части, славившейся немалыми заслугами за свою сорокалетнюю историю. Каждый понимал, что вовремя не увидев цель, можно легко оказаться в плену. И если это произойдёт, никто не смог бы простить себе такую оплошность.

Во-вторых, товарищ Умаров – командир группы. Он периодически проверял несение службы своими подчинёнными, и если бы застиг кого-то из них там спящим, они не избежали бы серьёзного скандала. Кроме того, все также понимали, что товарищи в таком случае за них не заступятся, потому что в данных обстоятельствах офицер был бы, несомненно, прав. Друзья однозначно осудили бы такой проступок. В общем, проверять реакцию Умарова и остальных ни у кого не возникало желания, да и времени для отдыха было предостаточно, чтобы выспаться.

И третья, последняя причина заключалась в Кравцове. Заснуть на посту и попасться спящим Даниле, пожалуй, было хуже всего. Он откровенно презирал тех, кто мог недобросовестно исполнять обязанности, стоя на посту. Его отношение к таким было крайне жёстким. Он легко мог словесно унижить такого товарища в любой компании, что при командирах и подчинённых, что при гражданских. Даня сам как-то признался, что это неправильно, но он просто не может поступить иначе.

– Понимаете, я когда вижу спящего на посту, меня словно накрывает. – Он говорил об этом ещё в самом начале коман-

дировки, как только они вышли в море. – Мой мозг просто не в силах понять, как это возможно. Я честно скажу, парни, что не знаю, откуда это взялось. Может, ещё со «срочки» меня приучили, может, просто сознательность такая. Но, пацаны, я вам сейчас по-нормальному говорю, не вздумайте там уснуть. Поругаемся очень сильно.

Денчик, улыбаясь, посмотрел на него и с видом, не воспринимавшим его всерьёз, сказал тогда:

– И что ты сделаешь?

– А ты хочешь проверить? – злобно ответил Кравцов, он начинал заводиться только от этой глупой улыбки Поршнева. – Конкретно для тебя я не поленюсь, спущусь вниз, принесу ведро воды и вылью её на твою тупую физиономию. Что ты так смотришь? Хочешь проверить?

Денчик удивлённо смотрел на своего друга. Он не мог понять, что его так завело.

– Ну ты что за тип... – только и сказал он.

Остальные промолчали, но каждый принял к сведению. Они это, конечно, не обсуждали между собой, но связываться с Данилой никому не хотелось. Он был крупнее каждого из них, и проверять силы в честной схватке никому не хотелось.

Обтеревшись тельником, Данила засунул секундомер в карман, отложил собранный автомат в сторону и обратился к Денису:

– Пекло жуткое, никак не могу привыкнуть к такой влаге.

Даже ночью не лучше.

– И не говори. Хорошо хоть в каюте кондиционер работает.

– Да. – Данила немного подумал, а потом добавил: – Ден, принеси по-братски кофе. Просто жуть как хочется. Я сегодня только утром пил, а мне ещё два часа стоять тут.

Денис посмотрел на него, но ничего не сказал. Спускаясь обратно по трапу, он спросил, где его кружка, сколько кофе и сахара закинуть.

– Две с половиной и того и другого. Кружка должна быть на полке, над кроватью.

Денис отправился вниз, а Даня остался стоять на мостике, глядя на водную гладь, отражавшую лунный свет. Как хорошо, что Денис пришёл. Кофе выпить хотелось безумно. Он редко употреблял его по вечерам, но сегодня тот самый редкий вечер, похоже, наступил. Ничего, кружка «Чёрной карты» совсем не повредит. Данила не переживал, что озадачил Поршнева. Он знал, что если бы был на его месте, то, несомненно, выполнил бы аналогичную просьбу.

Спустя десять минут Денис вернулся на мостик. Стоя внизу, он попросил Даню взять одну из двух кружек, которые он держал в руках. Кравцов протянул руку, взял свою и сел на «рыбину». Поршневу аккуратно поднялся, встал напротив друга с кружкой в руке.

– Что, тоже решил кофейку выпить? – спросил Даня, решив таким образом начать разговор.

– Да, всё равно не усну. – Он аккуратно сделал небольшой глоток. – Умаров заходил.

Даня посмотрел на Дениса. В темноте этого не было видно.

– И что говорит?

– Говорит, что член сладкий! – без промедления ответив этой фразой, Поршневу принялся громко смеяться. Даня не удержался и начал смеяться вместе с ним. Когда смех прошёл, он сказал:

– А ты спросил, каким образом он это выяснил?

– Нет, что-то я постеснялся. – И они опять засмеялись, только уже не так громко.

Кравцов, так и держа кружку с кофе в руке, продолжил:

– Так, ладно, а если серьёзно? Что ему надо было? Ко мне он не заходил.

– Он сказал, чтобы мы тебе передали. Завтра пролив какой-то будем проходить...

– Баб-эль-Мандебский, который из Красного моря в Аденский залив нас выведет.

– Да, именно так. Так вот, он сказал, что пираты могут напасть. Чтобы готовы были, сказал.

– А что, реально, думаешь, напасть могут?

– Ну я с корабелями общался, они на полном серьёзе говорят, что да. Говорят, в прошлый раз наши отстреливались.

– Интересно... И что, прямо по ним стрелять или рядом?

Поршневу посмотрел на друга, немного помолчал и отве-

тил:

– А вот этого, кстати, Умаров так и не сказал. Мы его спросили, а он как-то ушёл от ответа или забыл просто.

– Понятно. Что ещё?

– Ничего. Он сказал, пролив не узкий, то есть просто так выбегать не будем, только если лодки будут на нас переть. Тогда тревогу дадут. Ещё говорит, экипироваться заранее не надо, но по тревоге выбежать надо быстро. Начнём проходить пролив около девяти утра.

Кравцов сделал глоток кофе и призадумался. Немного поразмыслив, он проговорил:

– Надо Володю предупредить.

– Умаров сказал, что сам ему скажет. Но я всё равно зашёл и предупредил его.

– А, ну тогда хорошо. На вахте ведь ты в это время стоять будешь?

– Да, – с довольным видом ответил Денис. – Вообще «огонь».

– Ты пацанам напомни, чтобы они твой гранатомёт взяли и выстрелы.

– Уже напомнил. Его Володя вытащит. Как только Ворон сюда поднимется, чтобы меня поменять, я спущусь вниз и Володя его мне передаст.

Кравцов вопросительно посмотрел на Дениса. Глаза обоих уже привыкли к темноте, и Поршневу разглядел его взгляд.

– Знаю, знаю. Но будем надеется, что у него всё получится

и он его в море не выронит.

Каждый военнослужащий в группе должен был заступать на вахту со своим штатным оружием, то есть с тем оружием, которое за ними закрепили перед отъездом. А это соответственно у гранатомётчика – РПГ-7 и АКС-74У, у пулемётчика – ПКП, у снайпера – СВД-С, у остальных – автоматы АК-74М. Перед заступлением на вахту морпехи должны были заходить в арсенал и получать у командира группы своё оружие и боеприпасы. Сменившись с поста, оружие соответственно должно сдаваться обратно.

На практике этот процесс довольно затяжной и нудный. Очередной заступающий на вахту должен зайти в оружейную комнату вместе с Умаровым. После этого получить под роспись оружие, которое закреплено за ним в военном билете и ведомости закрепления, а также необходимый боекомплект.

Затем они вместе должны подняться на сигнальный мостик, где командир группы произведёт смену. При этом он должен проверить оружие сдавшего пост на разряженность и вместе с ним спуститься обратно в арсенал, где самолично обязан положить оружие и боеприпасы в ящики и опечатать. И так каждые четыре часа, днём и ночью, в течение нескольких месяцев, пока не закончится командировка.

Чтобы не осложнять никому жизнь, парни договорились с Умаровым и просто передавали один и тот же автомат друг другу по вахте вместе с боеприпасами, предварительно проверив наличие в каждом магазине патронов и разряженность

оружия. Всё это они проделывали самостоятельно. В этом плане был плюс в том, что все имели опыт военной службы.

Таким образом, если на вахте стоял пулемётчик, например Ворон, то по тревоге его пулемёт хватал тот, чей автомат был на посту, и они обменивались оружием на сигнальном мостике. После этого парни благополучно занимали свои позиции.

Естественно, документально всё проводилось как положено. После тревоги каждый расписывался за своё штатное оружие в разделе выдачи по тревоге в книге выдачи оружия и боеприпасов, и любой проверяющий документы не смог бы выявить никаких нарушений.

Умаров противился этому только первую неделю. Когда понял, что изведёт сам себя постоянными сменами, всё-таки смирился.

– Так, ладно, с этим мы разобрались. Теперь расскажи про кошмар, который тебе недавно снился. Когда я разбудил тебя. Помнишь? – Денис уже слышал эту историю, но он знал Кравцова. В компании тот рассказал не всё.

– Такое не забудешь, – задумчиво ответил Даня.

– Ну и-и-и?

– Короче... Ночь тогда вообще странная была...

Даня пересказал все события той ночи, начиная с реалистичного кошмара, в котором его пыталось удушить нечто в чёрном балахоне, и заканчивая Леной, сначала налетевшей на него, а потом вошедшей в душ и принявшей его прямо

в одежде. Умолчал он лишь про следы на шее, которые ему тогда показались в отражении в зеркале.

Поршнев слушал его с серьёзным видом и ни разу не перебил, за исключением одного момента, когда решил уточнить, был ли на Лене под сырой майкой бюстгальтер.

– Какое это имеет значение, кретин? Ты понимаешь, что что-то серьёзное должно было довести её до такого состояния... Помолчав пару секунд, он добавил: – Ну так-то лифчика на ней не было. – Они оба негромко засмеялись.

– Ага... Так всё-таки углядел.

– Да я ненамеренно, как-то само получилось увидеть, случайно, – оправдывался Даня.

– Ладно-ладно. Рассказывай мне тут. Да ты запал на неё, по-любому!

После он рассказал, как она ушла и больше с ним ни разу не заговорила за все эти дни. Выслушав рассказ Кравцова, Денчик достал сигарету и закурил. Кофе он ещё не допил и держал кружку в левой руке. После недолгих раздумий он спросил Даню:

– И ты говоришь, тебе этот сон не первый раз снился?

– Да, – ответил тот. – Не помню, чтобы он мне на гражданке снился, но в армии за шесть лет уже раз пять, наверное. Вот только настолько реалистично это было впервые.

– А какая-нибудь закономерность есть? Ты не замечал?

Даня призадумался. Он и сам об этом размышлял, но к однозначному выводу так и не пришёл.

– Ну если и есть закономерность, то насколько я помню, сон этот мне постоянно снился в командировках. Вроде. Да и то только тогда, когда я реально сильно уставший был. Когда недосыпание накладывалось изо дня в день, ночи бессонные. Вот это мне и непонятно. Здесь я вроде и не уставший вовсе.

– Да, – согласился Поршневу, – мутноватая история, но не волнуйся. Это всего лишь сон, я так считаю.

Денис действительно так считал, но о том, что почувствовал тогда странный запах в каюте, промолчал. Не захотел говорить и о том, какие слова и каким голосом произнёс Данила, когда Денис его будил.

– Да, всего лишь сон, – тихо, как будто сам себе ответил Даня, раздумывая о еле заметных красных следах на шее (в виде пальцев), которых не могло быть, но которые он как будто бы видел тогда.

Они молча постояли ещё несколько минут, размышляя над всей этой историей. Снизу послышался скрип металлической двери. Посмотрев вниз, Поршневу увидел вахтенного помощника, вышедшего с ГКП. Поздоровался с ним и спросил, нет ли кораблей на радаре поблизости. Получив отрицательный ответ и вновь посмотрев на Даню, Поршневу не выдержал и спросил:

– А ты её по имени назвал?

Не успев отойти от своих дум и не сразу поняв вопрос, Даня спросил в ответ:

– Что? Кого назвал?

– Ну Лену? Ты сказал, что обратился к ней по имени.

Даня опять задумался. На этот раз он размышлял, что стоит говорить Денису, а что нет. Кравцов хорошо знал его. Несмотря на то что Поршневу был невысокого роста, он был крепко сложен и пользовался успехом у противоположного пола. Денис, в отличие от самого Данилы, всегда знал, как себя вести и что сказать девушкам. По признанию Кравцова самому себе, делал он это мастерски. Правда, Данила никогда не понимал, что девушки в нём находят. Но ведь что-то находили. Он не раз лично был свидетелем, как тот в течение пяти минут заполучал номер мобильного совершенно незнакомой дамы. Сейчас он не знал, что рассказать про Лену, а чего не стоит. Запутавшись в чувствах, он то ли боялся ему говорить всю правду, то ли ещё что.

В итоге он решил рассказать про их беседу в Босфоре.

– Да, по имени я к ней обратился. Просто мы как-то с ней знакомились...

– Что? Как? Когда? – Поршневу не дал ему договорить. – Только не говори, что она тебе его сама назвала. Потому что если это так, то я ничего уже не понимаю. Знаешь, сколько раз я пытался к ней подкатить, а она даже не заговорила со мной? Меня это вообще бесит. Я не привык к такому. Тёлки мне обычно не отказывают, ты сам знаешь.

– Не называй её так, – проговорив эти слова, Даня тут же пожалел об этом. Не хватало ещё, чтобы Денис решил, что она ему небезразлична. Чтобы попытаться скрыть, что про-

говорил всерьёз, Даня засмеялся.

– О-о-о... Вы посмотрите на него. С чего это вдруг такая нежность? Даня, что-то мне это все не нравится.

Кравцов быстро сориентировался в ситуации и решил перевести разговор в нужном ему направлении:

– Да я так, прикалываюсь. Короче, дело было так...

Он вкратце рассказал про их знакомство, фотографии и прочее, забыв при этом упомянуть чувства (неизвестные ему до этого), которые он тогда испытал. Поршневу слушал Даню с любопытством, постоянно что-нибудь у него уточняя. После окончания рассказа он сразу сказал другу:

– Ты на неё запал.

– Что? – возмутился Даня. – Я? На повариху? Красивую девчонку среди кучи мужиков? Да никогда. Она по-любому мутная какая-то. Может, она просто не показала ещё свою настоящую сущность.

– Ой, да иди это вон Володе Козлову расскажи, меня ты не обманешь, я же вижу. Ну это и неудивительно. Вот только не пойму, почему она так себя вела с тобой. Я наблюдаю за ней и слушаю разговоры экипажа между собой. Все как один говорят, что она какая-то странная, нелюдимая. Даже поварихи старые, и те не очень с ней общаются. Судя по тому, что они говорят, разговоры у них с ней только по работе.

– А ты что, общался с поварихами? – с улыбкой спросил Данила, слишком хорошо он его знал.

– Да. А что? Там Оля нормальная тётка.

– Это та, что помоложе?

– Нет, это та, что вечно с перегаром ходит. – Он засмеялся, и Дания поддержал его в этом.

– Я так понимаю, что ты единственный на корабле человек, к которому единственная на всём Черноморском флоте красивая и молодая девушка-повариха сама подошла познакомиться. – Денис это не спросил, скорее сделал такой вывод.

– Нет. Она подошла не познакомиться, а попросила её сфотографировать.

– Но-о-о-о-о-о... Подошла именно к тебе. И в конечном счёте вы познакомились.

– Ну, так-то да.

Денис наигранно вздохнул.

– Что за несправедливость? Это я должен был там стоять по тревоге. Я бы уже давно с ней тогда замутил. Вот бы четыре месяца нормально прошли.

Данила серьёзно посмотрел на друга. В нём боролись два человека: один воспринимал всё как прикольные истории, а другой был не на шутку обеспокоен. И беспокоится на самом деле есть о чём. Её поведение было очень странным в ту ночь. Она была так непохожа на ту очаровательную скромную девушку, которая с очевидной неловкостью обратилась к нему с просьбой сфотографировать её. Видимо, Поршневу разглядел его серьёзный вид и тоже перестал улыбаться. Серьёзно глядя на Данилу, он сказал:

– Да, это действительно как-то странно. Почему она ночью накинулась на тебя, зачем искупалась в одежде? Что на неё нашло? После этого ты к ней не подходил?

– Нет. Ты же знаешь, я с незнакомыми девушками не очень. Так, один раз с ней поздоровался, но она мне ничего не ответила.

– Не очень? Что-то я в клубах за тобой этого «не очень» не замечал!

– То было в клубах. Там атмосфера другая... Да и девушки тоже.

– Девушки везде одинаковые. К ним просто подход правильный нужный. Но речь не об этом. Даня, а тебе не приходило в голову, что, может, её здесь мужики достают. Старые вряд ли, но молодых ведь тоже хватает. Может, в ту ночь алкаш какой до неё докопался?

Кравцов задумался. Он тоже об этом размышлял, но всё-таки решил пока исключить эту версию.

– Да вряд ли. Я думаю, она уже пожаловалась бы кому-нибудь. Например, капитану. Или тёткам своим хотя бы.

– Ай, да ладно! Ты что, баб не знаешь? Они сегодня улыбаются друг другу, а завтра с радостью свечку подержат, пока их подругу насиловать будут. Причём сделают это с таким сочувствующим видом...

– Может, ты и прав, – задумчиво проговорил Даня. – Да ещё этот говнюк с красными глазами не даёт мне покоя. Тоже откуда-то нарисовался в ту ночь, и ведь всё произошло в

одно и то же время.

– Да, этот говнюк, как ты говоришь, и правда тот ещё тип. Он из мотористов, как ни увижу его, вечно глаза красные и разит от него так, словно говном пропитался.

– ГОВНОМОТОРИСТ.

– Да, – засмеялся Поршнев. – Это ты верно придумал.

– Знаешь, Ден, что я думаю? Я думаю, завтра я к ней подойду и поговорю. По крайней мере попытаюсь. Вдруг её правда кто достаёт.

– Подойди, пожалуй, это будет правильно.

Они молча посидели в течение нескольких минут, допивая остатки остывшего кофе. Каждый прокручивал в голове обе истории. Даня размышлял о предстоящем разговоре, о том, как его начать. А Денис о том, не стоит ли ему самому попробовать начать этот разговор с Леной. Он так и спросил Кравцова:

– Слушай, Дань, может мне с ней поговорить?

Даня вмиг отвлёкся от своих мыслей. Он плохо воспринял эту идею, но ему хватило сдержанности не показать это.

– Нет. Даже не вздумай. А то будет выглядеть как-то гадко, что я рассказал тебе всё это.

– Да ладно тебе, ты что, шутишь...

– Я тебе серьёзно говорю, не вздумай. – Данила сказал это довольно резко, гораздо резче, чем собирался. Поняв это, Кравцов решил исправить ситуацию. – Ден, правда. Если подойдёшь к ней, она потом точно со мной разговаривать не

будет.

Денис посмотрел на друга одновременно насторожённо и с любопытством.

– Хорошо, попробуй, только потом обязательно расскажешь мне всё.

– Не вопрос.

Обстановка разрядилась, и они ещё немного поболтали о всяких военных историях, комичность которых понятна только им. После, взглянув на часы, Денис отправился в каюту отдыхать, а Дане осталось стоять на вахте ещё один час. В этот час он не смог думать ни о чём, кроме предстоящего разговора со стройняшкой-брюнеткой, как называл её про себя.

4

– Группе АТД и ПДСС, боевая готовность номер один!

Голос из громкоговорителя раздался так неожиданно, что все в каюте рефлекторно подорвались из горизонтального в вертикальное положение. Ещё секунду они не понимали, что происходит, но за первой командой тут же последовала ещё одна:

– Цель – две быстроходные лодки. Шестьдесят градусов правого борта, восемьсот метров.

Морпехи тут же принялись одеваться и экипироваться. В то же мгновение в коридоре сработала сигнализация на две-

ри в арсенал. Значит, Умаров уже здесь.

– Давай-давай быстрее! – прокричал Кравцов.

Первым с каюты выскочил Ворон. Он мигом заскочил в арсенал и через несколько секунд уже выходил оттуда с пулемётом. Пытаясь на ходу прицепить короб с патронами, он покрывал матом всё и всех вокруг.

За ним в оружейку метнулся Костя, после него Вася, а затем и Данила.

– Где Козлов? – с нетерпением спросил Умаров.

– Не знаю. Сейчас если не появится, я заскачу к нему, – ответил Данила, после чего схватил свой автомат и выскочил с молниеносной скоростью. Быстро поднимаясь по трапу, он увидел Козлова. Не сбавляя темпа, Даня гневно прокричал, чтобы тот поторопился. Козлов ответил ему испуганным взглядом и, спотыкаясь, продолжил движение к вниз. Что там происходило дальше, Данила уже не слышал.

А дальше дело обстояло так. Вбежав в комнату для хранения оружия, Володя под нескончаемый мат Умарова схватил свой автомат и, развернувшись, собирался выбежать из арсенала. На фоне его внутренних переживаний, где-то вдали он услышал гневный голос Умарова: «боеприпасы»! Ему это слышалось, словно голос в зажёванной кассетной плёнке на старом магнитофоне: «бо-ээ-пры-па-ы»... Козлов быстро развернулся, схватил магазины и выскочил сломя голову в коридор с единственной целью – быстрее занять свою позицию.

Умаров, хватая свой автомат и увидев то, что лежало в ящике, яростно заорал вслед убегающему матросу:

– Козлов!!!

Но было уже поздно. Тот, издавая берцами слоновий топот, поднимался по трапу и ничего не слышал вокруг.

В это время Ворон уже поднимался к Денису. Ещё находясь внизу, он услышал автоматную очередь, раздававшуюся с сигнального мостика. Глянув в сторону стрельбы, вдалеке он разглядел ряд поднимающихся вверх фонтанчиков. Сверху, укрывшись за фальшбортом и приложив автомат прикладом к плечу, целился Поршнев. На нём уже были накинута бронезилет и шлем.

Ворон без промедления начал подниматься по трапу. С «Печенегом» это было крайне неудобно, но несмотря на это, его ловкости можно было только позавидовать. Путь от юта до сигнального мостика отделяли три трапа и две небольшие металлические лестницы в несколько вертикальных ступеней, приваренных к корпусу корабля.

Поднимаясь по второму трапу, Ворон уже слышал полуистеричные вопли Денчика.

– Ворон, давай быстрее! Ворон, давай быстрее! – слышался сверху его крик.

Ворон и так уже был не на шутку зол со всем этим стремительным движением. Мало того что пришлось так быстро подорваться из кровати, так ещё и этот истерику закатывает. Он молча продолжил свой подъём, а Денис тем вре-

менем выпустил ещё пару коротких очередей в сторону лодок, которые никак не прекращали своё движение в сторону «МБ-205» и не изменяли курс.

– Ворон, давай быстрее! Ворон, давай быстрее!

В тот самый момент, когда Ворон увидел Поршнева вблизи, он понял, что историй об этой тревоге ему хватит не на одну пьянку. Несмотря на плохое настроение, комичность ситуации просто зашкаливала. Если бы не ответственность, лежащая сейчас на нём, он бы просто покатился со смеху. Денис, когда издавал свои истеричные крики, прямо на двух ногах бодро подпрыгивал вверх: то на месте, то смещаясь влево и вправо. Создавалось впечатление, словно он исполняет какой-то африканский танец вокруг ритуального костра. При этом автомат его был нацелен в одну сторону, а взгляд постоянно метался между Вороном и мишенью в море. Поршнева был как на «шарнирах», весь дёргался и нервничал.

– Ворон, ну где ты там с пулемётом? Давай быстрее, они плывут сюда.

– Да иду я, не ори! – не выдержал наконец Воронов. – Что ты как истеричка орёшь, не видишь, бегу я уже?

Денчик глянул на Ворона и убедился, что он забрался на сигнальный мостик. Поставив оружие на предохранитель, он начал показывать ему две небольшие мишени на горизонте, до которых явно было дальше, чем восемьсот метров. Ворон положил массивный пулемёт на фальшборт, отвёл затвор-

ную раму в заднее положение и дослал патрон в патронник. После принял изготовку для стрельбы, искоса поглядывая на сверкающие от солнца патроны в ленте.

В тот самый момент, когда младший сержант Поршнев начал спускаться с сигнального мостика, сержант Иванов, снайпер группы, карабкался вверх по лестнице на марс, расположенный на фок-мачте, где была его позиция. Он ничего не говорил, и вид у него был, как всегда, невозмутимый.

В то самое время, когда Ворон вместе со следовавшим за ним Ивановым поднимались по второму на пути трапу, отделяющему ют от сигнального мостика, Кравцов расположился на своей позиции и начал осматривать подступы к кораблю. Из-за небольшой высоты палубы над уровнем моря обзор у него был гораздо хуже, чем у остальных членов группы. Тем не менее он убедился в отсутствии лодок справа, слева и с кормовой части судна. Именно эти стороны он мог беспрепятственно контролировать. Посмотреть, что происходило со стороны носа корабля, ему не представлялось возможным из-за надстройки.

Слева от буксира шёл небольшой танкер. Его скорость превышала скорость «МБ-205», поэтому он плавно обгонял их на расстоянии примерно в двести метров от российского корабля. С носа танкера и в его кормовой части били фонтаны воды из противопожарных шлангов. На борту судна не было вооружённой охраны, и единственным средством от нападения являлись такие импровизированные водомёты.

Убедившись, что в этой точке земного шара действительно оживлённый район, Даня непрерывно вёл наблюдение за всеми сторонами. Кроме того, была вероятность, что из-за танкера в любой момент может выскочить лодка неприятеля.

Даня подошёл к левому борту и убедился, что там стоит Костя. Он принял изготовку для стрельбы сидя и нервно по-сматривал по сторонам: то наверх, в сторону поднимающихся Ворона с Васей, то в сторону соседнего судна. Глянув в сторону юта, Ефимцев увидел заместителя командира группы и левой рукой с оттопыренным вверх большим пальцем подал знак, что всё хорошо. Данила был в этом не очень уверен, но всё лучше, чем ничего.

Наверху выпустил несколько очередей из автомата Денис. Даже издалека Даня узрел, что Поршневу исполняет там какие-то странные телодвижения. Мало того что он, крича на весь корабль, Ворона звал, так ещё и прыгал как ненормальный.

Пару мгновений спустя из коридора показался Володя Козлов. Неуклюже, запыхавшись, он пытался как можно быстрее подняться по трапу. Данила увидел, что сделать это ему было крайне тяжело, потому что кевларовый шлем, плохо закреплённый на голове, сполз ему прямо на глаза. При этом бронежилет матроса был не застёгнут, а штаны сползли, обнажив на четверть его толстую задницу. Это застало Кравцова врасплох. Ему показалось очень странным, что у Володи оголился зад. Создавалось впечатление, что трусов

на нём вовсе не было. Самая тупая и неуместная мысль в этой ситуации, но тем не менее и ей имело место быть во всём происходящем безобразии, именуемым обороной судна «МБ-205».

Добежав до своей позиции, Козлов упал на палубу и принял положение для стрельбы лёжа. Позицию эту он занимал не более одной секунды. Только приняв горизонтальное положение, он выстроил на лице самую несчастную гримасу, которую можно было представить. Кроме того, Козлов резко оторвал руки от палубы... Он обжёгся. На Володе была надета футболка цвета хаки с короткими рукавами и надписью на груди «Слово за АК-74», его любимая. Даже на утреннем солнце палуба была не просто горячая, можно сказать, раскалённая. Ложиться на неё при такой температуре было крайне неразумно, но сегодня утром разум и Володя явно не ходят за руку. Всё ещё с несчастным видом на лице он худо-бедно сел и даже вроде поправил шлем.

Но весёлое зрелище продолжалось. «Клуб весёлых и находчивых» прошёл этап приветствия и перешёл к домашнему заданию.

С верхней палубы к Козлову спустился Поршневу. Жестикулируя руками во все стороны, Денис яростно что-то кричал Козлову и о чём-то спрашивал. Кравцову было не разобрать их слов с юта. После Поршневу замахнулся рукой, и Даня забеспокоился, что он сейчас ударит Володю. Видимо, всё-таки сдержавшись, Денис повернулся в сторону юта и по-

бежал. Сначала Даня не мог понять, в чём дело, но спустя мгновение картина начала проясняться. На палубе юта появился Умаров. И кто бы сомневался, в чём был подвох. С собой, помимо автомата и патронов к нему, он тащил ещё и гранатомёт с сумкой, заполненной тремя выстрелами к нему.

Только выскочив из-за двери, он покачнулся и плюхнулся задницей на одну из деревянных лавок, стоящих около стола, расположенного между трапом наверх и выходом из внутренней части судна.

Денис быстро спустился к нему. Без каких-либо слов он взял у Умарова своё оружие и гранаты к нему, после чего вслед за командиром стал подниматься по трапу. Почти преодолев подъём, Денис внезапно запутался в ремне от гранатомёта и пластом плюхнулся вперёд, не успев даже подставить руки. В итоге он ударился подбородком о палубу, а сумка с выстрелами вылетела и с высоты двух метров свалилась обратно на ют. Сам того не осознавая, Данила зажмурился от этого зрелища. Вероятность взрыва выстрелов была практически нулевой, но когда он видел их падение собственными глазами, ему стало как-то боязно.

Выкрикнув что-то нечленораздельное, Поршневу спустился обратно, схватил своё имущество и на этот раз без происшествий добрался до своей позиции, находящейся на баке. Умаров всего этого не видел и примерно в то время, как Поршневу пробегал позицию Козлова, уже доложил о готовности группы.

Лене было страшно. Она слышала команду, которую дали по громкой связи. Эта команда ей совсем не понравилась, и сейчас девушка сильно волновалась. Испуганная, она посмотрела на коллег по камбузу. Женщин, которые работали вместе с ней, всё происходящее, видимо, забавляло. Они радостно принялись обсуждать события этого утра. Подождав, пока все морпехи выбегут наверх, решили лично поглазеть, что происходит снаружи.

Ольга Николаевна посмотрела на Лену, но звать с собой не стала. Девушке в этом походе было гораздо тяжелее, чем она себе представляла. Всё оттого, что не получалось найти общий язык с другими поварами. Да и как это сделать, если женщины считали её странной, нелюдиминой, да и вообще постоянно пытались в чём-то упрекнуть. Причём своё негативное отношение к ней они совсем не скрывали. Женщины постоянно ущемляли её, озадачивали работой, которую она не должна была выполнять. Если Лена начинала возражать одной, то тут же за неё вступалась другая. Вдвоём они плотно наседали на девушку, не давая ей прохода. Рано или поздно она решится дать им отпор, но ей совсем не хотелось ссориться с ними. Ведь, кроме коллег по камбузу, общаться ей здесь не с кем.

С противоположным полом она не разговаривала вообще.

Лена была неглупой девушкой и прекрасно понимала, чего от неё хотят здесь все мужчины. Она видела, как глазают на неё молодые ребята из экипажа, постоянно отбивалась от надоедливых военных, пытавшихся ухитриться завести с ней разговор, при этом не забывая раздевать её взглядом. Даже старики и те плевались в её сторону, когда она проходила мимо. Она слышала, как грубо они отзывались о ней за спиной, и не могла понять, за что её все так не любят.

При всём при этом Лена могла выделить только Данилу. Он был одним из немногих, кто не докучал ей приставаниями и попытками познакомиться, был очень вежлив, когда они общались в Босфоре. Но завести дружбу с ним она тоже не могла. После того как они прошли Стамбул, он ни разу к ней не подошёл чему, она была только рада.

Девушка вспомнила ту ночь, когда он хотел ей помочь, ну или по крайней мере делал вид, что хочет. Вот только помочь он тогда ей вряд ли смог бы, и поэтому она отстранилась от него.

Да только от Лены не могли утаиться её собственные мысли. А мысли эти нет-нет да возвращались к этому симпатичному молодому человеку. Порой не верилось, что его улыбка тогда, в проливе, была неискренней. И всё же она сторонилась его. После жизни с отчимом она вообще мужчин старалась стороной обходить, хоть и понимала, что не все они такие, как он. Но на корабле, где больше нет молодых девушек, противоположный пол может хотеть только одного.

– Пойдём скорее, – с энтузиазмом сказала Таня Ольге Николаевне, а то пропустим всё.

Ольга ещё раз взглянула на Лену и ни с того ни с сего, уходя, бросила фразу:

– Да не бойся ты, хахаль твой в обиду тебя не даст.

Лена так и замерла на месте после её слов. Что имела в виду Ольга? Кого она имела в виду? В отличие от многих других случаев, сейчас девушка была абсолютно уверена в том, что слышала. Ей не показалось, ей не послышалось, она чётко расслышала Ольгу и видела, как шевелятся её губы при произношении этой фразы: «Да не бойся ты, хахаль твой в обиду тебя не даст». Кто этот хахаль и к чему вообще она это сказала? Неужели о ней уже ходят какие-то слухи? Может, она имела в виду Данилу? Но с чего это? Многие видели, как он её фотографирует, но это не повод рассказывать невесть что. После этого они ни разу не общались, тогда к чему Ольга сказала это? Лене стало стыдно от мысли, что о ней и этом морпехе сложилось ложное представление. Девушка твёрдо решила, что непременно спросит у Ольги Николаевны, что она имела в виду этой фразой.

От мыслей её оторвали нарастающие автоматные очереди. Через открытые иллюминаторы она слышала сильный грохот выстрелов, и одной ей стало ещё страшнее. А вдруг пираты доберутся до корабля? А вдруг военных они застрелят, а остальных возьмут в плен? Она видела репортажи по телевизору о кораблях, захваченных сомалийскими пиратами.

Лена уже начала сомневаться, правильно ли она сделала, отправившись в это путешествие. Через открытый иллюминатор девушка посмотрела вдаль и увидела там несколько маленьких лодок. Время от времени перед ними поднимались небольшие фонтанчики воды. Значит, военные стреляли совсем рядом. Почти над самым ухом и очень громко раздался голос в громкоговорителе. От неожиданности Лена чуть не подпрыгнула.

– Внимание по судну, внимание по судну. Экипажу покинуть верхнюю палубу и загерметизировать иллюминаторы и двери во внутренние помещения. Экипажу покинуть верхнюю палубу и загерметизировать иллюминаторы и двери во внутренние помещения. Выход на палубу запрещён.

После этих слов Лена испугалась ещё больше. Она запаниковала и не знала, что ей предпринять. Девушка метнулась к выходу из камбуза, но тут же остановилась. Развернувшись, она подошла к иллюминаторам и принялась их закрывать. Жара стояла невыносимая. Пот ручьями стекал по лицу и телу, волосы стали липкими. Но выбора всё равно не было. Завертев «барашки» на последнем иллюминаторе, девушка села на табуретку. Она не знала, что ей дальше делать. Услышав шум в коридоре, Лена встала и принялась, как и раньше, чистить овощи. Надо было куда-то деть руки. Через пару секунд в помещение вошли её старшие коллеги и, весело смеясь, собирались вернуться к своим делам.

Таня посмотрела на Лену и забеспокоилась. Она увидела

скапливавшиеся в уголках глаз девушки слёзы и неподдельный страх.

– Лена, что с тобой? Всё нормально?

Девушка, едва сдерживая себя, пытаясь изо всех сил не разрыдаться, кивнула, что всё хорошо. Если бы она открыла рот и попыталась сказать что-то, то наверняка бы не выдержала и разрыдалась. А вот Ольга Николаевна не видела лица Лены и язвительно сказала ей, открывая иллюминаторы:

– Леночка, да что с тобой такое? Зачем ты закрыла иллюминаторы, хочешь, чтобы мы тут задохнулись? Ты что думаешь, негры тут в окно полезут? – После этих слов она громко рассмеялась. – Ты прекращай тут страху наводить, это не первый раз такое. Сейчас вояки постреляют, и всё нормально будет, лучше овощи чисти побыстрее.

Лена не выдержала, и пока слёзы ручьями не полились из её глаз, она выбежала в коридор.

– По-моему, это уже слишком, – осуждающе проговорила Таня. – Доведёшь девчонку.

– Ничего страшного, все мы это проходили. А то строит тут целку из себя. Зачем она сюда вообще попёрлась, жопой вертеть или что? Вот объясни, зачем она сюда поехала? Готовит нормально, могла бы на берегу устроиться куда-нибудь.

Таня невесело посмотрела на подругу, после чего задумчиво проговорила:

– Кто знает? Может, на то есть причины. Ты заметила, что она мечтательница какая-то? Может, просто захотела в море

побывать.

– Ну раз хотела, пусть получает. Думаю, это будет её первый и последний поход.

Пятнадцать минут спустя Лена вернулась и в полном объёме выполняла свою работу. Мыслей поговорить с Ольгой Николаевной у неё больше не возникало.

6

В то утро Виктор был в прекрасном расположении духа. Голова совсем не болела. Он плотно и вкусно позавтракал, а до вахты оставалось ещё несколько часов. Хватало времени посмотреть на всю эту весёлую стрелкотню, которую устроили на верхней палубе.

Настроение улучшалось с каждой новой маленькой оплошностью вояк. Он видел обжёгшегося на палубе толстяка, упавшие вниз выстрелы к гранатомёту, споткнувшегося молокососа и так далее и тому подобное. Вся эта суета наполняла его безудержным весельем. Мысленно он даже понадеялся, чтобы такие тревоги повторялись почаще. Надо непременно посещать подобные зрелища, может, что поинтереснее произойдёт.

Во время пребывания любопытной толпы на юте он успел поворковать с поварихами. От одной из них Виктор узнал, что скоро у неё намечается юбилей и он является желанным гостем. Дату она сообщит позже, так как не знает, когда луч-

ше отметить день рождения. Скорее всего это произойдёт на следующей неделе. А в общем, это и неважно, ведь других планов, кроме как томиться в этой железной коробке, у него всё равно нет.

Поэтому хорошая мысль. Даже больше – отличная, что тут сказать. Давненько он не отрывался как следует. Жаль только, что юбилей не сегодня. С таким прекрасным настроением он мог бы как следует «поздравить» именинницу. Он знал, что обязательно трахнет её. Такой вот хороший подарок на юбилей. А почему бы и нет? Она никогда раньше ему не отказывала, с чего ей начинать теперь? А если не с ней, так с другой, какая разница? В море Виктор не особо думал о женщинах, но ведь с женой он не спал уже очень давно. Да и не сильно хотелось спать с этой набожной дурой.

В последнее время он если и трахал её, так только потому, что организм требовал. Не её, конечно, а его. Потребности глупой суки, с которой ему приходилось жить, не сильно волновали Виктора. Если ей так сильно надо, пусть сама себя «лобызает» или что они там делают, когда мужика нет рядом.

А может, она с кем трахается, там, прямо у тебя дома и на твоей кровати? Да, да, это может происходить прямо сейчас, пока ты тут именины собираешься праздновать.

Виктор вновь слышал этот странный голос в его голове. Было очень необычно, он начал слышать его совсем недавно. Возможно, всё началось, когда они отчалили от родных

берегов.

Да нет, бред какой-то. Кому она нужна? Она ни за что не станет так рисковать. Она знает, что ей конец, если муж узнает о чём-то подобном. Виктор был уверен, что в таком случае его даже не осудят. Ведь убить жену за измену – это даже не грех, наверное. Что там по этому поводу в Библии написано? От этих мыслей Виктор вновь приободрился.

Максимум её удел – это подручные средства, которые сможет дома найти. Вот ими она наверняка и будет себя улаживать. Вряд ли ей хватит мозгов приобрести что-то дельное в одном из этих сумасшедших магазинов «для взрослых». Правда, она в последнее время уж больно набожная стала, а монашки, они ведь такие. Если нет мужиков, сами справляются. А как иначе? Быть не может, чтобы они, такие просвещённые, жизнь проживали воздерживаясь. Плоть людскую не обмануть... А чтобы улажить женщину, из дырки которой вышли трое, нужен агрегат побольше. У Виктора имелся именно такой, но он был сейчас здесь, поэтому жёнушке придётся потрудиться, выискивая подходящий инструмент.

Виктор рассмеялся. В толпе зевак, наблюдающих за пиратами, несколько человек глянули на него.

– Что такое увидел, Витёк? – спросил один электрик.

– Да так, ничего. Просто представил лица негров, когда по ним палят шквальным огнём. – После этих слов собеседник тоже заулыбался.

Размышляя обо всём происходящем и предвкушая пред-

стоящее, Виктор простоял неопределённое время. После того как голос вахтенного помощника потребовал покинуть верхнюю палубу, люди как сумасшедшие ринулись внутрь. Испугавшись непонятно чего, большинство даже женщин вперёд пропускать не стали. Трусые, отребья безмозглые. Но Виктор не боялся, он был уверен, что если морпехи не справятся, то он легко возьмёт у любого сосунка ствол и разнесёт чёртовых туземцев. Стрелять Виктор умел, причём очень даже неплохо.

Всем им, черножопым, место в аду. Пусть там селятся, а не планету заселяют, и без того грешную.

Готов поспорить, Виктор Батькович, что тебя за такие добрые слова Отец Небесный к себе заберёт.

Опять голос в его голове заговорил, и мысль, озвученная им, Виктору очень понравилась. С ней он и зашёл последним в коридор, не забыв закрыть дверь изнутри.

Не торопясь Виктор прошёл по коридору и заглянул в столовую. Никого. Он прошёл дальше, размышляя о том, чем бы себя занять ближайшие пару часов, до заступления на вахту. Спать не хотелось, а заняться особо нечем. Решив сходить в галюн и справить малую нужду, он на секунду притормозил перед дверью. В очередной раз глянул на инструкцию, приклеенную к ней, и улыбаясь зашёл внутрь. Перед умывальником стоял его товарищ, которого он сменит на вахте. Коллега удивлённо глянул на Виктора и спросил:

– Что с тобой?

– Ничего, – ответил Виктор. – Всё отлично.

– Я вижу, в том-то и дело. На тебя это непохоже, даже глаза побелели. Ты вроде как прямо помолодел.

Виктор улыбнулся и зашёл в кабинку. Дверь за собой он не закрыл и проговорил, не поворачиваясь к собеседнику:

– Просто на редкость хорошее настроение.

– Ещё какая редкость, – ответил товарищ, закрывая кран. – Ладненько, бывай, а я пошёл.

«Иди, иди, дурачок», – подумал про себя Виктор. Он доделал свои дела и, не помыв руки, вышел в коридор.

Дальше произошло событие, которое кардинально поменяло его настроение. В левое плечо ему врезалась та самая девчонка, которая совсем недавно почти так же врезалась в плечо Кравцову. Причём на том же самом месте. Хорошего настроения Виктора как не бывало. Девушка глядела на него заплаканными глазами.

«Тупая тварь, куда ты прёшь?»

Виктор скорее почувствовал это, а не подумал так.

Девушка не ревела, но глаза её были покрасневшие и влажные. Видимо, кто-то довёл её до такого состояния раньше, а жаль. Виктор сам с радостью сейчас бы сделал это.

Он никак не мог понять, почему она его так бесит. Сначала он подумал, что девка напоминает его жену в молодости. Но когда Тамара была молода, он её вроде как любил, не так ли? Так. Тогда дело совсем не в этом. Вот только в чём же ещё? Пока неясно, но одно известно точно: она – мелкая

шлюха, которая испортила ему такое хорошее настроение. Вот за это ей надо извиниться, непременно. Как будто прочитав его мысли, глаза темноволосой шлюшки вдруг просохли и стали скорее испуганными, а не заплаканными. Она удивлённо смотрела на Виктора, то и дело отводя взгляд.

– Извините, пожалуйста. Я не специально... – робко промямлила наглая девка.

И тут как ни в чём не бывало она, опустив голову, двинулась, точнее, попыталась двинуться дальше по коридору. Виктор резко схватил её за тоненькую ручку и крепко сжал. В нём возникло непреодолимое желание сжать её со всей силы, чтобы кости захрустели. И он был уверен, что это произойдёт. Глаза девушки от испуга стали напоминать два шарика для гольфа, которые вот-вот вынырнут из лунки под воздействием вливаемой в неё воды.

Кто знает, что бы произошло дальше, если бы они оба не услышали звук открывающейся двери в галюне. Кто-то выходил из второй кабинки, которая была закрыта, когда Виктор заходил по нужде. Возможно, Виктор не выдержал и в гнев сломал бы её руку, а может, она закричала бы прежде, и несомненно, кто-нибудь прибежал на крик.

Но волей случая из кабинки вышел тот самый электрик, который спрашивал Виктора на юте о его смехе. Увидев неоднозначную картину в проходе, он на мгновение помедлил, а потом открыл кран с водой, искоса поглядывая на странную пару.

Собрав волю в кулак и желая не привлекать внимания, Виктор чуть наклонился к лицу Лены и тихо проговорил:
– Аккуратнее.

После этого он отпустил её руку, и девушка пулей метнулась к женскому туалету. Еле сдерживая очередной приступ плача, она суетливо открыла дверь непослушными руками и с грохотом захлопнула её. «Ещё увидимся», – подумал Виктор и спустился к себе в каюту. Весь остаток дня настроение у него было паршивое. Голова разболелась, и про юбилей поварихи он в тот день больше не думал.

7

На внешней палубе продолжалось противостояние. Когда Ворон подумал о многочисленных пьянках, в которых не упустит возможности рассказать о событиях того дня, он был более чем прав. Потому что события продолжали охватывать своих участников если не очень интересным, то по крайней мере увлекательным сюжетом.

Капитан после доклада Умарова посмотрел на свой секундомер. Цифры на табло показывали одну минуту двадцать девять секунд. Позже он скажет об этом Умарову и похвалит за слаженные действия, но сейчас события на «театре» военных действий продолжали разгораться.

Количество быстроходных лодок вокруг российского буксира и соседнего танкера неизвестного происхождения про-

должало увеличиваться. Те две лодки, что двигались в их направлении изначально, изменили курс и пошли в обход по большому кругу. С левого борта показались еще три катера. Два из них двигались параллельно буксиру, а один направлялся под углом девяносто градусов к борту судна. По громкой связи вахтенный помощник вновь дал команду:

– Внимание по судну, внимание по судну. Экипажу покинуть верхнюю палубу и загерметизировать иллюминаторы и двери во внутренние помещения. Экипажу покинуть верхнюю палубу и загерметизировать иллюминаторы и двери во внутренние помещения. Выход на палубу строго запрещён.

Умаров, когда увидел приближающиеся лодки, без промедления отдал команду Ворону:

– Воронов!

– Я!

– Девяносто градусов левого борта. Шестьсот метров, лодку видишь?

Ворон беглым взглядом окинул водную гладь и заметил небольшой катерок.

– Да.

– Пусты очередь рядом, только не по ней.

К этому времени танкер слева ушёл немного вперёд и не закрывал обзор и пространство для стрельбы. Капитан, увидев суету Умарова и его действия, успокоился и просто молча наблюдал, периодически переходя через весь ГКП то на левый, то на правый борт.

Ко всему прочему на свои позиции выбежали также и водолазы. Их предназначение было не в отражении таких нападений на корабль, но по тревогам они тоже привлекались. Оружие и боеприпасы их группы хранились отдельно, в небольшой нише, расположенной на ГКП. Она находилась прямо под палубой и закрывалась металлической крышкой. Парни во главе с мичманом тоже выбежали после команды, но несколько позже морпехов. Их позиции согласно боевому расчёту не пересекались, и они занимали места возле выхлопной трубы судна. Исключение составлял лишь один молодой водолаз, который находился рядом с Даней на юте. Кравцов, да и все остальные морпехи к этому времени успели немного познакомиться с коллегами и в целом нашли общий язык. Того, что стоял рядом с Даней, звали Артёмом, и он был самым молодым из их группы.

Кравцов наблюдал за обстановкой. Все цели, которые он видел, двигались либо не к кораблю, либо не в направлении кормы. В связи с этим Данила не открывал огонь, в котором не было необходимости. Ему хотелось, адреналин внутри него творил странные вещи, но разум не давал воли чувствам. Палить просто ради того, чтобы пострелять – плохая идея.

Оглядевшись вокруг, Кравцов заметил, что на юте собралась толпа гражданских, наблюдавших за происходящим. Он крикнул, чтобы они уходили, но никто из зевак не обратил на

него внимания. После того как из громкоговорителей прозвучала команда покинуть верхнюю палубу, экипаж без промедления начал забегать внутрь. И что самое интересное – большинство мужчин отправилось туда первыми, не пропустив вперёд двух женщин, которые тоже вышли поглазеть на пиратов.

Ворон, получив команду от Умарова, метнулся к левому фальшборту, положил на него ствол пулемёта и, сняв оружие с предохранителя, пустил длинную очередь. В ленте на сто патронов осталась примерно половина, судя по его расчётам. Всплески воды прошли в непосредственной близости от катера, направлявшегося к ним. И Умаров, и Ворон поняли, что, может быть, выстрелы задели и лодку. Они переглянулись, но никто ничего не сказал. Остановившись, вражеский катер развернулся и убыл в направлении двух других лодок.

Умаров прошёлся по обоим бортам, но катеров поблизости больше не увидел. Водолазы тоже куда-то стреляли, но это было их личное дело. После коротких очередей наступило минутное затишье.

Неожиданно снизу послышался голос Поршнева. Умаров подошёл ближе к борту и посмотрел на бак.

– Сергеич, лодка! – Он показал рукой в сторону уходящего вперёд танкера. Сначала Умаров ничего не мог разглядеть из-за яркого блеска солнца, отражавшегося от воды. Но приглядевшись повнимательнее, он увидел, как небольшой ка-

терок вышел прямо из-за корабля и двигался в их направлении. Скорость лодки была невысокой, и он принял интересное решение:

– Иванов, – обратился он к Васе, сидящему на мачте, – держи на мушке лодку, если рванёт на нас, стреляй по ней.

– Уже. – Иванов спокойно сидел сверху и наблюдал за неприятелем через прицел СВД. Ворон не сдержал смешок.

Даже не посмотрев на Васю, Умаров вновь устремил свой взгляд вниз и крикнул Денису:

– Поршневы, гранатомёт заряжай.

Денис вопросительно посмотрел на него, но всего секунду. Автоматически он хотел уточнить что-то у командира группы, но тут же ответив себе на свой мысленный вопрос, присел и достал из сумки одну гранату и стартовый пороховой заряд к ней. Быстрыми движениями мокрыми от пота руками он прикрутил заднюю часть к передней и принял вертикальное положение. Положив гранатомёт на правое плечо, он аккуратно вставил гранату внутрь ствола, предварительно поставив оружие на предохранитель. Как стрелять из гранатомёта, ему в начале похода показал Данила. До этого практики стрельбы из него у Дениса не было.

Внимательно следя за действиями подчинённого, Умаров вновь прокричал ему:

– Стреляй метрах в пятидесяти от него! Либо слева, либо справа. Готов?

– Да!

– Огонь!

Ещё пару секунд Поршневу помедлил, сняв оружие с предохранителя и взведя курок. После он во всю глотку прокричал:

– ВЫСТРЕЛ!

Все вокруг приготовились к грохоту. Капитан со своим помощником заткнули уши.

– Ш-чк! – слышалось снизу. Это была осечка, звонко отозвавшаяся щелчком металла о металл.

– Вот блин, что такое? – спросил Поршневу то ли себя, то ли Умарова.

– Давай взводи заново. Быстрее только, лодка приближается, если ты не заметил. – Умаров нервничал.

Поршневу, ошутимо разволновавшись, осмотрел гранатомёт и гранату. Только ему известно, зачем он это сделал. Закончив, он снова взвёл курок.

– ВЫСТРЕЛ!

– Ш-чк! – вновь раздалось снизу. Тут капитан начал заметно беспокоиться. Он посмотрел в сторону Умарова и спросил:

– Ну что там такое, Сергей?

Взглянув на капитана, но ничего не ответив, Умаров отдал указание Ворону, чтобы тот пустил небольшую очередь. Поршневу, услышав эту команду, разнервничался ещё больше и попросил не стрелять. Его слова утонули в стрекоте пулемётной очереди, из-за чего на лице Дениса отразилась оби-

да.

– Сергей Сергеевич, что делать?

Умаров не раздумывая, видя, что лодка остановилась и начала медленно разворачиваться, начал инструктировать гранатомётчика:

– На предохранитель поставь, достань гранату, но не полностью. Видишь вырез для фиксатора гранаты, прямо на стволе, спереди?

– Ну и?

– Посильнее гранату туда вставь. Чтобы пипка в этот вырез со щелчком вошла. Прямо резче вставь, не бойся.

Денис сделал, как сказал Умаров, и вновь принялся прицеливаться.

– Ну что, стреляю? – спросил он.

– Да, стреляй.

– **ВЫСТРЕЛ!**

– **БАХ!**

Громчайший взрыв раздался по всему судну, и те, кто решил не закрывать уши, об этом очень сильно пожалели. Граната со скоростью сто двадцать метров в секунду вылетела в сторону надводной цели. Метрах в семидесяти от катера ввысь ударил трёхметровый фонтан. Издалека нельзя было разглядеть лица сидевших в лодке людей, но тем не менее она ускорила свой разворот и быстро начала удаляться. Поршневу, увидев действия вражеского катера, радостно завопил, прямо как ребёнок, взорвавший петарду, когда никто

этого не ожидал.

На этом всё закончилось. Через тридцать минут, когда последние катера скрылись за горизонтом, дали отбой судовой тревоге и Умаров сказал собраться всем подчинённым на юте. В течение пяти минут он находился на ГКП. После разбора действий группы капитан попросил оставить одного вахтенного, ещё раз проинструктировал и отпустил заниматься своими делами. Спустившись на ют, Умаров лично проверил оружие каждого военнослужащего на разряженность. Вручив им масло и ветошь, приказал тщательно почистить вооружение, чем все с удовольствием и занялись, включая самого Умарова.

8

У морпехов между собой был неофициальный договор. Данила обещал, что когда они в первый раз будут отстреливаться от пиратов, он наконец откроет припрятанную бутылку «Хеннесси», купленную в прошлой командировке в Duty Free одного из европейских портов. Однако, несмотря на уговоры товарищей, Данила не стал её открывать. Объяснил он это тем, что откроет её только тогда, когда сам лично будет вести огонь по пиратам или по кому бы то ни было ещё, претендующему на эту роль. Парни в шутку обвинили его в нечестности, но особо не придирались.

После обсуждения весёлых историй, произошедших с ни-

ми сегодня утром, кто-то из морпехов лёг спать, а кто-то улёгся и начал заниматься повседневными делами, такими как просмотр фильмов или видеоигры.

Даниле не спалось. Он решил отправиться на ют и посидеть там, наслаждаясь тёплым и звёздным вечером. Но больше его волновало обещание, данное себе самому вчера вечером. О необходимости разговора с Леной он прекрасно помнил. Вот только не знал, с чего начать и как к ней подойти. Он не собирался идти к ней в каюту на разговор. Во-первых, он никогда бы не решился это сделать из-за её странного поведения и нелюдимости, а во-вторых, он чувствовал, что тут нужно было действовать иначе, найти подходящий момент и как бы невзначай заговорить.

Так или иначе, он теперь он сидел на юте за столиком. В это время туда постоянно кто-нибудь выходил покурить или попить чай. Обычно за столом велись какие-нибудь непринуждённые разговоры о погоде, о предстоящих заходах в порт и о многом другом. Даня безучастно слушал все эти беседы. Иногда кому-нибудь поддакивая и делая вид, что слушает. Его мысли сейчас были настроены совсем на другое.

Посмотрев на часы, Кравцов увидел, что стрелки доходили до десяти часов вечера. Он решил посидеть ещё полчаса и идти спать. Хорошее настроение постепенно сменилось упадочным. Если поговорить с Леной опять не удастся, то на душе останется неприятный осадок. Раздражённый людьми, без конца подходящими к столу, он решил отойти поближе к

корме и постоять там в одиночестве. Одиночество – редчайшая роскошь в военной жизни. Когда приходится служить в такой части, как бригада морской пехоты – люди окружают постоянно. Времени на уединение практически не бывает. А когда оно, наконец, появляется, кто-то всегда приходит и всё равно нарушает долгожданный момент. Поэтому Даниле нравилось стоять на вахте. Там было четыре часа безмятежного спокойствия и одиночества. И это было хорошо...

Раздумывая обо всём этом, Кравцов боковым зрением увидел недалеко от себя тень. Предчувствие. Ещё не повернувшись, он уже знал, что там стоит Лена. Сердце предательски заколотилось в груди. Да, это действительно была она. В лёгких спортивных штанах и той самой майке, которая была на ней в ту злачную ночь. Девушка стояла с левого борта и задумчиво смотрела в темноту перед собой. «Может, она сейчас думает о чём-то подобном», – подумал Даня. Просто-яв так ещё около минуты, он смотрел на неё и не мог оторвать глаз. Что такого в ней было, что заставляло каждый раз испытывать внутри живой трепет? «Надо бы к ней подойти, прямо сейчас. Второго шанса может не быть».

И хотя Лена стояла к нему спиной и никакой тени от него в её сторону не падало, она вдруг резко обернулась и посмотрела прямо ему в глаза. Как будто почувствовала, что он разглядывает её. Понимая, что просто нагло рассматривает девушку, Даня тут же отвёл взгляд, как и она. Действовать нужно было без промедления, иначе она могла уйти. Внутренне

подбирая слова, он направился к ней и встал рядом.

– Привет.

– Привет, – ответила она.

– Я не помешал?

– Да нет. Я так... Просто решила перед сном свежим воздухом подышать.

Посмотрев поближе, Даня разглядел, что её распущенные волосы были запутанные и мокрые. В полумраке эти нерасчёсанные локоны пробудили в нём тёплые чувства. В такой лёгкой спортивной одежде и с оголёнными руками она выглядела такой худенькой, беззащитной и хрупкой. В голову Данилы прокралась совсем подростковая мысль. Ему вдруг захотелось защитить девушку от какого-то невидимого злодея. И он готов был постоять за неё против кого угодно. Подобные мысли свойственны лишь молодым мечтателям, коим Данила себя никогда не считал. Но он не мог выкинуть её из головы. Или из сердца.

– Да, классный вечер: тихий и спокойный. Море гладкое, а небо звёздное.

Лена посмотрела на него:

– Мне почему-то кажется, что здесь на небе гораздо больше звёзд, чем дома, в Севастополе.

– Мне тоже...

Они простояли ещё какое-то время в полном молчании. Потом Данила всё-таки решился начать тот разговор, к которому стремился:

– Слушай, я хотел с тобой поговорить.

Она как будто ждала этих слов. Даже не посмотрев на него, просто спокойным голосом спросила:

– О чём?

– О той ночи. Помнишь, когда ты врезалась в меня возле туалета?

Теперь она взглянула на Данилу, и он никак не мог понять, что означает этот взгляд.

– Извини, может, я лезу не в своё дело, но, как ни странно, та ночь не даёт мне покоя.

Он сказал это и с опаской ждал её реакции. Ничего не последовало. Она снова молча продолжала смотреть в темноту.

– Просто у тебя был такой вид, как...

– Как будто что? – Её голос стал вдруг таким резким, что Даниле пришлось пожалеть о начатом разговоре. Видимо, ничего из этого не получится.

– Подожди, не надо так резко. Я не с плохими намерениями это говорю.

– А с какими намерениями? – Голос оставался тем же. – Ты хочешь сейчас узнать, почему я разревелась, чтобы потом обсудить это со своими друзьями? Или думаешь, я не знаю, о чём вы все здесь говорите про меня?

– Кто «вы»?

– Да все вы!

На этом моменте Кравцов понял, что девушка еле сдерживает слёзы. Ему стало так жалко её, что он решил сбавить

темп. Но договорить он просто обязан.

– Слушай, во-первых, этот разговор только между нами. Во-вторых, то, что произошло той ночью, я ни с кем больше не обсуждал. – Он на мгновение поймал себя на лжи (необходимой лжи). – Просто если тебя кто-то обидел или обижает, скажи, я помогу.

– А, ну кон...

– Не перебивай меня. Я знаю, что ты скажешь, что ты сама и всё такое. Думаешь, я тут пытаюсь из себя защитника строить? Просто у тебя был вид, словно кто-то сильно тебя обидел. И знаешь, у меня есть одно предчувствие, а своим предчувствиям я доверяю, что твои подруги тебе помогать не будут. Думаю, они только добавят. А к кому-то другому ты сама не обратишься, хотя мне кажется, что ничего дурного в этом нет.

Лена посмотрела на Данилу искренне удивлённым взглядом, может быть, даже с любопытством. Кравцов так и не смог понять, что из них преобладало.

– Если ты мне не доверяешь, то просто подумай. Что должен подумать человек, в которого ночью врезается молодая девушка, которая совсем недавно на корабле. Заплаканная, вся трясётся...

– Я не тряслась...

– Даже не спорь со мной. Я говорю то, что видел своими глазами. И я в этом уверен. А потом на мою попытку тебя как-то успокоить ты реагируешь криком и отталкиваешь ме-

ня. И дело не в тебе, будь там кто-то другой на твоём месте, я бы всё равно забеспокоился.

– А если бы на твоём месте был кто-то другой, он бы тоже так переживал за меня?

– Думаю, да, – ответил Даня, а сам подумал про того воюющего моториста с красными глазами. Он тоже был где-то рядом той ночью, но в нём он был совсем не уверен. – Если бы ты видела себя тогда, то поверила бы мне. А что я должен был сделать дальше? Может, я, конечно, неправильно воспитан, но я решил дождаться, пока ты выйдешь из душа. Я не знал, что думать. Мы вроде бы с тобой до этого даже немного успели пообщаться, и такой грубой реакции я никак не ожидал. Но дальше – больше. Ты помнишь, что было дальше? Представь, стоишь и ждёшь человека, за которого беспокоишься. А он выходит из душа, и вся его одежда насквозь мокрая, словно ты принимала этот душ прямо в одежде. И вид у тебя был такой... Как правильно сказать... Отстранённый...

– Я... Я не могу...

– И что я услышал дальше? – Даня решил договорить до конца. – На моё предложение помощи ты ответила что-то вроде «о себе лучше позаботьтесь». Что это значило? Можешь мне объяснить? Я не со зла ведь говорил с тобой. Мне даже стало как-то обидно, что ли...

Лена ещё какое-то время постояла молча, а потом сказала:

– Данила, я не могу тебе рассказать, почему я так себя

повела той ночью. Извини, но точно могу сказать, что меня никто не обижал. Просто... Плохое настроение.

– Плохое настроение? Поэтому ты в одежде под душ полезла?

– Ну, не совсем так. Я не очень хочу это сейчас обсуждать. Спасибо, что спросил. Спасибо, что тогда ночью подошёл, и прости, что я так отреагировала. Не могу всего объяснить, но если тебя действительно это волнует и ты правда беспокоишься, то знай, что всё нормально. Просто, как ты правильно заметил, я новый человек на корабле. Мне тут общаться особо не с кем, и настроение порой не самое лучшее. И откуда ты узнал, что поварахи, которые со мной работают, мне не помогут?

– А что, думаешь, не видно? Этим толстухам лишь бы поглумиться над тобой. Я же разведчик, поверь, от меня не так просто это скрыть. И кстати, про общение. Можешь общаться со мной. Я только за.

Лена застенчиво улыбнулась, и атмосфера немного разрядилась. Они оба поняли, что дальше разговор пойдёт легче.

– Хорошо, буду иметь в виду. Вот только не знаю, можно ли тебе доверять? – При этих словах она улыбнулась. И хотя выглядело это как шутка, но на самом деле для неё это был серьёзный вопрос.

Данила смотрел на неё, не зная, как правильно ответить. Он не хотел, чтобы Лена думала про него как про остальных. В подкатах к девушкам он не такой профессионал, как Де-

нис.

– Сделаем так. Я не буду тебя целыми днями доставать чем бы то ни было. Но если ты вдруг захочешь поговорить с кем-то, то можешь всегда смело ко мне обращаться. Я всегда тебя выслушаю, если надо. По любому вопросу. Мне ты можешь доверять. И не волнуйся, всё, о чём мы будем говорить, всегда будет только между нами. Даю тебе слово морского пехотинца.

После этих слов он заулыбался, и Лена ответила ему тем же.

– Хорошо, надеюсь, слово морского пехотинца много значит.

– Конечно, много, но только настоящего – такого, как я. – Он засмеялся после своих слов. – Остальным я бы так не доверял.

Лена тоже засмеялась в ответ.

– Очень скромно.

– Ага...

Наступила продолжительная пауза. Данила стоял и думал, как продолжить разговор. А продолжить он его очень хотел. Может, и она тоже, надеялся Кравцов. Лена заговорила первой:

– А ты сегодня тоже отстреливался... От этих... Ну лодок, в общем...

Даня был рад, что тема разговора поменялась. Он знал, что ещё не договорил, но решил вернуться к этому позже.

– Да нет, к сожалению, не получилось. Я выбежал вместе со всеми, но моя позиция здесь находится, на юте. А так как на этом направлении никто на меня не мчался, то пришлось просто наблюдать за обстановкой.

– А почему ты говоришь «к сожалению»?

– Ну, как тебе объяснить? Мне просто хотелось пострелять. Это вообще, в принципе интересно. А пострелять по живым мишеням ещё интереснее.

Девушка посмотрела на Кравцова осуждающим взглядом, и он понял, что неправильно выразился.

– Нет, нет, нет... Ты не подумай. Я просто неправильно выразился. В смысле я не хотел никого убить и всё такое. Просто это как бы своеобразное приключение такое. Стрелять в тире – это одно, а здесь, когда на корабль, возможно, происходит нападение – это совсем другое. К тому же парни стреляли не прямо по лодкам, а рядом с ними. – В этом Кравцов был, конечно, не совсем уверен, но решил промолчать.

Лена слушала, глядя на него. Когда он закончил, она спросила:

– А тебе не было страшно?

Вопрос в самую точку. Что ему ответить? Показать себя бесстрашным морпехом и в красках описать, что это для него это раз плюнуть? Взвесив все за и против, Данила решил, что от этой девушки он не хочет утаивать правду.

– Если честно, то, может, немного стрёмно было. Мне в

первый раз довелось участвовать в таком. Хотя не сказать, что прям страшно. Скорее ощущение, когда тебя адреналин переполняет. Вот так будет правильнее сказать. По тебе никто не стреляет, ничего такого, но в то же время ты понимаешь, что там люди. Возможно, их цель – захватить этот корабль. Это по-своему интересно, если так можно выразиться.

– А я испугалась. Когда девчонки пошли посмотреть, я осталась на камбузе.

– Да, я заметил, что тебя не было. – Даня сразу понял, что зря сказал последнюю фразу.

– Так ты наблюдал за мной? – с улыбкой спросила Лена.

Кравцов решил всё повернуть в шутку:

– Конечно, я же разведчик. Ты что, забыла?

Они оба улыбнулись после его слов и опять замолчали.

Немного постояв в тишине, Лена вновь заговорила:

– Знаешь, я даже иллюминаторы закрыла на камбузе. Подумала: «А вдруг они заберутся на корабль или подойдут вплотную?» Сейчас мне кажется это смешным, но тогда мне было действительно не до смеха. Я за пределы Крыма ещё никогда не выезжала, поэтому для меня всё это так ново.

Даня с улыбкой смотрел на неё. Ему она казалась такой забавной с этими страхами. Лена, увидев его улыбку, поспешила поинтересоваться:

– Что? Почему ты так улыбаешься?

После Данила проговорил слова, которые в дальнейшем определили их взаимоотношения на ближайшее время, а мо-

жет, и не только на ближайшее. Фразу, которую он никогда бы не сказал, пользуясь только разумом. Эти слова так необдуманно, просто поддавшись временному порыву, могли исходить только из его сердца:

– Знаешь что, тебе незачем волноваться по этому поводу. Не бойся тут ничего. Я тебя в обиду не дам.

После этих слов воцарилось неловкое молчание. Даня проклинал себя за эту фразу. Как он мог сказать такую банальную глупость? Прямо здесь и прямо сейчас он готов был под землю провалиться от стыда, охватившего его. Оставалось только надеяться, что она нормально отреагирует либо вообще не обратит внимания на его слова.

Лена продолжала молчать, а Данила, осознав, что нужно разрядить обстановку, так и не поняв, как это сделать. В итоге он проговорил:

– Я надеюсь, ты меня поняла. Если вдруг возникнут проблемы или надо будет с кем-нибудь поговорить, обращайся. Я тут как тут. А захочешь обсудить поподробнее ту ночь или высказаться – не стесняйся. Я умею хранить секреты, уж в этом ты можешь не сомневаться.

Внешне он улыбался, но на самом деле сильно нервничал от того, какую глупость говорил. Как он решился на такое и что с ним происходило при этом? Сейчас он понимал, что либо потерпит крах, либо они действительно подружатся.

Лена кивнула и улыбнулась. Глядя на него, она сказала:

– Да, я помню, разведчик. Хорошо. Если проблемы, обра-

щаться к тебе.

Они оба понимали, что на этом их разговор должен быть закончен. Дальше он просто не смог бы быть продолжен по такой простой причине, как взаимное стеснение. Они слишком много друг другу сказали за этот вечер для незнакомых людей. Нужно было расходиться, и Лена вновь сделала первый шаг:

– Данила, я пойду. Завтра рано вставать, завтрак вам надо приготовить. Сам понимаешь.

– Да, конечно. Мне тоже рано утром на вахту.

– Ну, тогда спокойной ночи.

– Спокойной ночи. Приятно было пообщаться. Прости, если что не то сказал.

– Взаимно. Нет, всё нормально. – Она помялась и добавила: – Ну я пойду.

– Ага, я тоже.

Они разошлись и по разным коридорам направились в свои каюты. В тот вечер никому из них не удалось уснуть раньше чем через час. Каждый прокручивал в голове события этого вечера, той ночи и их знакомства в Босфоре.

Глава 5

Оман

1

Прошло ещё несколько дней безмятежного морского похода. Пройдя какое-то расстояние после пролива, корабль встал на якорь. Через некоторое время нужно было пополнять запасы воды, топлива и провизии.

Буксир выполнял свои задачи в Аденском заливе строго по назначению. В этом походе он был придан большому противолодочному кораблю Северного флота, которому был необходим в случае неисправности. Военные корабли такого класса, как БПК «Вице-адмирал Кулаков», имея довольно большую продолжительность автономного плавания, всё же не могут выходить на дальние рубежи без вспомогательных судов.

Отчалив от родных берегов Североморска, БПК в сопровождении одного из буксиров Северного флота довольно быстро преодолел расстояние до Гибралтарского пролива. После он самостоятельно проделал переход через Средиземное море. В Тартусе – одном из портов Сирии, где с

давних пор была расположена Российская база материально-технического обеспечения, корабль был под завязку пополнен всем необходимым. Оттуда он продолжил путь самостоятельно до самого выхода из Красного моря.

Там корабль собирал караван торговых судов и сопровождал их через опасные воды северо-западной части Индийского океана. На случай, если по каким-либо причинам корабль вдруг выйдет из строя и не сможет самостоятельно отбыть до ближайшего порта на ремонт, и предназначался небольшой морской буксир. В случае необходимости он мог своими силами отбуксировать большой военный корабль до ближайшего берега. Буксир не ходил в непосредственной близости за БПК. Он либо бороздил океан по указанному маршруту, который ему давал командир похода с «Кулакова», либо вставал на якорь в указанном им же районе.

Третьим кораблём в их совместном плавании был небольшой танкер Черноморского флота «Иван Корсаков». Он так же, как и «МБ-205», относился к судам обеспечения и вышел из бухты на пару дней позже буксира. Скорость он мог набирать на несколько узлов большую, чем буксир, в связи с чем не было необходимости выгонять их в один день.

Танкер был предназначен для дозаправки как одного, так и второго судна непосредственно в море. Не было необходимости руководству ВМФ загонять в иностранные порты все три корабля, когда танкер мог легко погрузить за раз на свой борт достаточно продуктов, воды и топлива для обеспечения

остальных. С этой целью «Иван Корсаков» должен был зайти в один из портов Арабских Эмиратов или Омана. В дальнейшем суда могли пришвартоваться к танкеру в открытом море и пополнить запасы необходимого. Именно так и обеспечивалось беспрепятственное выполнение поставленных задач всеми судами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.